Юрий ФЕЛЬШТИНСКИЙ

К ИСТОРИИ НАШЕЙ ЗАКРЫТОСТИ

«ТЕРРА» – «TERRA»
1991

Юрий ФЕЛЬШТИНСКИЙ

К ИСТОРИИ НАШЕЙ ЗАКРЫТОСТИ

Законодательные основы советской иммиграционной и эмиграционной политики

«ТЕРРА» – «TERRA»
МОСКВА 1991

ББК 84Р7
Ф40

ISBN 5-85255-014-0

ОГЛАВЛЕНИЕ

Юрий Фельштинский

К ИСТОРИИ НАШЕЙ ЗАКРЫТОСТИ

Репринтное издание

Редактор *С. А. Кондратов*
Художник *И. Е. Сайко*
Технический редактор *Р. И. Смирнова*

Подписано к печати 02.11.90. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9,66. Усл. кр.-отт. 9,91. Уч.-изд. л. 8,63. Зак. 1314. Тираж 50 000 экз. Цена 5 р. 90 к.

Ассоциация совместных предприятий международных объединений и организаций Издательский центр «Терра». Москва, Автозаводская, 10, п/о 280, п/я 73.

Отпечатано на Ярославском полиграфкомбинате Госкомпечати СССР. 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга не ставит своей задачей восстановить полную летопись эмиграции и иммиграции. Её общий источник: советские иммиграционные и эмиграционные законы. Я мог бы назвать ее: "О законодательных основах нашей закрытости". И посвятить – всем застреленным при переходе коммунистических границ, всем погибшим у Берлинской стены, фундамент которой был заложен в день большевистского переворота.

*

... Первая мировая война, две революции и развязанная большевиками Гражданская война привели Россию к небывалому в её истории общественно-политиче-

скому кризису, результат которого не мог не отразиться на эмиграционных и иммиграционных процессах. Мировая война заставила европейские страны раскидать по территориям чужих государств сотни тысяч своих граждан в качестве военнослужащих, пленных, беженцев или интернированных. Распад Российской Империи и образование новых государств, таких как Польша и Финляндия, поставили на повестку дня вопрос об оптациях иностранного гражданства.

В той или иной степени решением аналогичных задач занимались все европейские государства. Но не в пример Европе советская власть рассматривала свои проблемы сквозь призму теорий классовой борьбы, перманентной революции и капиталистического окружения. Результатом этой политики стала массовая эмиграция из России, образовавшая свои крупнейшие политические центры в Париже, Берлине, Праге, Софии, Белграде и Харбине.

В то же время новый советский режим привлек тысячи западных коммунистов или людей, желавших попытать счастья в "новом свете", в РСФСР. Советское правительство вынуждено было также сотрудничать с Европой в деле обмена и возвращения на родину иностранных граждан, в большинстве своем – военнопленных.

В 1917 году, еще не собранные в кодексы, законы вырабатывались на основе общей политики советского государства, вырисовавшейся в первые дни октябрьского переворота. Неотъемлемым звеном этой политики стал принцип тотального контроля всех связей советской республики и заграницы. Еще слаба была власть, но 2 декабря 1917 года Троцкий издал приказ о визации паспортов при въезде в РСФСР[1]. Отныне въезд в пределы советской России разрешался лишь

лицам, имевшим паспорта, заверенные единственным в те дни советским представителем за рубежом Вацлавом Воровским, находившимся в Стокгольме[2]. Тремя днями позже "впредь до дальнейших распоряжений"нарком НКВД Г. И. Петровский распорядился о запрещении выезда из РСФСР без разрешения местных Советов граждан воевавших с Россией государств[3].

Это была робкая и осторожная поступь неопытной советской власти. К концу декабря 17-го она изобрела общие положения о въезде и выезде, да такие, каких не знала еще многовековая Россия или Европа. Здесь были одновременно и паспорта *с фотографиями*, и "надлежащие печати", и специальные разрешения со специальными подписями, специальные же представители НКВД и НКИД; здесь предусматривались обыски и личные осмотры для всех, включая женщин, стариков и детей. (Лишь для дипломатов, в соответствии с международными нормами, делались исключения.) Здесь конфисковывалось, конечно же, все "недозволенное к провозу" и запрещался вывоз документов, могущих "повредить" экономическим или политическим интересам еще толком-то и не образовавшейся советской власти, причем лица, у которых такие "документы" были найдены, подлежали немедленному аресту[4].

Вослед советской России созданное в 1919 году правительство советской Украины также начало свою законодательную деятельность с попытки контроля въезда и выезда. Оно ввело заграничные паспорта для лиц, желавших из республики выехать, причем прошения о выдаче таких паспортов подавались в отделы управления губисполкомов[5]. К прошению должны были быть приложены разрешения на выезд за границу от гражданского комиссариата и губернской чрезвычайной комиссии, а для мужчин еще и от военного комис-

сариата. Требовалась также справка финансового отдела исполкома о том, что за просителем не числится никаких недоимок, и три фотографии. Проситель должен был заполнить в иностранном отделе "справочный лист", причем показания должны были быть подтверждены заверенными нотариально подписями двух поручителей...[6]

Историографии по вопросу советской эмиграционной и иммиграционной политики практически не существует ни в СССР, ни за его пределами. Многочисленные советские энциклопедии, включая 16-томную советскую историческую энциклопедию, об эмиграции из СССР не упоминают вообще и лишь вскользь говорят об иммиграции[7]. Фундаментальные труды советских исследователей истории СССР[8] и КПСС[9] также умалчивают о советской политике в отношении эмиграции и иммиграции[10]. Но и западная историография не уделила достаточного внимания данной теме. Правда, существует богатейшее литературное, историческое, публицистическое, религиозно-философское и эпистолярное наследие русской эмиграции[11] и книги, написанные на Западе эмигрантами и западными историками о первой русской эмиграции и выдающихся её деятелях[12]. В итоге в то время как эмиграционная и иммиграционная политика дореволюционной России известна относительно хорошо[13], советский период практически не изучен.

Данная монография ставит своей целью ответы на вопросы, в каком разрезе и почему советское правительство вырабатывало, развивало и изменяло свою политику по отношению к иммиграции и эмиграции; какое влияние на развитие этой политики оказали классовая идеология советского государства и теория

пролетарского интернационализма, военные причины и экономические соображения. Для ответов на эти вопросы в работе исследуются собрания официальных правительственных законов, декретов и постановлений[14], ежегодно выходящих в свет[15].

Тематически материал классифицирован следующим образом: документы, относящиеся к въезду в советские республики, анализируются в главе про иммиграцию; документы, относящиеся к выезду, — в главе про эмиграцию.

Для изучения различных периодов советской истории важность этих источников не одинакова. В первые годы советской власти собрания узаконений действительно включали в себя все правительственные постановления, опубликованные в советской печати ко всеобщему сведению. Но со второй половины 1920-х годов количество публикуемых законов резко сократилось, и примерно с 1927 года они уже не отражали динамики развития советской эмиграционной и иммиграционной политики. То, что было чуть ли не исключением в первые революционные годы, стало правилом позже: никем не опубликованные и официально не принятые, существовали и претворялись в жизнь правительственные циркуляры и приказы. С другой стороны, законы, изданные и опубликованные, часто оставались лишь на бумаге. К началу 1930-х годов изменился и сам характер правительственных постановлений. Большинство их сводилось теперь к информации о переменах в государственной бюрократической машине. В годы партийных и правительственных чисток таких постановлений было особенно много.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. Собрание Узаконений рабоче-крестьянского правительства РСФСР, 1917-1918 гг. (Далее: С.У. РСФСР, 1917-18), ст. 78. Постановление НКИД от 2 декабря 1917 года за подписью Троцкого "О визации паспортов при въезде в Россию".

2. Постановление преследовало две цели. Во-первых, контролировался поток въезжающих; во-вторых, иностранные государства и их граждане, равно как и въезжающие в РСФСР российские подданые, обращаясь к советскому представителю за визой, как бы признавали советское правительство де-факто.

3. См. С.У. РСФСР, 1917-18, ст. 89. Постановление от 5 декабря 1917 года за подписью наркома НКВД Петровского.

4. См. там же, ст. 163, постановление СНК от 20 декабря 1917 г.; см. там же, ст. 174, постановление от 21 декабря 1917 г. за подписями Уншлихта и Залкинда.

5. Собрание Узаконений Украинской ССР, 1919, ст. 265. Декрет СНК УССР от 11 марта 1919 г. за подписями Раковского и наркома внутренних дел УССР Ворошилова "О заграничных паспортах".

6. Согласно принятым тогда же декретам о выезде с Украины и о въезде в нее иностранцы, покидавшие Украину, должны были иметь разрешение на отъезд от уполномоченных наркоматов внутренних и иностранных дел, а украинские подданные — от отделов управления губисполкомов. Эти украинские декреты в основном повторяли более ранние законы советской России, с той, пожалуй, разницей, что иностранцы, желающие въехать на Украину, и украинские подданные, находящиеся за границей, не имевшие дипломатических паспортов, допускались в республику лишь по особому разрешению заграничного представителя СНК УССР. Этот представитель препровождал заполненные просителем опросные листы прямо на пограничный пункт. Иностранцы же для получения визы на въезд представляли полномочному представителю Украины за границей свои национальные заграничные паспорта. Информация о въезжающих пересы-

лалась заграничным представителем по телеграфу в правовой отдел НКИД, который, в свою очередь, пересылал всё в штаб военного ведомства. В штабе и решался вопрос окончательно: впустить просителя или же посчитать его пребывание на Украине недопустимым "по военным соображениям". (См. там же, ст. 266 "О выезде из Украины" и ст. 267 "О въезде на Украину" от 11 марта 1919 г. за подписями Раковского и Ворошилова.)

7. Энциклопедия государства и права в трех томах (Москва, 1924-26) сообщает о группах сельскохозяйственных рабочих, прибывших в Россию из Америки и Германии, но ничего не пишет об эмиграции из СССР. Советская сибирская энциклопедия (1930-1931) рассказывает об эмиграции в Сибирь из Китая, Кореи и Японии. Но статья "Эмиграция" в ней вообще отсутствует. Третье издание Большой советской энциклопедии (Москва, 1951-1959) более беспристрастно. Энциклопедия ничего не пишет об эмиграции из СССР или об эмиграции в Советский Союз, но изучает вопрос миграции... животных. Исключение, пожалуй, составляет первое издание Большой советской энциклопедии (Москва, 1930-е годы) под общей ред. Бухарина, поместившее подробный очерк по истории мировой эмиграции. Крайне незначительна и советская юридическая литература по этому вопросу, причем касается она обычно очень узких групп (см., например: Правовое положение иностранцев в РСФСР. Справочник для иностранцев, оптантов и беженцев. Под ред. Д. М. Левина. Издание Литиздата НКИД, Москва, 1923; Правовое положение физических и юридических лиц СССР за границей. Систематизированные материалы с комментариями. Юридическое издательство, НКЮ РСФСР, Москва, 1926; Законодательство и международные договоры СССР и союзных республик о правовом положении иностранных физических и юридических лиц. Систематизированные материалы с комментариями. Юридическое издательство, НКЮ РСФСР, Москва, 1926).

8. См., например, История СССР с древнейших времен до наших дней в 12-ти томах (Москва, 1960-1970 гг.).

9. См. Историю КПСС в шести томах. Москва, 1966-1979.

10. Нужно отметить при этом, что иммиграция и эмиграция как таковые интересуют советских историков. Так, Ш. А. Богина опубликовала книгу "Иммигрантское население США 1865-1900 гг.", Ленинград, 1976. Отдельная книга посвящена дореволюционной российской трудовой эмиграции (Н. Л. Тудоряну. Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма /в Германию, Скандинавские страны и США/. Кишинев, 1986). Есть книга и о вернувшихся в СССР реэмигрантах (Почему мы вернулись на Родину. Свидетельства реэмигрантов. Изд. Прогресс, Москва, 1983), и об иностранцах, запросивших в СССР политическое убежище (Они выбрали СССР. Москва, 1987). И даже — о белой эмиграции (Л.К. Шкаренков. Агония белой эмиграции. Издание второе, Москва, 1986), и об эмиграции антисоветской (Прибалтийская реакционная эмиграция сегодня. Литовская, латышская и эстонская антисоветская эмиграция на службе империализма. Рига, 1979). А вот об эмиграционной политике советского правительства и об эмиграции из СССР ни одной книги нет.

11. Архив русской эмиграции — Бахметьевский Архив Колумбийского университета в Нью-Йорке, безусловно, одно из самых ценных таких собраний.

12. Здесь не удастся перечислить малой части этих книг. Достаточно упомянуть, что даже в Швеции вышла на русском языке небольшая книжка об эмиграционном периоде жизни Милюкова (см. J.P. Nielsen. Милюков и Сталин. О политической эволюции П. Н. Милюкова в эмиграции /1918-1943/. Осло, 1983), и что над книгой о русской эмиграции работает сейчас известный американский историк России Марк Раев.

13. Так, Кэмбридж Юниверсити Пресс опубликовал работу Р. Бартлетта по истории иммиграции в Россию в конце 18 — начале 19 веков. В Гарвардской Этнической энциклопедии вышло эссе Роберта Магоски "Русские". Блестящий очерк об эмиграции и иммиграции в энциклопедии Брокгауза и Эфрона во многом не устарел и сегодня. Наконец, освещен хорошо вопрос о еврейской эмиграции, прежде всего в работах Ричарда Пайпса "Jewish Emigration in Pre-Revolutionary Russia", Soviet Jewish Affairs (1973) и Ханса Роггера "Tsarist

Policy on Jewish Emigration", Soviet Jewish Affairs (1973).

14. Собрание Узаконений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (далее: С.У. РСФСР), 1917-1939; Декреты советской власти, 1917-18 гг. (Москва, 1925); Собрание Узаконений Украинской ССР (далее: С.У. УССР), 1919-1924; Вестник ВЦИК, СНК и СТО СССР, 1923-1924; Собрание Узаконений Закавказской СФСР (далее: С.У. ЗСФСР), 1923-1924; Собрание Законов Союза ССР (далее: С.З. СССР), 1924-1939. В монографии использованы также материалы моих работ, опубликованных ранее, в том числе: "Из истории нашей закрытости", Новый журнал, № 146, 1982, стр. 224-240; № 147, 1982, стр. 245-258; "The Origins of the Closed Society", Russia, № 3, 1981; "The Legal Foundation of the Immigration and Emigration Policy of the USSR (1917-1927)", Soviet Studies, vol. XXXIV, № 3, July 1982, pp. 327-348.

15. При использовании советских законов как исторических источников следует принять во внимание, что декретом ВЦИК от 13 июля 1923 года за подписью Калинина декреты, принятые ВЦИК РСФСР и его президиумом, распространялись на всю территорию СССР. (См. С.У. РСФСР, 1923, ст. 796.)

ИММИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА, 1917–1927

Иммиграционную политику советских республик в первые послереволюционные годы предопределили политические и идеологические факторы, прежде всего – классовый подход, распространяющийся даже на само понятие "интернационализма". Именно поэтому иммиграционные законы того времени несли на себе печать идеологии, согласно которой мир делился на два враждебных лагеря – пролетариат и буржуазию. Неудивительно, что первый советский иммиграционный закон, принятый в декабре 1917 года, разрешил въезд в РСФСР только политическим эмигрантам, получившим личные удостоверения от созданных за границей эмиграционных комитетов и разрешение на въезд от представителей СНК; да русским гражданам, въезжающим по дипломатическим паспортам, выданным советским

правительством. Из иностранцев же в РСФСР впускались лишь дипломаты нейтральных или союзных России государств, но только в том случае, если их паспорта были заверены в советском полпредстве[1].

Отход от классовой политики, однако, все-таки допускался. В странах Востока никакая политическая борьба не протекала в отрыве от религии, и отталкивать от себя мусульманских революционеров советское правительство считало ошибкой. Большевики понимали, как усилится антиколониальное движение к югу от РСФСР, если организаторы этого движения будут знать, что в случае поражения на родине они смогут укрыться в стране Советов. РСФСР, таким образом, стала бы базой не только революционеров Европы и Америки, но и Востока. Именно поэтому мартовским законом 1918 года советское правительство предоставило право политического убежища иностранцам, преследуемым у себя на родине за преступления политического или религиозного характера[2].

В случае получения от иностранного государства требований о выдаче запросившего в СССР политического убежища, дело передавалось в НКИД, а оттуда в суд, который должен был постановить, "носило ли оно политический, религиозный или общеуголовный характер". После этого и решался вопрос о выдаче, причем выданы могли быть только уголовные преступники. Годом позже похожее постановление приняло правительство советской Украины. Согласно этому постановлению выдаче не подлежали иностранцы, подвергшиеся у себя на родине преследованиям "за так называемые религиозные преступления и за преступления, направленные против правительств, защищающих интересы господствующих классов". Зато выдаче подлежали лица, подвергшиеся

на своей родине преследованиям за преступления, "направленные против правительств, защищающих интересы трудящихся классов", т. е. против советского правительства[3]. За своей ненадобностью закон этот вскоре был отменен[4]. А несколько позже Советы перестали предоставлять политическое убежище иностранцам, преследуемым на своей родине за религиозные убеждения (в это время советская власть уничтожала русскую православную Церковь и духовенство советской Средней Азии). Политическое убежище в СССР предоставлялось теперь лишь за преследования, связанные с "общественной деятельностью" просителя[5].

Однако наличие постоянных жителей — иностранцев не удовлетворяло советское правительство, стремившееся к созданию монолитного общества, где никакая из групп населения не имела бы таких привилегий как освобождение от службы в армии или прав на эмиграцию. Не решаясь заставить иностранцев, в том числе и политических эмигрантов, живших в России, принять советское гражданство, правительство, однако, с апреля 1918 года сделало его получение необыкновенно легким. Российское гражданство мог приобрести теперь любой иностранец, проживающий в РСФСР. Для этого он должен был подать заявление в местный Совет. В заявлении указывались сведения анкетного характера, в том числе, не подвергался ли проситель арестам за уголовные преступления, а если да, то за какие. Личность иностранца в случае отсутствия документов заверялась свидетелями — гражданами РСФСР. За предоставление ложных сведений иностранец мог быть привлечен к уголовной ответственности или лишен предоставленного ему ранее российского подданства.

После рассмотрения этого заявления местный Совет и принимал решение о приеме в гражданство.

Таким образом, первоначально вопрос о приеме иностранцев в советское подданство решался довольно просто и в низших бюрократических инстанциях. Даже сроки рассмотрения заявлений не были оговорены, что позволяет сделать вывод о неформальном подходе к просителям. В исключительных случаях допускалось принятие в русское гражданство иностранцев, находившихся за границей. В этом случае заявление должно было подаваться иностранцем в ближайшее представительство РСФСР (или же на имя председателя ВЦИК) и рассматривалось ВЦИКом. О принятых в число российских граждан иностранцах СНК и ВЦИК сообщал в НКВД, который регистрировал новых подданных, опубликовывал их списки и извещал об этом заинтересованные правительства[6]. НКВД же в дальнейшем осуществлял и негласный надзор за теми из бывших иностранно-подданных, кто въехал в РСФСР. Те же, кто, приняв советское гражданство, оставался какое-то время за границей, по закону 1923 года могли получить советский заграничный вид на жительство, выдаваемый на три, шесть или двенадцать месяцев и продляемый не более, чем на год[7]. Несколько раньше первая советская конституция, принятая в июле 1918 года Пятым Всероссийским съездом Советов, "исходя из солидарности трудящихся всех наций", предоставила "все политические права российских граждан иностранцам, проживающим на территории Российской республики для трудовых занятий и принадлежащим к рабочему классу или к непользующемуся чужим трудом крестьянству" и признало "за местными Советами право предоставить таким иностранцам, без всяких

затруднительных формальностей, права российского гражданства"[8].

Правда, даже тогда, когда этого не хотели иностранцы, но требовали интересы революции, различий между иностранцами и гражданами России не делалось. Так в январе 1919 года "на всех граждан, проживающих в пределах советской России, не исключая и иностранцев" был распространен закон "О единовременном чрезвычайном революционном 10-миллиардном налоге". Представители некоторых иностранных государств запротестовали: по международным законам военные налоги не могли распространяться на иноиностранцев. Тогда советское правительство объявило налог "не специально военным" и решение свое оставило в силе[9].

Аналогичная политика проводилась и на Украине, на практике не различавшей российских и украинских подданных. Переход российских граждан в украинское гражданство мог быть осуществлен без большого труда[10], а переход из украинского гражданства в русское разрешался без всяких ограничений путем подачи заявления в соответствующий губисполком[11]. Принятый же в марте 1919 г. закон о приобретении прав украинского гражданства[12] фактически повторял апрельское постановление 1918 года, принятое в России[13].

Советское правительство, однако, столкнулось с трудностями при попытке определить статус беженцев, бывших подданных Российской Империи. Многие из них не являлись теперь гражданами России, так как ранее проживали, либо родились, за пределами РСФСР[14], например, в Польше, Финляндии или на территориях, отторгнутых от советской России согласно условиям Брест-Литовского мирного договора. 13 июля 1918 г.

советское правительство предоставило таким беженцам право в течение месяца со дня издания декрета возбудить перед НКВД ходатайство о выходе из российского подданства[1]. Но этот жест, казавшийся гуманным, был тактическим ходом: двумя неделями позже Ленин подписал новый закон, объявив всех беженцев, не воспользовавшихся только что предоставленным им правом и не заявивших о выходе из русского гражданства, подданными РСФСР[16].

Советское правительство хотело изменить статус иностранцев в РСФСР по политическим, военным и экономическим соображениям. Заинтересованное в подготовке кадров для мировой революции, оно нуждалось в иностранцах. Но международные законы создавали на пути советского правительства сложности. Так иностранца нельзя было мобилизовать в армию или арестовать, не известив об этом заинтересованное государство. Частная собственность, полностью конфисковываемая у советских граждан, могла в некоторых случаях оставаться за иностранцами. Из квартир иностранцев не конфисковывалась мебель, хотя сами квартиры конфискованы быть могли[17] (над нелогичностью подобных постановлений никто, судя по всему, не задумывался).

Чтобы сгладить различия между иностранцами и советскими гражданами, украинское советское правительство в 1919 году, когда, казалось, начали сбываться надежды большевиков на скорую мировую революцию[18], уравняло проживавших в УЦССР иностранцев в правах с гражданами Украины, России, Латвии и Эстляндии[19], то есть тех территорий, которые в это время были частично или полностью оккупированы Красной армией. В марте 1919 года декретом СНК УССР в правах с гражданами советской Украины были урав-

нены и ”все беженцы, вследствие войны поселившиеся на территории Украины... если они не перешли в установленном порядке в число граждан другого государства”[20]. Наравне с украинскими гражданами иностранцы отвечали за совершение ”контрреволюционных” и общеуголовных преступлений[21], в том числе и за занятие контрабандой[22], были окончательно уравнены в правах на имущество[23] и стали привлекаться к трудовой повинности. И тут их ”уравняли”, но не доверили повинности, имевшие ”прямое отношение к делу обороны Республики (как-то рытье окопов, возведение укреплений, выработка оружия, снарядов, военного снаряжения и т. д.)”[24]. Правительство опасалось шпионажа.

Поскольку из-за общего развала в стране НКВД не в состоянии было осуществлять надзор за иностранцами и привлекать их к трудовой повинности, советское правительство начало проводить в 1919 году периодические регистрации иностранцев. Регистрироваться иностранцы должны были в местных Советах в недельный срок со дня опубликования постановления[25]. Иностранцы должны были, кроме того, заполнить анкету из 24 пунктов, причем требовалось, чтобы они указали, ”кто из партийных или советских работников или какой заводской комитет или советское учреждение может поручиться за лояльность по отношению к советской власти” и ”с кем из иностранцев (регистрирующийся) имел сношения в России и за границей”[26]. Ну, а если по тем или иным причинам иностранец вообще не пришел на регистрацию ”до истечения вышеуказанного срока”, он мог быть привлечен ”к ответственности по всей строгости военно-революционного времени”, т. е. теоретически вплоть до расстрела.

О любой перемене адреса иностранцы должны были лично уведомлять регистрационные учреждения. Несоблюдение этого правила также каралось "по всей строгости военно-революционного времени". Домовым комитетам, владельцам и управляющим домами вменялось "в строжайшую обязанность следить за точным и неуклонным исполнением сего обязательного постановления"[27]. При переезде из одной советской республики в другую иностранные граждане обязаны были получить на это специальное разрешение в виде визы[28]. А в Закавказье, по соглашению с НКИД, правительство в любой момент могло ограничить права иностранцев на свободное передвижение, избрание профессий, открытие или приобретение торгово-промышленных предприятий (это во времена нэпа), строений или участков. Иностранные акционерные общества и товарищества могли приобрести в ЗСФСР права юридического лица лишь с особого разрешения правительства[29]; а за отклонение от регистрации[30] иностранцы подлежали высылке в административном порядке[31]. Но, с другой стороны, на иностранцев, по крайней мере на некоторых, иногда распространялись льготы, которых советское правительство давать обязано не было. Так в Закавказье в 1924 г. персидские подданные, возвращающиеся в Персию "согласно удостоверению профсоюзных организаций" на время или навсегда, а также члены их семей, как состоящие в профсоюзах, так и не состоящие в них, освобождались от уплаты паспортных сборов[32].

Что касается советской карательной практики, то, начиная примерно с 1919 года, она уже не делала различий между советскими и иностранными подданными, которые за содеянные уголовные или политические преступления подвергались одинаковому наказа-

нию. Это во многом облегчало работу ЧК и революционных трибуналов, которые не нуждались в выяснении гражданства своих жертв и могли с большей быстротой приводить в исполнение приговоры. Юридическим обоснованием предоставления карательным органам права вынесения приговоров иностранцам стал первый советский уголовный кодекс, названный "Руководящими началами по уголовному праву РСФСР", принятый в конце 1919 года[33]. Согласно "Руководящим началам" уголовный кодекс РСФСР действовал на всей территории советской России как в отношении советских граждан, так и в отношении иностранцев, "совершивших на ее территории преступление, а равно в отношении граждан РСФСР и иностранцев, совершивших преступление на территории иностранного государства, но уклонившихся от суда и наказания в месте совершения преступления и находящихся в пределах РСФСР". На практике это означало, что иностранец, совершивший по мнению советских властей на своей родине "преступление" (например, против советской власти), мог быть арестован за это в случае приезда в РСФСР и судим.

Такая постановка вопроса отнюдь не была случайной. УК РСФСР и УК УССР 1922 года также распространялись на все преступления, совершенные советскими гражданами на родине и за ее пределами, а иностранцами — на советских территориях и за границей, если советское правительство считало совершенные преступления подпадающими под статьи советских УК. Изъятия из этих правил делались лишь в порядке особых договоров, заключенных советским правительством с иностранными государствами[34].

"Руководящие начала", однако, не содержали в числе видов наказания статьи, применявшейся в от-

ношении иностранцев достаточно часто: высылки за пределы советской республики. Так 13 января 1918 года советское правительство приняло решение разорвать дипломатические отношения с Румынией в ответ на аннексию Румынией Бессарабии и разоружение на Румынском фронте войск Красной армии. СНК арестовал румынского посла, держал его заложником и требовал отвода румынских войск из Бессарабии, а когда эта мера не принесла успеха, конфисковал хранившийся в Москве золотой запас Румынии, вывезенный сюда на хранение в связи со вступлением Румынии в войну на стороне Антанты и риском захвата золота противником[35]. Румыния и тогда не уступила, однако потребовала от советского правительства соблюдения международных норм и освобождения румынских дипломатов. СНК подчинился, и "все агенты румынской власти" (т. е. румынское посольство в России) были высланы в Румынию и стали, вероятно, первыми высланными из советской республики иностранцами. Высылки имели место и позже. Постановлением от 2 мая 1919 года Украинское советское правительство выслало из УССР представителей иностранных государств, отказавшихся признать советское правительство Украины. Консульские представители таких стран должны были покинуть Украину в течение 8 дней, т. е. не позднее 10 мая[36]. И только в 1921 году вышло правительственное постановление, согласно которому иностранцы, чей "образ жизни, деятельность и поведение" признавались советским правительством "несовместимыми с принципами и укладом" советской жизни, высылались из советской России по приговору судебных органов республики или по постановлению ВЧК, причем независимо от того, высылался ли иностранец по указанию суда или постановлению ВЧК,

именно ВЧК осуществляло на практике постановление о высылке. Порядок высылки определен был особой инструкцией, выработанной совместно тремя наркоматами (НКИД, НКВД, НКЮ) и ВЧК. На основании данного закона подлежали высылке и лица, оптировавшие иностранное гражданство и не получившие специального разрешения от НКВД на продление срока своего пребывания в советской России[37].

Тогда же постановление "О порядке высылки преступного элемента из пределов УССР" приняла советская Украина[38], дополнив его год спустя еще одним декретом, согласно которому с Украины приказом НКВД по соглашению с наркоматом иностранных дел могли быть высланы иностранцы, пребывание которых в УССР украинское советское правительство находило "вредным для интересов республики"[39]. В 1922 году высылка была предусмотрена в качестве одного из видов наказания в новом Уголовном кодексе РСФСР[40], а несколько позже – в законодательстве ЗСФСР[41]. В 1923 году эти законы были реализованы на практике: в ответ на убийство в Лозанне В. Воровского правительства советских республик запретили выдавать въездные визы швейцарским подданным, "кроме трудящихся, кои не несут ответственности за неслыханные действия швейцарского правительства". И хотя правительство Швейцарии к покушению никакого отношения не имело, из Швейцарии отозвали советских торговых представителей и выслали из СССР всех швейцарских дипломатов[42]. Запрет на пребывание иностранных граждан в СССР содержали и некоторые двусторонние договоры, заключенные советским правительством с другими державами. Так, согласно советско-германскому договору 1925 года[43] каждая из сторон сохраняла за

собой право запрещать отдельным гражданам противной стороны пребывание или поселение на своей территории по приговору суда или соображениям внутренней и внешней безопасности. Нежелательному иностранцу в случае его высылки об этом вручалось удостоверение[44].

Политика советского государства по отношению к русским подданным, находившимся за рубежом, проявилась уже в январе 1918 года, когда правительство разрешило бывшим гражданам Российской Империи вернуться в Россию[45]. Но даже они не могли въехать беспрепятственно: въездные визы выдавались только представителем СНК за границей. В общей проблеме возвращения на родину российских граждан выделился вопрос о пленных и демобилизованных. Поток этот не был новым и наметился еще до революции. Советское правительство не внесло каких-либо видимых изменений в законы царской России о вернувшихся военнопленных. Их принимали с почетом и даже выдавали денежное вознаграждение за время пребывания в плену. Размер этого вознаграждения не мог превышать 1500 руб. А семьи пленных, умерших в плену, получали такое довольствие в половинном размере. Инвалидам предполагалось платить пособие в 25 или 50 рублей в месяц, в зависимости от степени инвалидности[46]. Сумму эту, безусловно, следует признать мизерной. (25 рублей в виде пошлины уплачивалось, например, при переходе из русского гражданства в украинское.) Паек возвращающихся военнопленных был приравнен к пайку тыловых и резервных частей Красной армии[47].

Советы шли на это не из гуманности, а по соображениям военной целесообразности. Они, с одной стороны, нуждались в солдатах для Красной армии, а с другой — опасались, что оставшиеся за границей

русские граждане могут быть вовлечены в деятельность антисоветских организаций за рубежом. В дополнение к этому существовала 9-я статья Женевской конвенции о военнопленных, обязывающая правительство вознаграждать своих подданных за время пленения. И перед лицом международной общественности "рабоче-крестьянское правительство" еще не смело предать ее забвению[48].

Однако уже тогда начали проявлять себя зловещие симптомы. В декабре 1918 г. вышло постановление "О праве получения содержания из имущества лиц, объявленных отсутствующими и о судебном признании пропавших [без вести] умершими"[49]. Согласно этому закону все отсутствующие военные чины, в большинстве своем военнопленные, а также все пропавшие без вести, юридически признавались умершими. Предусматривалось, что нетрудоспособные родственники по прямой нисходящей и восходящей линии получали из имущества отсутствующих содержание. Это постановление, звучавшее, безусловно, цинично, носило исключительно экономический характер. В революционные годы при постоянных разделах земли и перераспределении собственности советская власть была крайне не заинтересована в том, чтобы соблюдать право собственности фактически отсутствующих людей, в массе своей — военнопленных. Неизвестно было, кто из них был действительно жив, кто и когда мог вернуться. Война еще шла, причем даже во время Брест-Литовских мирных переговоров вопрос об обмене пленными не обсуждался в конкретной форме. Поскольку законы об отмене прав на наследство были приняты сразу же после революции, государство теперь дополняло их законами о конфискации имущества "юридически умерших".

Не ко всем военнопленным советская власть относилась одинаково. Вернувшимся из плена солдатам перед тем, как их снова забирали в армию, теперь уже Красную, в РСФСР предоставлялся короткий отпуск. А украинское советское правительство мартовским декретом 1919 года предоставило "отсрочку по призыву на военную службу впредь до особого распоряжения всем военнослужащим Республики, находившимся в плену во время минувшей войны 1914–1918 гг. и возвратившимся после 1 января с. г. на родину"[50]. Законы эти, однако, не были распространены на офицеров. Советское правительство настолько нуждалось в них в армии и настолько боялось оставить их в тылу, что предпочло иметь офицеров на фронте под бдительным надзором комиссаров[51]. С августа 1919 года возвращавшихся офицеров и унтер-офицеров направляли в распоряжение Всероссийского Бюро всеобщего военного обучения[52], используя их не только на фронте, но и в тылу, в качестве инструкторов.

В первые годы советской власти международные традиции, урегулированные Женевской конвенцией, сказались и на отношении советского правительства к возвращавшимся из Белого или "буржуазного" плена бойцам Красной армии. Августовским постановлением 1920 г. их предписывалось "удовлетворять по возвращении из плена единовременным денежным пособием в размере трехкратной наименьшей тарифной ставки местности регистрации возвратившегося из плена... независимо от должности военнослужащего и продолжительности пребывания его в плену". Соответственно, указанное пособие не выдавалось "военнослужащим, сдавшимся в плен добровольно и добровольно исполнявшим у неприятеля работы, относившиеся к военным действиям"[53]. Таких воен-

нопленных "по возвращении... из плена и впредь до решения дел о них соответствующими судебными установлениями" довольствовали "на общих основаниях с лицами, состоящими под судом революционных военных трибуналов и содержащимися под стражей или в концентрационных лагерях"[54]. Закон, однако, очень мягко обходил вопрос о том, *где* нужно было содержать таких вернувшихся военнопленных. Но очевидно, что именно в концентрационных лагерях их и содержали.

Если в лагеря попадали даже возвращавшиеся из плена солдаты Красной армии, говорить о распространении Женевской конвенции на взятых в плен солдат Белой армии не приходилось. Когда созданным при РВС республики Особым отделом ВЧК представлялось "затруднительным по первоначальному материалу" выяснить благонадежность военнопленных и перебежчиков, "захваченных на фронтах Гражданской войны", пленных направляли "в лагери принудительных работ", где дела их передавались в Особые комиссии Главного управления принудительных работ, созданные при НКВД и при подведомственных НКВД организациях на местах. В состав Особых комиссий входили представители отдела принудительных работ НКВД, ОСО ВЧК, "военного ведомства и, по мере заинтересованности, революционного военного трибунала". В целом, Комиссии образовывались для "урегулирования и установления единообразного порядка в откомандировании в Красную армию военнопленных и перебежчиков, морально-политическая благонадежность которых" была "в достаточной степени выяснена". Но Комиссия отправляла "благонадежных" пленных еще и в Трудовые армии, а не благонадежных, "числящихся за Особыми отделами" ВЧК "и революционным военными трибуналами, на принудительные работы по месту

жительства", если там была "установлена и укреплена советская власть". Основанием для вынесения того или иного определения мог, в частности, быть "материал, доставляемый комендантами лагерей, состоящими при лагерях политическими агентами и другими дожностными лицами"[55].

Несколько позже советское правительство официально и открыто заявило, что в случае пленения солдат армии Булак-Балаховича оно не будет рассматривать их как военнопленных[56]. Так окончательно сложилась система принципиально нового отношения к военнопленным противной стороны. Своих политических противников и военных соперников Советы считали теперь преступниками-контрреволюционерами и в случае поимки или пленения осуждали по статьям Уголовного кодекса.

Новый период советской истории начался в марте 1921 г., когда Десятый съезд РКП(б) провозгласил замену продразверстки налогом и разрешил "в пределах местного хозяйственного оборота" производить обмен продовольствия на промышленные товары. В то же время Тамбовское крестьянское восстание, Кронштадтское восстание и рабочие волнения в Петрограде, Петроградской губернии и Москве заставили советское правительство перейти от политики военного коммунизма к Новой экономической политике. Экономические соображения стали играть главенствующую роль при решении политических вопросов. Ставку на мировую революцию сменила теория социализма в одной стране. Советская иммиграционная политика преследовала теперь новые цели: защиту экономических интересов и борьбу с врагами революции внутри государства. Именно поэтому в 1921 г.

правительство пересмотрело свое отношение к так называемой трудовой иммиграции.

До революции в Европейской части России работало сравнительно небольшое число иностранных рабочих[57]. После февраля–октября 1917 года многие из них потеряли работу или же были уволены правительством как, например, служащие Варшавско-Венской и Привисляндской железных дорог, работавшие в российской железнодорожной сети[58]. Иностранные рабочие, оставшиеся в РСФСР, приравнивались к российским рабочим, но могли выбирать своих старост, которые входили в фабрично-заводские комитеты. Распределением иностранных рабочих по промышленным предприятиям через "Комиссию по делам ввозного труда" руководил наркомтруд[59]. В состав Комиссии входили еще и представители ВЦИК, наркомата иностранных дел, Всесоюзного Совета профсоюзов, посольств заинтересованных государств и рабочих организаций. В обязанности комиссии входил учет ввозимых рабочих, помощь им на местах, а также выяснение того, желают ли рабочие вернуться на родину или остаться в России на новый срок, если это было возможно. Комиссия должна была охранять права иностранных рабочих, обеспечивать им обратный проезд на родину за счет нанимателя, имела право расторгать заключенные ранее договоры, если они противоречили профсоюзным нормам, и следила за работой оставшихся в России иностранных рабочих.

Первоначально советское правительство приветствовало трудовую иммиграцию, хорошо вписывающуюся в теорию пролетарского интернационализма и доказывающую преимущества новой социалистической системы перед старой капиталистической и слова Ленина: "Нет сомнения, что только крайняя нищета

заставляет людей покидать родину"[60]. В дополнение к этому, казалось бы, советская промышленность нуждалась в квалифицированных рабочих, поскольку с 1917 по 1920 год число рабочих в России сократилось с 2,6 до 1,2 млн. человек. И из-за нехватки продуктов питания (хлебный паек рабочим в Петрограде к началу 1918 года упал до 50 граммов в день) многие покидали город и уходили в деревню[61]. Советское сельское хозяйство, тем не менее, деградировало, поэтому иммиграция американских фермеров с их современной технологией обработки земли, казалась правительству чрезвычайно уместной[62]. И в целом трудовая эмиграция поощрялась как по идеологическим, так и по экономическим причинам до второй половины 1921 г., причем последний закон, стимулирующий эмиграцию на Украину трудовых иммигрантов, преимущественно из США и Германии, был подписан 10 мая[63]. Для приема таких иммигрантов в Киеве и Харькове открывались "Центральные эмигрантские дома" (сокращенно: Цедома) на 1000 человек каждый. По открытии морского сообщения с черноморскими портами наркомату труда и Украинскому главному эвакуационному комитету предоставлялось право по мере надобности открывать "Цедома" и в важнейших портовых городах. Находились "Цедома" в ведении Украинского главного комитета по эвакуации, и все прибывшие туда эмигранты поступали в распоряжение наркомата труда. Во главе каждого "Цедома" стоял начальник, назначенный эвакуационным комитетом по соглашению с наркоматом труда и Всеукраинской чрезвычайной комиссией.

С введением НЭПа, казалось бы, трудовая иммиграция в советские республики должна была непременно возрасти. Но поразивший Поволжье летом 1921 г.

голод, эхом прокатившийся по всей стране, безработица в городах и нехватка скота, посевного зерна и элементарных орудий сельского хозяйства в деревне неожиданно сделали обузой для государства прибывавших с пустыми руками иностранных крестьян и рабочих. В результате советское правительство резко изменило свою политику по отношению к трудовой иммиграции. Майское постановление 1921 г. о её поощрении, видимо, осталось на бумаге. И уже в начале августа украинское правительство признало переселение на Украину "в настоящее время невозможным и нежелательным"[64]. Лишь в исключительных случаях допускался приезд организованных коллективов, которые формировали отдельные трудовые артели или использовались в совхозах.

Постановлением СТО от 22 июня 1921 г. первые ограничения на въезд трудовых иммигрантов были введены в РСФСР. А в мае 1922 г. Совет Труда и Обороны постановил "считать в настоящее время необходимым максимальное сокращение иммиграции и допущение к въезду в РСФСР только тех групп рабочих, относительно которых имеется полная гарантия, что они найдут необходимый заработок на территории республики"[65]. На практике этот закон применялся почти исключительно к американским фермерам, иммиграцию которых советское правительство находило экономически выгодной, равно как и к американским рабочим. В США формированием групп американских иммигрантов занимался уполномоченный ВСНХ А. Геллер. Он получил мандат на обсуждение всех нужд подотдела промышленной иммиграции, созданного при ВСНХ, и сосредоточил в своих руках всю деятельность, связанную с американскими трудовыми иммигрантами. Группы формировались по соглашению с наркоматом

труда. И НКИД выдавал таким группам въездные визы, "не входя в обсуждение вопроса по существу". А наркомат земледелия обязан был оказывать подотделу промышленной иммиграции полное содействие в осмотре и выборе совхозов, подлежащих закрытию, а потому передающихся в аренду иммигрантам.

Несколько позже советское правительство образовало постоянную комиссию СТО по урегулированию сельскохозяйственной и промышленной иммиграции в РСФСР. В круг деятельности комиссии вошли "установление и привлечение желательных для РСФСР сельскохозяйственных и промышленных групп иммигрантов и резмигрантов и подготовка через соответствующие народные комиссариаты сельскохозяйственных и промышленных предприятий, а равно пустующих земель, на коих возможно и желательно использование иммигрантов"; "руководство вопросами въезда в пределы РСФСР отдельных иммигрантов и целых групп иммигрантов вышеуказанных категорий", прием их "в портах и пограничных станциях", "содействие по проведению таможенных формальностей и транспортированию иммигрантов и привозимых ими машин и прочего имущества на место назначения", "содействие иммигрантам в период организации их работы", предоставление кредита, необходимых материалов и "разного рода льгот", "борьба с нелегальной (не проходящей через комиссию) промышленной и сельскохозяйственной иммиграцией". Комиссия, кроме того, снабжала иммигрантов "временными удостоверениями для получения документов на право проживания в пределах РСФСР, сообразно существующим правилам"[66].

Исходя из экономических соображений, но и в целях уменьшения общего числа иммигрантов, правительство

установило высокий имущественный и денежный ценз для въезжающих иностранцев и этим сделало невозможной иммиграцию бедных фермеров. С 1923 г. непременным условием допуска иммигрантов в СССР являлся ввоз основного и оборотного капитала в количестве, обеспечивающем организацию и ведение хозяйства. Размер и форма такого капитала определялись договором, заключаемым между фермерами и советскими властями. На нужды сельскохозяйственной иммиграции 2 февраля 1923 года СТО выделил 220 тыс. десятин целинной и залежной земли на юго-востоке страны и в Поволжье[67]. Несколько позже в счет этой площади были отведены участки и в других районах РСФСР[68]. Эта земля и сдавалась иммигрантам в аренду на договорных началах. С фермеров, таким образом, взимали не только налоги, но и земельную ренту. Правда, заинтересованное в поднятии целинных земель советское правительство предоставило селившимся на них ряд льгот. Например, по особому соглашению в счет арендной платы могли засчитываться специальные агрокультурные мероприятия.

В 1923-24 гг. об иммиграции промышленной уже не было речи. Из-за общего промышленного кризиса, отсутствия топлива и заказов закрылись многие фабрики. В стране господствовала безработица. В начале 1920-х, особенно в 1923 году, безработица в городах росла стремительно и к январю 1924 года достигла 1,24 млн. человек. Между тем на 1924 год в СССР числилось 8,5 млн. рабочих. Без работы, следовательно, был каждый седьмой[69]. Понятно поэтому, что советское правительство допускало теперь только сельскохозяйственную иммиграцию, причем периодически изменяло и дополняло иммиграционные законы таким

образом, чтобы сделать иммиграцию все более и более выгодной для государства экономически[70].

Так, если раньше советское правительство частично оплачивало перевозку техники и инвентаря переселенцев и оказывало им помощь семенами и скотом, то с 1924 года оно не только осложнило процедуру оформления въезда иммигрантов, впуская их лишь с общего согласия НКИД и комиссии СТО[71], но и взваливало на иммигрантов все расходы по переезду и транспортировке машин и сельскохозяйственного оборудования. Правда, плату за проезд с иммигрантов взимали по сниженным тарифам, а ввозимый иммигрантами инвентарь не подлежал таможенному обложению. Но из прямых льгот оставались теперь лишь послабления по уплате налогов и отбыванию воинской повинности.

Следует отметить, что и в деле транспортировки людей и оборудования советское правительство, кажется, преследовало фискальные цели. Право перевозки и обслуживания в портах эмигрантов и иммигрантов было предоставлено Добровольному флоту и Государственному пароходству РСФСР, которые могли приступить к перевозкам самостоятельно или по договору с заинтересованными иностранными фирмами, в частности, на предмет предоставления им от имени монопольного советского флота права продажи в Америке "шифскарт"* для эмигрантов из РСФСР в Америку и обратно. Работа советского флота в этом направлении контролировалась постоянной комиссией СТО по урегулированию сельскохозяйственной иммиграции[72].

Уже в 1921 г., не желая расширять частный сектор сельского хозяйства и рассредоточивать иностранцев по

---

* Квотовые разрешения на въезд (идиш, жарг.).

территории республики, создавая этим возможность для широких контактов между приезжими и советскими гражданами и усложняя контроль над иммигрантами со стороны НКВД, Украина закрыла свои двери для индивидуальной иммиграции. Но лишь с 1925 года, в дополнение ко всем ограничениям, введенным ранее, непременным условием въезда в СССР трудовых иммигрантов стала их организация в сельскохозяйственные коммуны, артели или кооперативы по уставам аналогичных объединений, уже существующих в СССР. Индивидуальная сельскохозяйственная организация допускалась лишь при наличии родственных связей и подселении фермера к уже организованному обществу при обязательном согласии местных Советов и членов кооператива. На практике это правило применялось только в отношении резмигрантов, людей, эмигрировавших из страны ранее и возвращающихся теперь обратно.

В 1925 году советское правительство открыто признало, что "трудовая сельскохозяйственная иммиграция и резмиграция... допускается в пределы РСФСР с целью использования её как культурно-показательпоказательной силы в деле поднятия сельского хозяйства"[73]. Соответственно, правительство так и не понизило имущественного ценза, введенного в 1923 году, и продолжало требовать не только ввезения капитала, необходимого для организации труда, но и ведения исключительно образцового хозяйства. Как и прежде, размер и форму необходимого капитала определяла постоянная комиссия СТО[74], в которую входили теперь представители ряда наркоматов и организаций, в том числе ОГПУ, никогда не ослаблявшего в отношении иностранцев своей бдительности. Размер и расположение земельных участков также определяла комиссия СТО. Для сельскохозяйственной

иммиграции выделялся специальный "иммиграционный земельный фонд". В основном же условия оставались те же: земля предоставлялась иммигрантам на договорных началах и льготных условиях преимущественно в необжитых районах; в счет арендной платы иммигрантов за землю могли быть зачислены крупные культурные мероприятия по улучшению хозяйства. Целинные участки сначала вообще отводились без арендной платы и лишь по прошествии какого-то времени передавались иммигрантам на договорных началах. Все не типовые договоры о сдаче земли иммигрантам пересылались на рассмотрение в наркомат земледелия.

Само собой разумеется, иммигранты и реэмигранты отдавали в распоряжение кооперативов все привезенное ими имущество и становились, по крайней мере в экономическом отношении, обычными советскими крестьянами, сосредоточенными, правда, в отдельных кооперативных хозяйствах на целинных и залежных землях, чем создавались естественные препятствия контактам русских и украинских крестьян с фермерами и облегчался контроль НКВД над иммигрантами. Кроме того, закон 1925 года создавал экономический стимул для перехода сельскохозяйственных иммигрантов в советское подданство: согласно декрету ЦИК от 2 февраля 1925 г. "принятые в гражданство Союза ССР иммигранты (переселяющиеся в РСФСР трудящиеся иностранцы)" приобретали "право наделения землею в трудовое (коллективное или единоличное) пользование на общих со всеми гражданами Союза ССР основаниях, согласно соответствующих статей земельного кодекса"[75]. В то же время, в целях борьбы с безработицей в городе, советское правительство предоставило "трудящимся иностранцам, проживающим на территории Союза ССР и пользующимся политическими

правами, согласно конституций союзных республик, право на трудовое пользование землей для ведения сельского хозяйства на одинаковых основаниях с гражданами союзных республик, в пределах которых они пребывают"[76].

В сентябре 1926 г., через два месяца после заседания пленума ЦК и ЦКК, на котором разбирался вопрос о росте капитализма в деревне[77], советское правительство решило прекратить трудовую иммиграцию в СССР. В предшествующие годы запретив въезд крестьян-бедняков и поощряя иммиграцию американских фермеров-"кулаков", правительство само вносило лепту в усиление капиталистического сектора деревни. Организация фермеров-иммигрантов в кооперативы не меняла положения существенно: кооперативы получались "кулацкие". Теперь, незадолго до отмены НЭПа, правительство начало обратный процесс. Оно отменило ряд существенных постановлений 1923–1925 годов о сельскохозяйственной иммиграции[78] и распустило в январе 1927 г. комиссию по трудовой иммиграции в СССР[79]. Вопросы трудовой иммиграции решались теперь по соглашению между НКВД, НКИД, ВСНХ, ОГПУ, РКИ и наркоматов военно-морских дел и внешней и внутренней торговли. Трудно поверить, чтобы восемь советских учреждений, имевших свои специфические интересы, в том числе и в иммиграционной политике, могли прийти к какому-либо общему решению относительно въезда иностранных фермеров[80].

В отличие от сельскохозяйственной, промышленная иммиграция не остановилась полностью. Начавшаяся индустриализация потребовала такого количества специалистов, каким не располагало советское государство. Учитывая это, ВСНХ разрешил иммиграцию в СССР инженеров и техников некоторых отраслей про-

мышленности по разработанному ВСНХ номенклатурному списку специальностей. Малочисленность этой иммиграции не могла отразиться на повышении уровня безработицы в стране. Вопрос о массовом привлечении рабочих из-за границы ВСНХ мог решать теперь лишь по согласию с наркоматом труда.

Следует особо оговорить и еще одну иммиграцию — Дальневосточную. Аннексировав в 1922 году искусственно созданную Дальневосточную республику и объявив всех ее жителей советскими гражданами[81], правительство получило в наследство огромное число иммигрантов, въехавших в Дальневосточный и Сибирский края и в Бурят-Монгольскую республику частью до 1917 года, частью позже. В 1926 году на этих территориях было зарегистрировано 169.035 корейцев, 77.223 китайца и 988 японцев (последние проживали в Дальневосточном крае). Добровольно или в силу сложившихся обстоятельств все эти люди так и остались в СССР, причем многие были затем репрессированы[82].

В годы НЭПа, подчиняясь законам рентабельности, РСФСР пересмотрела свою политику в отношении иностранных студентов, которые до этого времени могли не только бесплатно учиться в СССР, но и получать стипендии от советского правительства. То, что из пропагандистских соображений считалось выгодным в первые революционные годы, стало теперь неоправданной расточительностью. Более, чем в простом сбережении денег, правительство было заинтересовано в привлечении молодых иностранных специалистов, обучавшихся в СССР, а потому знающих русский язык, к работе в советском народном хозяйстве. Поэтому с июня 1921 года все иностранцы, обучавшиеся в высших технических учебных заведениях (ВТУЗах) и получав-

шие стипендии от советского правительства, по окончании ВТУЗов поступали на общих основаниях в распоряжение хозяйственных органов РСФСР и должны были отработать по своей специальности срок, равный пребыванию в институте на материальном обеспечении советского правительства. Несогласные снимались со всех видов материальной помощи.

Закон об иностранных студентах был поистине многогранным. Он не менял советской политики в отношении иностранных студентов-гуманитариев и так готовил будущих функционеров Коминтерна. Он ограничил доступ иностранных студентов в советские ВТУЗы в будущем и, следовательно, незначительно сократил иммиграцию в целом. Он установил до 15 июля 1921 года срок, в течение которого иностранные студенты могли принять советское гражданство (и так сохранить свою стипендию). И хотя такое условие нельзя назвать прямым принуждением вступить в советское подданство, нужно отметить, что этим, безусловно, создавался экономический стимул для отказа молодых людей от гражданства своей страны. Наконец, в будущем иностранные студенты могли быть приняты во ВТУЗы лишь на указанных условиях и в количестве, не превышавшем определенного процента, который устанавливался советским правительством и правительствами заинтересованных государств на условиях взаимности[83], чем обеспечивалась еще и возможность для советского правительства посылать специалистов на учебу за границу.

Расширение контактов с иностранными державами в годы НЭПа заставило советское правительство позаботиться о создании общих правил въезда в СССР иностранцев и изменить изданные до этого постановления, существовавшие лишь в форме отдельных зако-

нов. Согласно октябрьскому декрету 1921 г., единственным документом для въезда в РСФСР признавался паспорт с фотографией, визированный советским полномочным представительством за границей[84]. К заявлению о желании въехать в РСФСР прикладывались копии документов и заполненные анкеты НКИД. От получения специального разрешения не освобождались и иностранцы, прибывшие законным порядком на территорию другой советской республики (например, Украины) и желавшие теперь проследовать в советскую Россию. Проникшие же в РСФСР без разрешения предавались суду революционных трибуналов или народному суду и карались лишением свободы[85]. Принятое несколькими месяцами ранее, 21 марта 1921 г., сразу же после подавления Кронштадтского восстания и бегства тысяч его участников в Финляндию[86], постановление, под страхом тюремного заключения запрещавшее нелегальный въезд в РСФСР, также оставалось в силе[87].

Вместе с тем в связи с ростом торговли и мореплавания советское правительство приняло ряд мер предосторожности в отношении иностранных моряков, определив в то же самое время пределы произволу чекистов. С октября 1921 года члены иностранных судовых команд могли, в соответствии с международными правилами, арестовываться или задерживаться только на берегу, но ни в коем случае – на их суднах[88]. И только через четыре месяца, в феврале 1922 года, теперь уже в нарушение всех международных норм, советское правительство разрешило "надлежащим властям РСФСР... производить на судах аресты преступников, когда они совершили преступления полностью или отчасти на берегу, или когда последствия этих преступлений могут вызвать серьез-

ные осложнения на берегу", хотя и не были совершены там[89].

Если для ограничения трудовой иммиграции советское правительство использовало экономические санкции, например, повышение денежного и имущественного ценза, для уменьшения общего числа иммигрантов оно прибегло к политическим мерам, изменив закон о предоставлении иностранцам советского гражданства. С 1921 г. иностранцы, желавшие получить советское подданство, заявляли об этом в губернский исполнительный комитет, причем в случае отказа дело не подлежало пересмотру. С новых российских граждан правительство брало подписку с обязательством защищать советский строй "от всяких посягательств" и запрещало им апеллировать впредь к своему бывшему правительству[90].

Соображения бюрократического удобства требовали, кроме того, четкого выделения иностранцев, находящихся в советских республиках, в особую категорию, поскольку по международным законам иностранных подданных нельзя было привлекать к воинской и прочим повинностям или взимать с них налоги и сборы, идущие на военные цели[91]. Поэтому по закону 1922 года иностранцами были признаны все не советские граждане, имевшие в своем распоряжении документы, в том числе и просроченные, выданные бывшими российскими или советскими властями[92]. В 1926 году иностранцы, проживавшие в СССР, были разделены на две категории: имевших постоянное жительство в СССР, т. е. пробывших в стране не менее полутора лет и занимающихся невоспрещенной деятельностью, и временно пребывающих (все остальные)[93].

Но закрытое общество не могло быть построено, пока за границей находились сотни тысяч российских

подданных. Согласно декрету 1923 г. им предлагалось зарегистрироваться в советских полномочных представительствах, а лицам призывного возраста — немедленно вернуться в СССР под страхом уголовного наказания[94]. Боязнь, что русские, находящиеся за границей, будут использованы в борьбе против Советского Союза была еще сильнее в отношении тех русских граждан, кто покинул Россию в составе Белых армий и организаций. Особенно опасным казалось то, что некоторые армии, например, войска Семенова в Западном Китае, даже за границей оставались укомплектованными воинскими единицами. Чтобы разрушить эти армии изнутри, получив при этом и пропагандистские выгоды, правительство через многочисленные амнистии начала 1920-х годов разрешило вернуться на родину солдатам Белых армий, рядовым участникам антисоветских организаций и восстаний, а также некоторым категориям эмигрантов, покинувшим Россию после революции[95].

Желание советского правительства отомстить своим бывшим противникам, хотя и оставалось замаскированным, но никогда не исчезало. Именно с помощью амнистий правительству удалось заманить в СССР многих эмигрантов и осудить их за борьбу против советской власти. Было в этих амнистиях и что-то тупо-хозяйское: захлестнуть все, что когда-то относилось к России, не только территории, но и людей. И лишь одному не нашлось в них места — искреннему прощению. Рядовым, а тем более активным участникам антисоветского движения, нелегко давалось разрешение на въезд. От возвращавшихся требовали раскаяния и обещания лояльно относиться к советской власти. После этого им выдавался официальный документ о прощении за перечисленные в покаянии совершенные против

советской власти "преступления". Получившие такую амнистию могли вернуться в СССР, где их часто судили за то, что они перечислили не все "преступления", а, следовательно, за всё прощены не были[96]. Еще резмигранты не знали, что факт получения въездной визы на советскую территорию и документа о восстановлении во всех правах отнюдь не означал амнистии[97] (и так — восстановленных в правах и впущенных на ро- дину — сажали как не амнистированных за "антисоветские преступления", совершенные до или во время эмиграции). Наконец, активных участников антибольшевистской борьбы амнистировали и впускали на родину с одной, казалось бы незначительной оговоркой: "при действительном проявлении ими искреннего раскаяния"[98]. Так заманили и расстреляли, например, вернувшегося атамана Анненкова — за раскаяние "неоткровенное".

*

В то время как американская трудовая иммиграция фактически прекратилась во второй половине 1920-х годов, подъем сельскохозяйственной резмиграции пришелся на 1925—27 гг., когда правительство не только разрешило вернуться в страну легальным эмигрантам, но и обещало, что предоставит значительные налоговые и таможенные льготы желающим заниматься в СССР сельским хозяйством[99]. Это была последняя попытка советского государства вернуть своих граждан.

В первое десятилетие советской власти иммиграция не была однородной и менялась в течение времени. Политическая иммиграция, основанная более на иллюзиях, чем на конкретном знании фактов об СССР и понима-

нии советской действительности, началась стихийно и была относительно велика в три первых послереволюционных года. Трудовая иммиграция, в отношении которой советское правительство не имело четкой политики до 1921 г., была тесно связана с идеологической: западные рабочие и крестьяне иммигрировали в коммунистическую страну в связи со своими политическими убеждениями. Советское правительство остановило это движение в 1921 г., когда по политическим соображениям вынуждено было ввести НЭП, уделить большее внимание экономике и отказаться от приема безденежных иммигрантов. Именно в годы НЭПа советское правительство выработало четкую иммиграционную политику и ограничило саму иммиграцию. Тогда же бывшие русские и советские граждане, покинувшие родину вследствие Первой мировой войны, революции и Гражданской войны, получили право вернуться домой. Этот иммиграционный процесс оборвался в 1927 году, когда советское правительство, готовившееся к коллективизации деревни, фактически запретило сельскохозяйственную иммиграцию. Промышленная иммиграция была крайне ограничена примерно с 1921–1922 годов. К 1928 году прекратилась и массовая реэмиграция, так как лица, покинувшие страну ранее и желавшие вернуться на родину, сделали это именно в годы НЭПа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. С.У. РСФСР, 1917-18, ст. 163.

2. См. там же, ст. 519. Декрет ВЦИК РСФСР № 56 "О праве убежища", от 28 марта 1918 г., за подписью Свердлова. Несколько позже это право было закреплено и в первой советской конституции: РСФСР "предоставляет убежища всем иностранцам, подвергающимся преследованию за политические и религиозные преступления" (там же, ст. 582, раздел 2, § 20).

3. См. С.У. УССР, 1919, ст. 194. Постановление СНК УССР, от 1 марта 1919 г., за подписями Раковского и Хмельницкого, "О выдаче иностранцев".

4. См. там же, 1922, ст. 237, "Об иностранцах в УССР и порядке приобретения и утраты украинского гражданства", от 28 марта 1922 г.

5. Правда, в 1928 г., демонстрируя народам Востока свою терпимость к мусульманской религии, советское правительство взяло на себя обязательство по перевозке паломников-мусульман из портов СССР в порты Геджаса и обратно (см. С.З. СССР, 1928, ст. 248, декрет СНК от 26 апреля 1928 г., за подписью Рудзутака).

6. См. С.У. РСФСР, 1917-18, ст. 405. Декрет ВЦИК "О приобретении прав российского гражданства", опубл. в "Известиях ВЦИК" № 66, 5 апреля 1918 г., за подписями Свердлова и Аванесова.

7. См. там же, 1923, ст. 584. Постановление НКВД "О принятии новых правил выдачи заграничных видов на жительство российским гражданам", от 5 июня 1923 г. Заявление о получении вида на жительство могли подать лица не моложе 16 лет. На получение вида на жительство имели право иностранцы, принятые в российское советское гражданство ВЦИКом РСФСР, либо приобретшие советское подданство после регистрации брака с советским гражданином или гражданкой. Вид на жительство, кроме того, могли получить амнистированные, выразившие желание остаться за границей, демобилизованные российские военнопленные и те, кто зарегистрировался в

советских полпредствах за рубежом согласно требованиям закона "О лишении прав гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей" (см. там же, 1921, ст. 578). Новые советские граждане могли въехать в СССР, получив "Проходное свидетельство для возвращения в Россию".

8. Там же, 1917-18, ст. 582. 2-й раздел Конституции РСФСР.

9. См. там же, 1919, ст. 27. Постановление СНК за подписями Ленина и Н. Крестинского от 25 января 1919 года.

10. См. там же, 1917-18, ст. 736 "О порядке выхода из российского гражданства лиц, проживавших на территории РСФСР и желавших вступить в украинское подданство, и о регистрации российских граждан, проживавших на Украине. Временные правила, впредь до издания общего закона о порядке приобретения и утраты российского гражданства", от 10 сентября 1918 г. за подписью председателя НКВД Уншлихта.

11. См. С.У. УССР, 1919, часть 2, ст. 6, от 7 марта 1919 г. Постановление НКИД "О выходе из украинского гражданства", опубл. 6 мая 1919 г. в киевских "Известиях" за подписью Раковского.

12. См. там же, 1919, ст. 263. Постановление СНК за подписью Раковского от 11 марта 1919 г. "О приобретении прав украинского гражданства".

13. См. С.У. РСФСР, 1917-18, ст. 405, от 5 апреля 1918 г.

14. Сюда же следует отнести и служащих учреждений Российской Империи, эвакуированных вглубь России по военным соображениям, прежде всего из Польши и Литвы. Для разрешения вопросов, возникших в результате этих эвакуаций, даже были созданы специальные комиссариаты по делам Польши и Литвы. (См. там же, ст. 874, от 19 ноября 1918 г., за подписью Ленина, принятая в развитие декрета от 26 января 1918 г.; ст. 876 от 19 ноября 1918 г., за подписью Ленина, принятая в развитие декрета от 28 декабря 1917 г.)

15. См. там же, ст. 577. Декрет СНК "О порядке выхода из российского гражданства проживающих в пределах Российской республики постоянных жителей местностей, отторгнутых от России в силу Брестского мирного договора", от 13 июля 1918 г., за подписью Ленина.

16. См. там же, ст. 623, 27 июля 1918 г. Есть основания полагать, что закон этот остался на бумаге; возможно, в связи с протестами немцев; ряд последующих законов, в частности закон от 16 августа, продливший срок подачи до сентября, фактически отменил декрет от 27 июля 1918 г.

17. См. С.У. УССР, 1919, ст. 115. Декрет СНК УССР "О правах и обязанностях иностранцев", опубл. 13 февраля 1919 г. в киевских "Известиях".

18. 13 ноября 1918 г. советское правительство объявило Брестский мир расторгнутым и взяло курс на мировую революцию. Красная армия начала наступление на Украину, Белоруссию и Прибалтику. В январе 1919 г. советские войска вышли к границе Восточной Пруссии. В то же самое время в Германии в разных местах вспыхнули коммунистические мятежи.

19. См. С.У. УССР, 1919, ст. 115.

20. Там же, ст. 315, декрет СНК УССР, опубл. 16 марта 1919 г.

21. См. там же, ст. 115. Карательная политика советской власти по отношению к иностранцам отличалась от европейской и американской. В США, например, единственным наказанием иностранному коммунисту (некий эквивалент "контрреволюционера" в советских республиках) была депортация. Так, в январе 1921 г. из США был выслан представитель советской республики Мартенс (американским правительством не признанный), через которого "русская военная диктатура, именующая себя советским правительством", передала американским коммунистам огромные суммы денег для организации коммунистического восстания. (Сообщение лондонского радио 14 января 1921 г.)

22. См. Дополнительный сборник декретов и постановлений ВУЦИК и СНК к С.У. и Распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства Украины за 1921 г. Издание наркомюста УССР, Харьков, 1923, стр. 47.

23. См. С.У. УССР, 1919, часть 2, ст. 93. Постановление НКИД за подписью Раковского "Об уравнении в имущественном отношении граждан иностранных государств и УССР". Без даты и без указания на публикацию. Принято, судя по всему, в первых числах июня 1919 г. в дополнение и изменение принятых ранее декретов, касающихся иностранцев, в том числе и закона от 13 февраля 1919 г., допускающих некоторые льготы по отношению к иностранным подданным.

24. Там же, 1921, ст. 335. Постановление СНК УССР "О порядке привлечения к трудовой повинности иностранцев", от 27 июня 1921 г., за подписью Чубаря, в развитие и дополнение декрета СНК от 13 февраля 1919 г. От трудовой повинности освобождались лишь иностранцы, включенные в список дипломатического корпуса.

25. См. С.У. РСФСР, 1919, ст. 361. Постановление НКВД за подписью заместителя наркома внутренних дел М. Владимирского "О регистрации иностранных граждан, проживающих на территории РСФСР", опубл. 22 июля 1919 г. в "Известиях".

26. Там же. Конкретно "Анкетный лист" включал следующие вопросы: 1. Фамилия. 2. Имя и отчество. 3. Возраст. 4. Гражданин какой страны. 5. Национальность. 6. Когда прибыл в Россию. 7. По какому делу приехал. 8. Каким путем приехал. 9. Место рождения и родной язык. 10. Род занятий на родине. 11. Чем занимался в России. 12. Место службы (наименование учреждения и адрес). 13. Документы, удостоверяющие личность. 14. Партийность на родине. 15. Партийность в России. 16. Принадлежность к профессиональному союзу. 17. Семейное положение. 18. Где находится семья. 19. На чьи средства проживает. 20. Где и когда был на военной службе. 21. Воинский чин. 22. С кем из иностранцев имел сношения в России и за границей. 23. Кто из партийных или советских работников, или какой заводской комитет или советское учреждение может

поручиться за лояльность по отношению к советской власти. 24. Отметка о перемене адреса.

27. Там же.

28. См. там же, 1922, ст. 401. Постановление СНК, за подписью Цюрупы, от 10 мая 1922 .

29. См. С. У. ЗСФСР, 1923, ст. 62. Постановление ЦИК и СНК ЗСФСР от 5 апреля 1923 г. "О правах иностранцев и иностранных юридических лиц". Все ранее изданные в Закавказье декреты, регулировавшие права иностранцев в ЗСФСР или отдельных республиках Федерации, теперь отменялись.

30. Регистрация эта в Закавказье продолжалась месяц.

31. См. С.У. ЗСФСР, 1923, ст. 103. Постановление СНК ЗСФСР № 45, от 9 мая 1923 г., "О регистрации иностранных подданных". Иностранцы, прибывавшие из-за границы в ЗСФСР, должны были получить соответствующие виды на жительство из НКИД той республики, в которую они прибывали. Виды на жительство выдавались иностранцам лишь по предъявлении национального паспорта, выданного на родине, с визой полномочного представителя ЗСФСР и с отметкой военно-контрольного пропускного пункта о проследовании их через этот пункт. Иностранцы, проживавшие в момент издания данного постановления на территориях советских республик, получали виды на жительство по предъявлении ими выданного на родине национального паспорта с пометкой о проживании в пределах Федерации. Если же в доказательство своего иностранного гражданства предъявлялся паспорт, выданный консульским или дипломатическим представительством, НКВД выдавало иностранцу временное свидетельство на жительство, сроком не более 6-ти месяцев. В случае не предъявления национального паспорта в течение этого срока иностранец подлежал высылке из страны, если он не был принят в гражданство одной из республик. Персидские и турецкие подданные получали виды на жительство как на основании национальных паспортов, выданных на ро-

дние, так и на основании паспортов, выданных дипломатическими представительствами или консульствами, если при этом предъявлялись и другие документальные доказательства принадлежности к персидскому или турецкому гражданству. В случае не предъявления ими дополнительных документов — выдавались временные свидетельства на жительство. Правда, декабрьским постановлением 1923 г. в отношении персидских граждан 6-месячный срок предъявления национальных паспортов был продлен до 1 июля 1924 г. (см. С.У. ЗСФСР, 1924, ст. 8, постановление № 116 СНК ЗСФСР, от 30 декабря 1923 г., за подписями М. Орахелашвили и Н. Иванишвили "О внесении изменений в постановление о порядке выдачи иностранцам видов на жительство от 16 мая 1923 г."). Иностранцы, прибывавшие в ЗСФСР или следовавшие через Закавказье транзитом, могли оставаться в Закавказье лишь в течение срока, указанного в визе, выданной полномочным представителем ЗСФСР за границей. Если в визе не был указан определенный срок, иностранец мог оставаться в ЗСФСР две недели, а при транзитной визе — неделю. Истекшая виза могла быть продлена местным исполкомом, но в случае отказа иностранец обязан был покинуть пределы ЗСФСР в течение трех суток (см. там же, 1923, ст. 157, постановление № 68 СНК ЗСФСР от 24 июля 1923 г. "О пребывании иностранцев на территории ЗСФСР"). С июня 1924 г. виды на жительство выдавались в ЗСФСР как на основании национальных паспортов, выданных на родине просителя, так и по паспортам, выданным консульскими или дипломатическими представителями. Иностранцы, не представившие такие паспорта, подлежали высылке за исключением тех случаев, когда они получали советское подданство. Если иностранец не имел паспорта и в СССР не было представителей его страны, он получал в НКВД временный вид на жительство на 4 месяца. Но затем уже высылался (см. там же, 1924, ст. 162, постановление № 36 СНК ЗСФСР от 19 июня 1924 г. "О порядке выдачи иностранцам вида на жительство", во изменение постановления от 16 мая 1923 г.).

В РСФСР заграничные паспорта служили видом на жительство в пределах указанного в визе срока. Лица, не выехавшие за границу в указанный срок, обязаны были немедленно продлить визу или же получить вид на жительство в РСФСР (см. С.У. РСФСР, 1923, ст. 584, 5 июня 1923 г.).

32. См. С. У. ЗСФСР, 1924, ст. 75. Постановление СНК ЗСФСР № 19 от 25 марта 1924 г. "О дополнении постановления № 117" (там же, ст. 15). См. там же, С. У. ЗСФСР, 1924, ст. 268, постановление СНК ЗСФСР № 58 от 2 октября 1924 г.

33. См. С. У. РСФСР, 1919, ст. 590, от 12 декабря 1919 г., за подписью заместителя наркома юстиции П. Стучки.

34. См. там же, 1922, ст. 153, постановление ВЦИК за подписями Калинина и Курского; С. У. УССР, 1922, ст. 554, от 15 сентября 1922 г. Тем не менее с 1920 года (см. С. У. РСФСР, 1920, ст. 375, декрет СНК от 9 сентября 1920 г.) советские суды должны были вызывать иностранцев в суд лишь с ведома и через посредство НКИД. Правило это, впрочем, не соблюдалось, что заставило наркомат юстиции в 1922 году разослать всем отделам юстиции циркуляр с напоминанием о необходимости соблюдения декрета от 9 сентября 1920 г. (см. Сборник циркуляров НКЮ РСФСР, 1922-1926, стр. 160, циркуляр № 10 от 9 февраля 1922 г.). Несмотря на это, иностранцев вызывали в суд в качестве свидетелей или обвиняемых и даже осуждали, не только не уведомив об этом НКИД, но и не выяснив того, что свидетель, обвиняемый или осужденный — иностранно-подданный. Тогда Верховный суд разослал "инструктивное письмо УКК № 1 1927 г." с разъяснением, что в будущем судам необходимо "точно выяснять подданство привлекаемых к уголовной ответственности лиц, устанавливая это обстоятельство, по возможности, документальными данными и указывая об этом обстоятельстве в приговоре в числе прочих обязательных сведений о личности осужденного". Копии постановлений об осуждении иностранцев суды должны были пересылать в НКИД. (См. Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР. 3-е изд., Москва, 1932, стр. 327.)

35. Предполагалось вернуть его затем "румынскому народу" или же обменять на возвращаемую Бессарабию. Но после оккупации Советским Союзом Бессарабии в

1940 году советское правительство заявило, что золото возвращено не будет и конфискуется как плата Румынии за эксплуатацию Бессарабии в течение 1918-40 годов.

36. См. С. У. УССР, 1919, часть 2, ст. 7. "О порядке выезда из Украины представителей государств, не признавших УССР", за подписью Раковского. Гражданам государств, представляемых высылаемыми консулами, разрешалось покинуть Украину, получив паспорта на общих основаниях. Служащие консульств, являвшиеся гражданами иностранных государств, могли быть включены в консульский паспорт или же выехать обычным способом, по правилам, установленным для выезда украинских граждан за границу.

37. См. С. У. РСФСР, 1921, ст. 451. Декрет СНК "О порядке высылки иностранцев за пределы РСФСР", от 29 августа 1921 г. Ходатайство о выдаче таких разрешений оптантам нужно было подавать за три месяца до истечения срока. Заявления, поданные позднее, оставлялись без внимания.

38. См. С. У. УССР, 1921, ст. 179. Постановление ВУЦИК, за подписью Петровского, от 15 апреля 1921 г. Из постановления не совсем ясно, идет ли речь о высылке иностранцев или о высылке российских граждан в РСФСР. Возможно, однако, закон распространялся и на тех, и на других. Во всех случаях, такие высылки были возможны только с разрешения ВУЦИК.

39. См. там же, 1922, ст. 237.

40. См. С. У. РСФСР, 1922, ст. 153. Постановление ВЦИК за подписями Калинина и Курского.

41. См. С. У. ЗСФСР, 1923, ст. 103, постановление № 45 СНК от 9 мая 1923 г.; там же, 1924, ст. 162, постановление № 36 СНК от 19 июня 1924 г.

42. См. С. У. ЗСФСР, 1923, ст. 132, от 27 июня 1923 г. и С. У. УССР, 1923, ст. 397, от 11 июня 1923 г. Постановление оставалось в силе впредь до отмены его правительством.

43. См. С. У. СССР, 1926, ст. 181. Советско-германский договор от 12 октября 1925 г., подписанный от имени СССР Ганецким и Литвиновым. Со вступлением в силу этого договора были аннулированы некоторые советско-германские договоры, заключенные ранее, но Рапалльский договор оставался в силе.

44. В марте 1926 г. вступило в силу советско-германское соглашение о поселении и общеправовой защите (см. там же).

45. См. С.У. РСФСР, 1917–18, ст. 226, "Новые правила въезда в Россию из-за границы русских граждан", опубл. 12 января 1918 г. в "Газете Временного Рабоче-Крестьянского правительства", № 6.

46. См. С.У. РСФСР, 1917–18, ст. 877, от 16 ноября 1918 г., за подписями Ленина и Склянского, "О денежном довольствии военнопленных и их семей". Постановление СНК, принятое в дополнение и изменение действовавших постановлений. Согласно этому закону все военнопленные, за исключением лиц, перечисленных в 9-й статье Женевской конвенции 1916 года, имели право при возвращении из плена на получение довольствия, начисляемого со дня последней выдачи довольствия, произведенной до плена. Подразумевалось, что при предъявлении определенных доказательств на пособие имела право и незаконная семья умершего. Ранее выданные в качестве пособия семье деньги, заработанные в плену, считались частью вознаграждения пленного.

47. См. там же, 1917–18, ст. 942. Декрет СНК, от 17 декабря 1918 г., за подписью Ленина. Повторено наркомом по военным делам в приказе № 615, 1918.

48. Впрочем, в 1920 году некоторые виды пособий были отменены. А "все ходатайства о выдаче вернувшимся из плена денежного довольствия за время

плена в размере, превышающем 1500 рублей", передавались на усмотрение наркомата социального обеспечения (см. там же, 1920, ст. 240, от 9 июня 1920 г., за подписью Ленина).

49. См. У.С. РСФСР, 1917–18, ст. 624.

50. С.У.УССР, 1919, ст. 339, декрет СНК УССР, опубл. 21 марта 1919 г.

51. См. С.У.РСФСР, 1919, ст. 217, закон от 29 апреля 1919 г. "О призыве бывших офицеров, возвратившихся и возвращающихся из плена", за подписями Ленина и Склянского как члена Совета Обороны. Повторено приказом Всероссийского Главного штаба, № 25, 1919 г. Вскоре подобное постановление было принято и на Украине (см. С.У.УССР, 1919, часть 2, ст. 117, декрет СНК УССР от 20 июня 1919 г., за подписями Раковского и Подвойского, "О призыве на военную службу всех бывших в плену офицеров царской армии").

52. См. С.У. РСФСР, 1919, ст. 460. Постановление Совета Рабоче-Крестьянской обороны от 24 сентября 1919 г., за подписью Ленина, "О предоставлении всех бывших офицеров и унтер-офицеров, вернувшихся из плена, в распоряжение Всероссийского Бюро военного обучения".

53. "За исключением в данном случае тех лиц, которые исполняли обязанности исключительно по подбиранию, перевозке и лечению раненых и больных и принадлежали к администрации и охране санитарных учреждений". Советская власть нуждалась еще и в опытном медперсонале для Красной армии.

54. С.У. РСФСР, 1920, ст. 331, декрет СНК от 5 августа 1920 г., за подписью Ленина, "О выдаче единовременного пособия и денежного и иного довольствия возвращающимся из плена военнослужащим Красной армии и флота". Разработка инструкции "о порядке удовлетворения денежным пособием возвратившихся из плена военнослужащих Красной армии и флота" поручалась Центральному управлению снабжения по соглашению с наркоматами труда, социального обеспечения и здравоохранения.

55. См. там же, ст. 209. Приказ РВСР и НКВД "О военных и перебежчиках, захваченных на фронтах Гражданской войны", от 7 мая 1920 г., за подписями Склянского и Дзержинского. Принято согласно распоряжению Всероссийского Главного штаба и по соглашению с Особым отделом ВЧК, от 13 июня 1919 г., и изданного в развитие его приказа РВСР и НКВД, от 17 февраля 1920 г.

56. См. Правда, 26 января 1921 г., № 16.

57. Трудовая иммиграция была характерна для Сибири и Дальнего Востока, куда иммигрировали массы китайского, японского и корейского перенаселения. Иммиграция китайцев была вызвана аграрным населением большин- ства китайских провинций и непрекращающимися войнами. В значительной своей части она носила сезонный характер. Корейцы в основном занимались рисосея- нием, но и работали на рыбных промыслах и на про- мышленных предприятиях. Ряд голодных годов, аннексия Кореи Японией в 1910 г. и последовавшие за этим экспроприации земель вызвали массовую эмиграцию корейцев в Сибирь. Только в сельских местностях бывшей приморской губернии в 1917 году проживало почти 54 тысячи корейцев. Несколько сотен тысяч иранских иммигрантов работали чернорабочими в Баку, Астрахани и на берегу Каспийского моря. Японские иммигранты составляли лишь несколько тысяч.

58. См. С.У. РСФСР, 1917–18, ст. 448. Опубл. 27 апреля 1918 г. Служащие, не пожелавшие уехать на свою родину, приравнивались к советским. Служащие указанных дорог, потерявшие трудоспособность или же достигшие 50 лет, имели право на ежегодную пенсию советского правительства.

59. См. там же, ст. 391, опубл. в "Известиях" 8 марта 1918 г.

60. Ленин, Сочинения, 4-е изд., том 19, стр. 411. Ленин писал это еще до революции.

61. См. Советское народное хозяйство, 1921–1925. Под ред. И. Гладкова. Москва, 1960, стр. 531.

62. Как пишет М. Левин, даже в 1928 г. 5,5 млн. крестьянских хозяйств все еще использовали соху (деревянный плуг), а половина урожая зерновых собиралась серпами или косами (см. M. Lewin. Russian Peasants and Soviet Power. New York, 1975, p. 29). Бухарин же понимал, что именно в США индустриализация сочетается с преуспевающим сельским хозяйством (см. S. Cohen. Bukharin and the Bolsheviks Revolution. A Political Biography. 1888–1938. Oxford University Press, 1971, p. 72).

63. См. С.У.УССР, 1921, ст. 238. Постановление СНК УССР, от 10 мая 1921 г., за подписью Раковского, "О приеме и эвакуации эмигрантов Америки и других стран, переселяющихся на Украину".

64. Дополнительный сборник декретов и постановлений ВУЦИК и СНК к С.У. УССР за 1921 г., ст. 18.

65. С.У. РСФСР, 1922, ст. 440, постановление от 10 мая 1922 г., за подписью Рыкова, "О мерах к урегулированию иммиграции".

66. Там же, ст. 997. Декрет СНК, от 28 ноября 1922 г., за подписью Каменева, "Положение о постоянной комиссии СТО по урегулированию сельскохозяйственной и промышленной иммиграции". В отмену майского постановления 1922 года все дела подотдела промышленной и сельскохозяйственной иммиграции при ВСНХ передавались этой комиссии, которая состояла из трех человек, назначаемых СТО.

67. См. там же, 1923, ст. 128. Постановление СТО "О сельскохозяйственной иммиграции", за подписью Рыкова, от 2 февраля 1923 г.

68. См. там же, ст. 525, "Об отводе земель для сельскохозяйственной иммиграции", постановление СТО, от 8 июня 1923 г., за подписью А. Цюрупы.

69. Упав в 1925 году до 950 тысяч, безработица снова поднялась к 1929 году до 1,6 млн. человек. И последняя биржа труда в СССР была ликвидирована лишь в 1937 году.

70. Главным аргументом Бухарина в споре с Преображенским была теория о том, что накопление средств в социалистической индустрии не может продолжаться долгое время без подобного же накопления средств в крестьянском сельском хозяйстве (см. Н.И. Бухарин. Некоторые вопросы экономической политики. Сборник статей. Москва, 1925, стр. 52) и что вопрос внутреннего рынка есть основной вопрос советской экономики. Русская деревня, однако, нуждалась не только в промышленных бытовых товарах, но и в сельскохозяйственной технике, например, в тракторах, которые не в состоянии еще была производить советская промышленность. Таким образом, советское правительство было заинтересовано не столько в самих американских фермерах-иммигрантах, сколько в ввозимой ими современной технике и в использовании иммигрантами передовых методов обработки земли.

71. См. Вестник СТО, СНК и ВЦИК, 1924, ст. 81, декрет от 19 февраля 1924; С.У.РСФСР, 1924, ст. 383, "О порядке выдачи разрешений на въезд из-за границы в пределы Союза Советских Социалистических Республик", утвержден 19 февраля 1924 г., принят в дополнение и разъяснение Положения о постоянной комиссии СТО по урегулированию сельскохозяйственной и промышленной иммиграции (С.У.РСФСР, 1922, ст. 997, от 28 ноября 1922 г.). НКИД и комиссия СТО должны были также выработать инструкцию о порядке въезда в СССР реэмигрантов.

72. См. там же, 1923, ст. 446. Декрет ВЦИК и СТО, от 9 мая 1923 г., за подписями Калинина, Рыкова, Т. Сапронова.

73. Там же, 1925, ст. 171. Инструкция о сельскохозяйственной иммиграции, от 10 мая 1925 г.

74. Согласно постановлению СНК СССР Постоянная комиссия была создана для "регулирования и содействия сельскохозяйственной и промышленной иммиграции в пределы Союза ССР и регулирования эмиграции" из Советского Союза. Фактически, однако, речь шла только о сельскохозяйственной иммиграции (см. С.З.СССР, 1925, ст. 119, постановление СНК, за подписью Рыкова, от 17 февраля 1925 г., "О постоянной

комиссии СТО по трудовой сельскохозяйственной и промышленной иммиграции и эмиграции"). От прежней комиссии СТО новая отличалась лишь иным количеством представителей от различных советских организаций. Чуть позже "в целях облегчения иммиграции и реэмиграции трудовых элементов" в СССР иммигрантам были предоставлены некоторые незначительные льготы. Они освобождались от ряда пошлин, что было сделано для поощрения ввоза оборудования и техники, а транспортные и налоговые платы взимались с них по низким тарифам "для переселенцев". Предоставлены им были и льготы по отбыванию воинской повинности (см. там же, ст. 152, постановление ЦИК СССР "О льготах трудовым сельскохозяйственным и промышленным иммигрантам и реэмигрантам", от 31 марта 1925 г., за подписями Калинина, Рыкова, А. Енукидзе. Опубликовано 7 апреля 1925 г.).

75. С.У. РСФСР, 1925, ст. 134, "О сельскохозяйственной иммиграции", от 2 февраля 1925 г., за подписями Калинина и Лежавы; там же, ст. 171, "О сельскохозяйственной иммиграции (Инструкция)". Действие этого закона распространялось и на эмигрантов из России, покинувших страну до 25 октября 1917 года с целью работы за границей, но не перешедших в иностранное подданство и теперь возвращавшихся в СССР для занятия сельскохозяйственной деятельностью. Соответственно, 9-я статья Земельного кодекса РСФСР была дополнена следующим примечанием: "Трудящиеся иностранцы, проживающие на территории РСФСР и пользующиеся политическими правами, согласно конституции РСФСР, имеют право на трудовое пользование землей для ведения сельского хозяйства на одинаковых основаниях с гражданами РСФСР" (см. там же, ст. 537, декрет ЦИК и СНК "О дополнении статьи 9 Земельного кодекса РСФСР в отношении предоставления трудящимся иностранцам права на трудовое землепользование", от 28 сентября 1925 г., за подписью Калинина).

76. С.З.СССР, 1925, ст. 303. Постановление СНК и ЦИК, за подписями Рыкова и Калинина, от 26 июня 1925 г., "О предоставлении права на трудовое землепользование иностранцам".

77. На июльском пленуме ЦК и ЦКК Троцкий заявил: "Мы имеем опасность уклона в сторону кулака". Каменев добавил, что "затопление нижнего этажа советской власти крестьянством — факт". Как и в желании уничтожить капитализм, советские лидеры всегда были едины и в стремлении уничтожить все виды частной собственности, прежде всего крестьянской.

78. См. С.У.РСФСР, 1926, ст. 458. Постановление ЦИК "Об изменении и отмене некоторых узаконений о сельскохозяйственной иммиграции", от 13 сентября 1926 г., за подписями Калинина и А. Лежавы. Отменены были, в частности, следующие законы правительства РСФСР об иммиграции: ст. 128 (1923), ст. 525 (от 8 июня 1923 г.), ст. 134 (от 2 февраля 1925 г.), ст. 171 (1925), в том числе и закон о выделении на нужды сельскохозяйственной иммиграции 220 тыс. десятин земли. Взамен всех этих законов в январе 1927 года была выработана новая инструкция, обобщающая все ранее введенные ограничения (см. С.У.РСФСР, 1927, ст. 130 "Об утверждении инструкции об условиях и порядке предоставления земель для нужд сельскохозяйственной иммиграции", от 28 января 1927 г., за подписью А. Смирнова). Инструкция указывала, что трудовая сельскохозяйственная иммиграция допускалась в СССР с целью развития и поднятия сельского хозяйства в многоземельных или окраинных районах путем применения современной агрономической техники. Непременным условием предоставления иммигрантам и реэмигрантам земли являлась организация их в сельскохозяйственные кооперативы по уже существующим в РСФСР уставам. В пользование въезжающим предоставлялись только ненужные местному населению территории, либо участки советских хозяйств (совхозов), предназначенных к ликвидации. Наконец, иммигрантам предоставлялись и целинные земли, в обработке которых государство было особенно заинтересовано. Во всех случаях земля отводилась в основном в малообжитых районах и предоставлялась на договорных началах. Основной и оборотный капитал для самостоятельной организации и ведения образцово-показательного хозяйства должен был ввозиться самими иммигрантами. Исправное выполнение всех условий арендного договора по истечении срока соглашения давало коллективу преимущественное право на получение того

же участка на повторный срок или же в постоянное пользование. В противном случае участок у иммигрантского кооператива мог быть забран, а сами иммигранты — снова переселены на целинную или заброшенную землю. Единоличная сельскохозяйственная иммиграция не допускалась, за исключением случаев подселения к земледельческим обществам и лишь с согласия на это самого общества и местных властей. На практике это означало, что подселение допускалось лишь при наличии семейных связей с иммигрантом или реэмигрантом.

79. См. С.З.СССР, 1927, ст. 95. Постановление СНК "О ликвидации постоянной комиссии СТО по трудовой сельскохозяйственной и промышленной иммиграции и эмиграции", от 21 января 1927 г., за подписью Рыкова. Ликвидация дел комиссии должна была закончиться к 1 марта 1927 г. Вопросы сельскохозяйственной иммиграции решались теперь республиканскими наркоматами земледелия, которые должны были разработать по соглашению с НКИД и НКВД новые правила о сельскохозяйственной иммиграции и въезде иммигрантов. Однако эти правила выработаны так и не были.

80. В 1927 году общая политика советского правительства в отношении крестьянства стала еще жестче. В июне 1927 г. на заседании президиума ЦКК Зиновьев сказал, что "капитализм вырос в деревне и абсолютно и относительно, это есть факт. Капитализм в городе не вырос относительно, но вырос абсолютно". (Партия и оппозиция по документам. Издание ЦК, только для членов партии. Москва, 1927, стр. 57.) Зиновьев пугался не зря. К 1928 г. 97,3% всех крестьянских хозяйств были частными и лишь 2,7% составляли колхозы, совхозы и кооперативы. (См. Социалистическое строительство СССР. Москва, 1935, стр. XXXIX.) 28 мая 1928 г. в беседе со студентами Института Красной профессуры, Коммунистической академии и Свердловского университета Сталин дал и теоретическое обоснование для планируемого тотального наступления на крестьянство: "Крестьянство является таким классом, который выделяет из своей среды, порождает и питает капиталистов, кулаков и вообще разного рода эксплоататоров". (Сталин. Вопросы ленинизма. Издание одиннадцатое. Москва, 1946, стр. 192.)

81. См. С.У.РСФСР, 1923, ст. 2, декрет ВЦИК от 15 ноября 1922 г. Дальневосточная республика, включая ее оккупированные зоны, объявлялась неотъемлемой частью РСФСР.

82. См. Сибирская советская энциклопедия, том 2, статья "Иммиграция". И это, разумеется, несмотря на то, что по сведениям той же Сибирской энциклопедии многие корейцы и китайцы принимали активное участие в установлении советской власти, находясь в рядах Красной армии или партизанских отрядах (см. там же).

83. См. С.У.РСФСР, 1921, ст. 273. Декрет СТО от 8 июня 1921 г. "О студентах иностранных высших технических учебных заведений", за подписью Ленина.

84. См. там же, ст. 559, от 20 октября 1921 г. Паспорта с фотографиями служили документами для въезда и раньше, но общего правила о паспортах и их визации в советском полпредстве не было до издания данного декрета. В случае, если на паспорте фотографии не было, он прикреплялся к визе.

85. Согласно декрету от 21 марта 1921 г. "О лишении свободы и порядке условно-досрочного освобождения заключенных" (см. там же, ст. 138). Месяцем позже аналогичное постановление приняла Украина (см. С.У.УССР, 1921, ст. 710, постановление СНК УССР от 28 ноября 1921 г. "О въезде иностранцев из-за границы на территорию УССР"). Ноябрьское постановление было полностью включено в закон 1922 г., который, однако, был дополнен правилами выезда из УССР. Покинуть Украину можно было теперь тоже лишь с согласия НКИД, налагаемого в виде визы на паспорт с фотографией (см. там же, 1922, ст. 137, "Об иностранцах в УССР и порядке приобретения и утраты украинского гражданства", от 28 марта 1922 г.).

86. С. Н. Семанов в книге "18 марта 1921 г.", в частности, пишет: "Большинство бежавших в Финляндию были простые матросы, солдаты... Корреспондент 'Последних новостей' бесстрастно описывал следующую выразительную сцену: 'Финляндская пограничная стража разоружает матросов и солдат, предварительно заставляя их возвращаться и подбирать на льду брошенные

пулеметы и ружья. Больше 10 тыс. ружей подобраны'. " (С. Н. Семанов, 18 марта 1921 г. Москва, 1977, стр. 193). Впрочем, эту цифру следует считать, видимо, завышенной. Как указывает тот же Семанов, по сведениям, опубликованным в эмигрантской печати, в Финляндию бежало около 8 тыс. человек (см. там же, стр. 188). Таким образом, можно, безусловно, предположить, что декрет от 21 марта 1921 года был издан для предотвращения возвращения кронштадтских беженцев, с одной стороны, и для легализации арестов возвращавшихся, с другой.

87. См. С.У.РСФСР, 1921, ст. 138, 20 октября 1921 г. Подобный закон в октябре того же года приняло и советское правительство Украины (см. С.У.УССР, 1921, ст. 710, от 28 ноября 1921 г.). См. также С.У.РСФСР, 1921, ст. 559. Февральским постановлением 1924 года выдача разрешений иностранцам на въезд в СССР по причинам, не связанным с сельскохозяйственной или промышленной иммиграцией, производилась только НКИД СССР (см. С.У.РСФСР, 1924, ст. 383; Вестник СТО, СНК и ВЦИК, 1924, № 5, постановление от 19 февраля 1924 г.).

В 1925 году было введено в действие новое, общесоюзное, постановление о въезде иностранцев в СССР. Согласно этому закону иностранцы, за исключением случаев "краткосрочного перехода границ", могли въехать в Советский Союз лишь с разрешения НКИД СССР, полномочных представительств или консульств СССР за границей, либо же с разрешения специально уполномоченных на то советских делегаций, находящихся за рубежом. Выехать из СССР иностранец мог лишь при наличии выездной визы, налагаемой НКИД, его уполномоченными в союзных республиках или особо уполномоченными на выдачу таких виз агентами наркомата иностранных дел, либо по выездной визе, полученной в НКВД. Пропуск на пребывание в пределах СССР экипажей иностранных судов регулировался правилами, утвержденными СНК по представлению НКИД. А въезд в СССР трудовых иммигрантов определялся особым постановлением (см. С.З.СССР, 1925, ст. 119, постановление от 17 февраля 1925 г.).

88. См. С.У.РСФСР, 1921, ст. 533. Постановление СНК от 6 октября 1921 г. "О порядке проверки личного со-

става иностранных торговых судов, пропуска и пребывании иностранных моряков в портовых городах РСФСР".

89. Там же, 1922, ст. 222. Декрет СНК от 27 февраля 1922 г. за подписью Цюрупы. Через пять лет, 24 мая 1927 года, СНК принял это же постановление еще раз (см. там же, 1927, ст. 348, "О производстве арестов на иностранных торговых судах", за подписью А. Смирнова).

90. Иностранцы, проживавшие за пределами СССР, подавали заявление на имя председателя ВЦИКа и решение по таким делам выносилось ВЦИКом. При переходе в российское подданство обоих супругов их дети, если им было меньше 18 лет, следовали гражданству родителей. Если же один из супругов сохранял свое старое гражданство, их дети, если они были моложе 14 лет, оставались в прежнем подданстве (если между супругами не было особого соглашения), а дети, достигшие 14-летнего возраста, имели право выбора и могли принять российское или оставить прежнее гражданство. О принятых в российское подданство иностранцах ВЦИК и губисполкомы сообщали в НКИД для регистрации новых граждан и извещении заинтересованных иностранных государств (см. там же, 1921, ст. 437, декрет "О принятии иностранцев в российское гражданство", от 22 августа 1921 г., в развитие декрета "О приобретении российского гражданства" (см. там же, 1917–18, ст. 405). Аналогичный закон был принят на Украине. С 1922 года все иностранные граждане, достигшие совершеннолетия, имели право подать прошение о приеме их в украинское подданство. В постановлении также указывалось, что все граждане, независимо от подданства их родителей, родившиеся на территории Украины, считались украинскими подданными, если в течение года по достижении совершеннолетия ими не было сделано заявления о желании приобрести гражданство родителей (или одного из родителей, если у родителей разное подданство). (См. С.У.УССР, 1922, ст. 237, от 28 марта 1922 г. "Об иностранцах в УССР и порядке приобретения и утраты украинского гражданства".) Наконец, в связи с образованием единого Советского Союза в октябре 1924 года ЦИК СССР принял новое положение о союзном гражданстве. Согласно этому закону иностранные граждане, проживавшие на терри-

тории СССР для трудовых занятий и принадлежавшие к рабочему классу и не пользующемуся наемным трудом крестьянству, имели все политические права советских подданных. Советскими гражданами признавались все те, кто находился на территории СССР и не мог доказать, что он иностранец. Лица, оба родителя которых являлись гражданами СССР, также считались советскими подданными, независимо от места рождения детей и родителей. Гражданами СССР считались еще и лица, один из родителей которых к моменту рождения детей был советским гражданином и проживал на территории СССР. Если же оба родителя, один из которых не был советским гражданином, в момент рождения ребенка проживали за границей, гражданство ребенка определялось по соглашению родителей. По достижении совершеннолетия такое лицо могло получить советское гражданство в упрощенном порядке. При заключении брака между лицами, одно из которых имело советское подданство, каждый из вступавших в брак сохранял свое гражданство. Изменение гражданства несоветского подданного в этом случае могло быть произведено также в упрощенном порядке. Дети, не достигшие 14-летнего возраста, следовали гражданству родителей. Прием в советское подданство иностранцев, проживающих в СССР, по новому закону производился посредством подачи заявления в ЦИК союзной республики, но при запросе политического убежища, а также в том случае, если иностранец проживал в СССР "для трудовых занятий", гражданство можно было получить, подав заявление в губернский или областной исполком. Порядок предоставления гражданства сельскохозяйственным и промышленным иммигрантам, репатриантам, реэмигрантам и людям, возвращающимся в СССР на основании международных договоров, устанавливался особым законом. Но лица, потерявшие советское гражданство и желавшие восстановить его, подавали прошение в ЦИК союзных республик через НКИД СССР. Двойное гражданство советским правительством не признавалось (см. С.З. СССР, 1924, ст. 202, положение о союзном гражданстве, от 29 октября 1924 г.). Несколько позже постановлением президиума ВЦИК от 17 августа 1925 года было признано необходимым сосредоточить в президиуме ЦИК все дела о предоставлении советского гражданства иностранцам, проживающим в СССР. Только трудовые иммигранты и по-

дающие на право политического убежища могли получить гражданство через областные, губернские и другие исполкомы. Ходатайства оптантов об обратном приеме их в советское гражданство рассматривалось только во ВЦИК, но от социального положения оптанта не зависело. Закон "О принятии в гражданство Союза ССР иностранцев" (С.У.РСФСР, 1926, ст. 85, от 1 февраля 1926 г., за подписью Калинина) по существу не вносил никаких изменений в закон от 17 августа 1925 г.

91. Во всем остальном права и обязанности иностранцев совпадали с правами и обязанностями советских граждан.

92. См. С.У.УССР, 1922, ст. 237. Постановление ВУЦИК за подписью заместителя председателя ВУЦИК А. Иванова, от 28 марта 1922 г., "Об иностранцах в УССР и порядке приобретения и утраты украинского гражданства". Разумеется, в соответствии с международными законами, особое положение занимали дипломатические и консульские представители иностранных держав.

93. См. С.З.СССР, 1926, ст. 439. Постановление ЦИК и СНК "Об иностранцах, имеющих временное пребывание или постоянное местожительство в Союзе ССР", от 3 сентября 1926, за подписями Г. Петровского, А. Рыкова и А. Енукидзе.

94. См. С.У.РСФСР, 1923, ст. 623. Декрет СНК от 4 июля 1923 г. "О регистрации находившихся за границей русских военнопленных и интернированных и возвращении их в РСФСР", за подписью Каменева. См. также постановление СНК ЗСФСР № 28, от 31 марта 1923 года, "О призыве и учете военнообязанных граждан ЗСФСР, проживающих за пределами Закфедерации", на основании которого все постоянно проживавшие за границей подданные ЗСФСР призывались в армию на общих основаниях, "по месту жительства, на основании применяемых к данной местности общих узаконений о призыве в войска". Соответственно, уездные военные комиссариаты брали таких закавказских граждан на "местный учет военнообязанных" (см. С.У.ЗСФСР, 1923, ст. 44).

95. Подробнее об этом см. Приложение № 2.

96. 19 марта 1925 года Верховный суд СССР разъяснил, что "если постановление о восстановлении в правах гражданства последовало в ответ на ходатайство об амнистии и за совершенные просителем преступления с точным указанием этих преступлений, то такое постановление президиума ЦИК Союза ССР необходимо рассматривать одновременно и как акт частной амнистии за указанные в ходатайстве преступления". Однако "такое восстановленное в правах гражданства лицо может быть привлечено к судебной ответственности... за те более тяжкие преступления, о которых оно сознательно утаило в своем ходатайстве или сказало заведомую неправду". (Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР. 3-е изд., Москва, 1932, стр. 312.)

97. 19 марта 1925 года Верховный суд СССР разъяснил, что "постановление президиума ЦИК Союза ССР о восстановлении в правах гражданства", последовавшее в ответ на ходатайство о восстановлении "именно в этих правах, без указания просителя на совершенные им преступления... не может рассматриваться как одновременный акт частной амнистии за все совершенные лицом контрреволюционные и иные преступления" (там же).

98. См. С.У.УССР, 1922, ст. 287, постановление ВУЦИК от 12 апреля 1922 г.

99. См. С.З.СССР, 1925, ст. 152, декрет ЦИК от 31 марта 1925 г.; там же, ст. 303, декрет СНК и ЦИК, за подписью Рыкова и Калинина, от 26 июня 1925 г. В частности, оставались в силе многочисленные постановления о льготах реэмигрантам. Так, постановлением ЦИК и СНК СССР от 8 января 1926 г. реэмигранты, возвратившиеся на территорию Казакской АССР, были освобождены на пять лет с момента возвращения от уплаты единого сельскохозяйственного налога. (См. С.З.СССР, 1923, ст. 23. Постановление ЦИК и СНК "Об освобождении реэмигрантов, возвращающихся на территорию Казакской АССР, от единого сельскохозяйственного налога в течение 5 лет со времени водворения их на территории названной республики", за подписями А. Червякова, А. Рыкова и А. Енукидзе.) ЦИК, однако,

имел право не распространять эту льготу на некоторые категории хозяйств, что, разумеется, оставляло место для экономической борьбы с "кулачеством". Декретом 26 июля 1926 года льготы были отменены для резмигрантов, вернувшихся в СССР до 1 января 1922 года. Льготы не распространялись и на тех, кто пользовался наемным трудом, превышавшим установленные 39-й статьей Земельного кодекса РСФСР нормы (см. С.У.РСФСР, 1926, ст. 363, декрет ВЦИК и СНК "О применении льгот по единому сельскохозяйственному налогу для резмигрантов, возвращающихся на территорию Казакской Автономной ССР", за подписями Калинина и А. Смирнова). 8 октября постановления эти были распространены и на Киргизскую автономную область (см. там же, ст. 510, постановление ЦИК и СНК "Об освобождении резмигрантов, возвращающихся на территорию Киргизской автономной области, от единого сельскохозяйственного налога в течение 5 лет со времени водворения их на территории названной области", за подписями Калинина и Я. Рудзутака); а 3 января 1927 года – на только что образованную Киргизскую АССР (см. там же, 1927, ст. 41, постановление ВЦИК и СНК РСФСР "О применении льгот по единому сельскохозяйственному налогу для резмигрантов, возвращающихся на территорию Киргизской АССР (ранее Киргизской автономной области)", за подписями Калинина и А. Смирнова).

На основании постановление СТО СССР от 14 сентября 1926 г. "Об обязательном окладном страховании в сельских местностях" Экономическое совещание РСФСР полностью освободило от уплаты страховых платежей всех иммигрантов и резмигрантов, занятых в сельском хозяйстве (см. там же, 1926, ст. 473, "Инструкция по применению льгот по обязательному окладному страхованию в сельских местностях РСФСР на 1926–1927 год"). А 23 мая 1929 года постановлением Экономического совещания иммигранты и резмигранты, занимавшиеся рыбным промыслом, были полностью освобождены от платежей по обязательному окладному страхованию на 1929 год (см. там же, 1929, ст. 487).

ЭМИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА, 1917–1927

Первая мировая война и распад Российской империи, приведшие, с одной стороны, к образованию новых государств, а с другой – к скоплению на территориях "новорожденных" советских республик масс европейского населения, заставили советское правительство сформулировать основы своей эмиграционной политики уже в первые месяцы революции. Среди многочисленных вопросов, поставленных на повестку дня, два казались первостепенно важными: возвращение иностранных военнопленных на родину и право жителей местностей, отошедших от РСФСР, оптировать несоветское гражданство. С возвратом военнопленных Советы не торопились умышленно. В протоколах заседания ВЦИК Второго созыва по этому поводу было записано следующее:

"Мы не гарантированы от того, как использует современное германское правительство возвращаемых пленных солдат, употребление которых мы не можем контролировать. Если бы в Германии правил Либкнехт, мы бы отпустили пленных..."[1]

То же самое относилось и к Австро-Венгрии. Что касается оптаций, то после заключения в марте 1918 года Брест-Литовского мирного договора между РСФСР и странами Четвертого союза, по которому от России отошли значительные территории, оптации стали неизбежны. Уже в июле 1918 г., "впредь до издания общего закона о выходе из российского гражданства", советское правительство предоставило жителям местностей, отошедших от России, право возбудить перед НКВД ходатайство о выходе из российского гражданства в течение месячного срока со дня издания декрета[2]. Этот срок советское правительство продляло трижды – в августе, сентябре и октябре[3], неизменно оставляя оптантам лишь один месяц для обдумывания, возможно, ответственнейшего шага их жизни – эмиграции.

Последним днем подачи заявлений считалось 16 ноября 1918 года[4], причем правительство предоставило НКВД право вынесения окончательных решений по делам оптантов, а, следовательно, даже те, кто обладал несомненным доказательством принадлежности к территориям, отошедшим от РСФСР, не могли быть уверены в том, что получат выездные визы. В случае пропуска указанного срока НКВД рассматривал ходатайства лишь тогда, когда было доказано, что опоздание произошло по уважительной причине. Во всех случаях заявление подавалось в губисполком. К нему должно было быть приложено множество справок и документов, в частности, свидетельство о том, что к оптанту

нет никаких исков и что он ничего не должен ни государству, ни гражданам РСФСР. Для получения такой справки проситель обязан был за свой счет опубликовать в местной газете заявление о том, что он подает документы на выезд[5]. В течение следующих двух недель лица, имевшие к отъезжающему какие-либо претензии, могли подать об этом заявление в губисполком. Ходатайствующий обязан был также предъявить справку с указанием, что за ним не числится никаких уголовных или "контрреволюционных" преступлений. Справка эта получалась в соответствующих органах. Оптант заполнял кроме того подробную анкету, где особое внимание уделялось вопросу о месте жительства с 1914 года. Наконец, оптантом давалась подписка, что в случае разрешения эмигрировать, он сделает это немедленно.

Принадлежность к отторгнутым областям доказывалась на основании документов, выданных царским, временным или советским правительством России, а в случае отсутствия документов – другими способами, в том числе и свидетельскими показаниями. Право окончательного суждения о том, доказана принадлежность к отторгнутым областям или нет, во всех случаях оставалось за НКВД. За ложные показания заявитель подвергался штрафу или тюремному заключению на срок до трех месяцев.

Через две недели после опубликования имени оптанта в местной газете губисполком начинал рассматривать дело и в течение следующих двух недель выносил положительное или отрицательное решение, которое отсылалось на утверждение в НКВД. В случае, если НКВД давал положительный ответ, он отсылал в губисполком для оптанта удостоверение. О своем решении НКВД уведомлял, кроме того, НКИД и соответ-

ветствующий национальный наркомат. Гражданству вышедшего из советского подданства оптанта следовали жена оптанта и его дети, в случае если ими подавалось соответствующее заявление[6].

Нужно отметить, однако, что уже 13 ноября, т. е. за три дня до истечения сроков подачи заявлений об оптации, советское правительство расторгло Брест-Литовский мирный договор и начало наступление на Запад в надежде экспортировать революцию. В течение короткого времени Украина и Белоруссия были захвачены Красной армией. Однако надежды советского правительства на мировую революцию не оправдались. Революция в Германии была подавлена быстро, а Финляндия, Польша и Прибалтика сумели отстоять свою независимость. Украина, впрочем, осталась советской, и соглашения между РСФСР и Украиной, заключенные ранее, в том числе соглашения об оптации иностранного гражданства, потеряли смысл[7].

В 1919 году советская Украина с ее слабым правительством сама разрешила постоянным жителям местностей, отошедших от России и Украины, оптировать гражданство в пользу Финляндии, Польши, Германии и Румынии, аннексировавшей в 1918 году Бессарабию[8]. Украинские граждане, считавшие себя подданными отошедших от бывшей Российской Империи областей, могли теперь подать заявление о выходе из украинского гражданства. До подачи такого заявления, однако, все они считались украинскими гражданами и взятие их под покровительство другими иностранными государствами не допускалось.

Согласно постановлению, принятому в марте, все подданные бывшей Российской Империи, постоянно проживавшие на Украине, считались украинскими гражданами. Исключение составляли финны и поляки,

покинувшие пределы Финляндии и Польши не ранее 19 июля 1914 года. Выйти из украинского гражданства и оптировать подданство страны, отошедшей от России, украинцы могли только в том случае, если жили в той стране по крайней мере с 19 июля 1909 года, т. е. почти десять лет. Все разрешения на выход из советского гражданства, данные не большевистскими украинскими правительствами, считались недействительными[9].

Тогда же, в марте, был принят закон о выходе из украинского гражданства, согласно которому все бывшие подданные Российской Империи, проживавшие в данный момент на территории Украины и не вышедшие из украинского подданства, объявлялись украинскими гражданами. Лица, достигшие 17 лет, в течение двух месяцев со дня публикации закона могли возбудить ходатайство о выходе из украинского подданства. По истечении этого срока ходатайства возбуждались лишь в том случае, если опоздание произошло по уважительной причине.

Ходатайства подавались в отдел управления губисполкомов по месту жительства. Право оптации доказывалось документами или свидетельскими показаниями, причем окончательное решение выносил НКВД "независимо от характера представленных доказательств". К ходатайству должны были быть приложены вид на жительство; удостоверение ЧК о том, что проситель не состоит под судебным следствием; подписка о том, что за просителем не числится никаких денежных или имущественных обязательств, для чего в местных газетах за счет просителя публиковалось объявление о его намерении эмигрировать; справка представителя страны, в которую собирался уехать оптант, что она не возражает против его

въезда; подписка оптанта о том, что в случае получения разрешения на выезд он выедет немедленно; сведения об имущественном положении, с указанием имущества, рода деятельности до и после революции, месте службы, звании и местах жительства с 1 января 1914 года.

За ложные показания виновные подлежали штрафу или тюремному заключению на срок от 3 до 6 месяцев. Губисполком рассматривал прошения в течение двух недель со дня его публикации в местной газете и выносил затем решение, а в спорных случаях — передавал дело в НКВД. Все делопроизводство препровождалось губисполкомом в иностранный отдел НКВД для утверждения решения[10]. Нужно отметить, что даже бывшие граждане Российской Империи, уже имевшие на руках заграничные паспорта, не рассматривались на Украине как иностранцы, если не предъявляли одновременно с этим справку о выходе из украинского гражданства[11].

Неординарно развивались и советско-грузинские отношения. В декабре 1918 года, планируя захватить Грузию, советская Россия заявила, "что Грузия ныне не признаётся" правительством РСФСР "самостоятельным государством" и что "все лица, считающие себя грузинскими гражданами, признаются российскими гражданами и, как таковые, подчинены всем декретам и постановлениям советской власти"[12]. Но после того как первый раунд коммунистического наступления на Запад захлебнулся, советская Россия подписала с Грузией 7 мая 1920 года договор о признании независимости и самостоятельности Грузии[13]. По условиям договора Россия передавала Грузии Тифлисскую, Кутаисскую и Батумскую губернии и Закатайский и Сухумский округа. Россия

выражала также готовность признать в будущем вхождение в Грузию бывшего Кавказского наместничества, если оно отойдет к Грузии по договорам с другими государствами. Грузия, со своей стороны, обязалась "немедленно разоружить и интернировать в концентрационные лагеря" находящиеся на ее территории в момент подписания договора "команды и группы, претендующие на роль правительства России, или части ее, или на роль правительства союзных с Россией государств, а равно представительства и должностные лица, организации и группы, имеющие своей целью ниспровержение правительства России или союзных с нею государств". Интернирование предполагалось и в случае возникновения подобных организаций в будущем. Это положение договора распространялось и на экипажи стоящих в грузинских портах судов, равно как и на сами суда. После разоружения все упомянутые категории лиц выдавались в РСФСР, которая, по договору, обещала не применять к возвращенным смертной казни.

Удалению из Грузии подлежали также все неправительственные войска, находящиеся на ее территории. Их пребывание в Грузии не допускалось и в будущем. Лица перечисленных категорий, не грузинского происхождения, не могли вступать в Грузинскую армию даже в качестве добровольцев. Грузия обязалась выполнить свои обязательства "в кратчайший срок, не останавливаясь перед применением вооруженной силы". Подобные обязательства взяла на себя и РСФСР, с той только разницей, что она их не выполнила.

Лица грузинского происхождения, достигшие 18-летия, по договору могли оптировать грузинское гражданство. Наоборот, лица не грузинского происхождения, проживавшие в Грузии, могли оптировать

русское гражданство. Для оптации устанавливался годичный срок. Грузия, кроме того, объявляла полную амнистию и немедленно освобождала всех лиц, арестованных за деяния, совершенные в пользу РСФСР или коммунистической партии. На основании данного договора в Москве 9 декабря было подписано отдельное соглашение "О порядке оптации грузинского гражданства"[14]. Оптировать его могли грузины по национальности и все прочие уроженцы Грузии, независимо от их национальности, если они сами или их родители были приписаны до 1 августа 1914 г. к городским, сельским или сословным обществам на территории, ныне составляющей Грузию. Право оптации давалось лишь на один год и устанавливалось на основании документов. Лишь грузины по национальности могли доказать его "каким-либо иным" образом, если документов не было.

Лицо, желавшее оптировать грузинское гражданство, должно было подать в посольство Грузии в РСФСР заявление вместе с приложенными документами. В случае признания за заявителем права на оптацию представительство Грузии выносило об этом постановление и передавало его в НКИД РСФСР. В течение следующего месяца НКИД мог дать отрицательный ответ. Но если такового не поступало, оптант автоматически переставал считаться советским подданным и получал грузинское гражданство. В случае отрицательного ответа НКИД вопрос разрешался смешанной комиссией. Новые грузинские подданные получали специальные документы и должны были в течение года покинуть пределы РСФСР.

Однако в 1921 году Красная армия вторглась в Грузию и установила там советскую власть, так что договором об оптации воспользоваться успели не-

многие. Не имели практического значения и договоры, заключенные со вскоре захваченными "независимыми" Хорезмской и Бухарской советскими республиками[15]. Согласно советско-хорезмскому договору к ХСНР отошли территории бывшего Ханства Хивинского, присоединенные к России в 1873 г. на правах протектората. Отторжение в пользу ХСНР могло, однако, произойти только в случае изъявления на это согласия "трудящихся" этих районов. В советско-хорезмском договоре указывалось также, что РСФСР и Хорезмская советская народная республика предоставят проживавшим на их территориях гражданам другой стороны, "принадлежащим к рабочему классу или к непользующемуся чужим трудом крестьянству, если они проживают на территории России для трудовых занятий", все политические права своих граждан[16]. Разумеется, "для достижения ими мировой победы трудящихся" два советских правительства обязались:

1) Не допускать на своей территории образования или пребывания правительств, организаций, групп и отдельных лиц, ставящих своей целью борьбу против другой договаривающейся стороны или против какой-либо иной Советской Республики. Равным образом не допускать в пределах своей территории вербовку и мобилизацию личного состава в ряды армии таковых правительств, организаций или групп и пребывания их представителей или должностных лиц.

2) Воспретить тем государствам, организациям или группам, которые ставят своей целью прямо или косвенно борьбу с другой договаривающейся стороной, ввозить в пункты на своей территории или провозить через свою территорию все то, что может быть использовано против другой договаривающейся стороны, оказывать взаимное содействие друг другу всеми находящимися в распоряжении обоих Республик ресурсами в том числе военными в деле охраны независимости и свободы обоих Советских Республик от покушения на них всех врагов.

По советско-бухарскому договору Бухарская советская республика безвозмездно получала территории русских поселений в Бухаре, а жители этих территорий, проживавшие в Бухаре еще до революции, с разрешения назира иностранных дел БСР и представительства РСФСР могли принять бухарское подданство[17]. Наконец, присоединение в ноябре 1922 года Дальневосточной республики привело к аннулированию по знакомой уже схеме всех двусторонних договоров, заключенных между советской Россией и ДВР, в том числе и соглашений по паспортному вопросу[18].

Для разрешения проблем, связанных с иностранными военнопленными, интернированными и беженцами, находившимися в РСФСР, и для централизации всей правительственной деятельности, касавшейся их, советское правительство в апреле 1918 года образовало Центральную коллегию по делам пленных и беженцев (ЦКПБ). Коллегия сосредоточила в своих руках деятельность всех правительственных учреждений, занимавшихся ранее проблемами пленных и беженцев Первой мировой войны. Она существовала как самостоятельная организация, входящая в состав наркомата по военным делам[19].

В распоряжении ЦКПБ находилась целая сеть сельскохозяйственных и промышленных предприятий, на которых работали пленные и беженцы, чтобы хоть както поддержать свое существование[20]. Помощь пленным и беженцам, однако, оказывало не только правительство, но и действовавшие в те годы Всероссийский Красный крест, Всероссийский Земский союз и Всероссийский Союз городов. Пока власть была слабой, до благотворительных организаций не дотягивались руки. Но в июне 1918 года руки дотянулись. С этого момента все частные и общественные организации,

помогавшие пленным и беженцам, могли действовать лишь с разрешения ЦКПБ и подлежали ее контролю[21]. Однако полная централизация деятельности по отношению к пленным и беженцам была установлена лишь в июле, когда декретом советского правительства были упразднены все правительственные и неправительственные учреждения, кроме ЦКПБ, ведавшие делами о пленных и беженцах. Отдел беженцев при НКВД также подлежал ликвидации.

Наконец, в мае 1919 года перестала существовать как самостоятельная и сама ЦКПБ. Она полностью перешла в ведение и подчинение НКВД на правах отдела, в ведении которого находились теперь еще и пленные Гражданской войны. Отдел, кроме того, занимался сбором сведений о всех красноармейцах, попавших в плен[22]. А НКВД, со своей стороны, проводил среди пленных большую идеологическую работу, ознакомляя их, в частности, "путем раздачи газет, брошюр и вообще советской литературы с международными событиями, причинами задержки беженцев [в России] и условиями их резвакуации"[23]. Причины задержки часто действительно требовали объяснения. Так, основную ставку в попытке экспорта революции советское правительство делало на немцев и австро-венгров, составлявших подавляющее большинство общего числа военнопленных Первой мировой войны, взятых в плен царской армией. Когда венгерские коммунисты, возглавляемые бывшим военнопленным в России Бела Куном, подняли восстание в Венгрии, советское правительство постановило "в согласии с извещением" наркома иностранных дел советского правительства в Венгрии, "изложенным в радиотелеграмме его от 13 мая", "объявить мобилизацию всех венгерских граждан, постоянно или временно проживающих в пределах

УССР, в возрасте от 18 до 45 лет"[24]. В распоряжение военкоматов, начавших мобилизацию, закончить которую предполагалось за две недели, командировались с этой целью партийные работники, а самих призываемых отправляли в Киев "в распоряжение управления по формированию интернациональных войск". Уклонявшиеся от мобилизации считались дезертирами и лишались "хлебного пайка, одежды и белья". Ответственность за выполнение этого постановления ложилась на фабрично-заводские и домовые комитеты, где работали или проживали пленные венгры.

В это время венгерские правительственные войска подавили мятеж. И мобилизованных для отправки на родину (в составе войск Красной армии) венгерских военнопленных оставили на Украине – заложниками будущих переговоров между советской властью и правительством Венгрии.

Результаты советской политики в отношении пленных и беженцев сказались очень скоро. Идеологическое воздействие и материальные трудности заставили многих военнопленных вступить в Красную армию, ЧК, продотряды, ВОХР и другие карательные отряды. В одной только Красной гвардии в течение Гражданской войны на стороне большевиков сражалось примерно 20 тыс. иностранцев, в основном из пленных[25]. Эти "добровольцы" подписывали контракт и получали зарплату, а потому советское правительство оказалось в затруднительном положении, когда в 1919 году многие из этих наемников захотели, наконец, вернуться на родину. Правительство РСФСР постановило тогда, что "желающие отправиться на родину добровольно поступившие в ряды Красной армии военнопленные граждане иностранного подданства могут быть уволены из таковой по истечении срока по

контракту или шести месяцев со дня поступления их в Красную армию"[26]. Такое отношение к иностранцам было возможно прежде всего потому, что в 1918 году иностранные пленные и беженцы в РСФСР были приравнены в отношении подведомственности к гражданам советской России[27].

Комиссия по делам пленных и беженцев под председательством М. Зубкова была образована и на Украине для объединения, направления и непосредственного руководства всей деятельностью, касающейся находившихся в УССР пленных и беженцев. Подчинялась Комиссия непосредственно Центральной коллегии и являлась органом правительства РСФСР. Вместе с тем, украинская Комиссия, как и ее органы на местах, находилась под общим контролем НКВД. С момента создания Комиссии в ее ведение перешли Комиссия о пленных при бывшем Главном штабе, Департамент о беженцах бывшего МВД и все другие местные и центральные организации Украины, ведавшие делами военнопленных и беженцев. Комиссии поручалось учреждение и финансирование системы местных органов, дано было право продовольственных закупок и предоставлялась полнота власти на Украине, в соответствии с общими указаниями находящейся в РСФСР Центральной коллегии[28].

Несмотря на окончание мировой войны, советское правительство не спешило с возвращением беженцев. Так, одним из первых циркуляров украинской Комиссии стал указ "о временном воспрещении эвакуации беженцев на родину". Беженцы, уже находившиеся в вагонах, должны были быть высажены "в ближайший беженский лагерь, а весь подвижной состав – очищен от беженцев"[29]. Официальной причиной запрета были "катастрофическое положение беженцев, прибывавших

на место своей родины", перегруженность железных дорог и эпидемии. Но была, вероятно, и еще одна причина. Правительство хотело предварительно зарегистрировать всех беженцев, собрать подробные анкетные данные о каждом из них, определить общее их количество. Все это и было оговорено законом от 14 марта 1919 г., согласно которому беженцы, имевшие намерение выехать на родину, должны были зарегистрироваться. Эвакуация незарегистрированных беженцев не производилась, причем они лишались государственной помощи и тем обрекались на гибель. Запрещалась, кроме того, эвакуация одиночных беженцев; и решившие отправиться на родину без разрешения местного "Пленбежа" также лишались всякой государственной помощи[30].

Советское правительство не остановилось на отказе беженцам в немедленной эвакуации на родину. Через два дня, 16 марта, был принят еще один, более важный закон: все беженцы, находившиеся на Украине, если они не перешли в установленном порядке в иностранное подданство, стали считаться украинскими гражданами и уравнивались в правах с жителями Украины[31]. В смысле экономическом этот закон улучшил положение многих беженцев, получивших, в частности, право на работу[32]. Но он же стал первым шагом и к их закрепощению, поскольку способствовал оставлению в пределах УССР. Возможно, именно в ответ на этот закон, поняв, что их хотят насильно оставить на Украине, самые большие группы пленных и беженцев – немцы и австро-венгры – начали самовольное возвращение на родину. В ответ советское правительство прибегло к карательным мерам, запретив в мае 1919 г. особым циркуляром всякое передвижение, даже в пределах губерний, австро-венгерских и германских плен-

ных и беженцев и возложив практическое выполнение этого постановления на ЧК[33].

Массовая эмиграция из советских республик стала возможна лишь с 1920 года, когда один за другим последовали заключения договоров об оптациях или возвращении и обмене военнопленных, беженцев, интернированных и заложников. В течение ближайших лет те из них, кто имел право и желание эмигрировать, сделали это. Советское правительство значительно смягчило оптационные правила в сравнении с законами 1918–19 годов. Для подачи заявлений устанавливались годичные сроки, часто продлявшиеся, причем за редким исключением НКВД уже не могло запретить выезд лицам, имевшим законное право на оптацию. Объявления о праве оптировать иностранное гражданство иногда публиковались в газетах[34]. Одним из первых таких договоров был мирный договор между РСФСР и Эстонией, подписанный 2 февраля 1920 г.[35], согласно которому проживавшие на территории России лица эстонского происхождения, достигшие 18-летнего возраста, могли в течение года оптировать эстонское гражданство[36]. Под лицами эстонского происхождения, имевшими право оптировать эстонское гражданство, понимались лица, "кои сами или их родители" были приписаны к общинам или сословным учреждениям на территориях, составляющих, согласно мирному договору, Эстонию. Проживавшие в пределах РСФСР лица эстонского происхождения, достигшие 18-летнего возраста, имели право в годичный срок со дня ратификации договора, т. е. с 14 февраля 1920 г., подать заявление о признании их эстонскими гражданами. Право оптации доказывалось документами. К заявлению должны были быть приложены сведения о возрасте, семейном положении, месте работы, источниках дохода и месте жи-

тельства заявителя и членов его семьи. Заявитель признавался гражданином Эстонии после того, как НКВД подтверждал его права на эстонское гражданство, а Эстония соглашалась на его въезд в страну. Сразу же после этого заявителю выдавался сроком на один год вид на жительство в РСФСР, установленный для иностранцев. Только этот документ служил доказательством совершения оптации. Оптант должен был покинуть страну, в которой он находился, в течение года. Семья оптировавшего гражданство могла подать заявление на получение заграничных паспортов для эмиграции.

Право оптировать эстонское гражданство получили даже военнослужащие Красной армии. В этом случае заявление об оптации рассматривалось начальниками дивизий и окружных военкоматов и лишь затем отсылалось на совместное рассмотрение НКВД и НКИД. Лицо, признанное эстонским гражданином, увольнялось со службы и получало иностранный паспорт[37].

Наконец, статья 9-я мирного договора предусматривала скорейшее возвращение на родину военнопленных обеих сторон. Под военнопленными подразумевались лица, "взятые в плен и не служащие в войсках государства, взявшего их в плен", а также "взятые в плен не правительственными войсками (т. е. Белыми и другими антисоветскими боевыми частями. – Ю. Ф.) и не поступившие в ряды этих войск". Предусматривалось, что военнопленные обеих сторон "будут отпущены на родину, поскольку они не пожелают, с согласия того государства, на территории которого они находятся, остаться в его пределах или выехать в какую-либо другую страну". Россия и Эстония договорились установить конкретные сроки обмена военнопленных и

учредить комиссию из представителей обеих сторон по наблюдению за выполнением данного соглашения.

Военнопленных предполагалось отправлять эшелонами к советско-эстонской государственной границе и сдавать другой стороне согласно составленным именным спискам. Стороны договорились также произвести обмен интернированных лиц, которых вместе с военнопленными освобождали "от наказаний, наложенных на них судебными приговорами за преступные деяния, совершенные в пользу противной стороны", и от дисциплинарных взысканий. Амнистия не распространялась на лиц, совершивших преступления после подписания мирного договора. Лица, осужденные уголовным судом в течение года со дня подписания договора за преступления, не подлежащие амнистии, могли возвратиться на родину после отбытия наказания. Если же в течение года по ратификации договора обвиняемому не был вынесен приговор, он отсылался на родину вместе с делопроизводством.

Аналогичный договор был подписан в 1923 году Эстонией и советской Украиной[38]. Он во многом повторял русско-эстонский договор 1920 года, в том числе и пункты, относящиеся к оптациям. Однако в связи с переходом советского правительства к НЭПу украинское правительство предоставило эстонским гражданам, владевшим *не*национализированными предприятиями, возможность руководить и управлять ими, с соблюдением декретов и правил УССР. Оптировавший эстонское гражданство имел также право эвакуировать свое ненационализированное предприятие или передать его другим лицам или учреждениям. Речь, однако, шла в основном о мелкой собственности, так как крупная и средняя собственность как правило были национализированы.

После ратификации договора Эстония и Украина взаимно освободили эстонских и украинских граждан, оптировавших подданство другой стороны, от наказаний по всем политическим и дисциплинарным делам, причем освобожденные должны были немедленно покинуть страну, в которой они находились. Если же приговоры по этим делам еще не были вынесены, производство по ним прекращалось. Как и в РСФСР, амнистия распространялась лишь на преступления, совершенные до подписания договора. Уголовные преступники, пребывание которых на свободе представляло угрозу общественному порядку, передавались противной стороне вместе с делопроизводством.

Правом оптации эстонского гражданства пользозовались также лица, эвакуированные во время мировой войны из Эстонии на Украину, и участники мировой войны, призванные или мобилизованные из местностей, входящих в состав Эстонии. Эти лица возвращались на родину в первую очередь. Оптанты должны были покинуть Украину в течение года[39].

В советско-латвийских отношениях договор о резвакуации беженцев предшествовал заключению мирного договора и был подписан 12 июня 1920 года. Под беженцами подразумевались лица, "ранее проживавшие на территории одной из договаривающихся сторон и ныне находящиеся на территории другой стороны, оставившие во время мировой войны 1914–1917 гг. или во время Гражданской войны занятые или угрожаемые неприятелем районы, либо выселенные распоряжением военных или гражданских властей из района военных действий". Беженцами считались, кроме того, "все пленные мировой войны, ранее проживавшие на территории одной из договаривающихся сторон и... находящиеся на территории другой"[40].

По договору беженцы, желающие вернуться на родину, подлежали возвращению "по возможности в непродолжительный срок". Отправку беженцев в передаточные пункты предполагалось производить эшелонами или отдельными вагонами. РСФСР обязалась доставлять к границе не менее 2000 человек еженедельно, причем планировалось эвакуировать в первую очередь беженцев, семьи которых находились на территории другой стороны, или же тех, кто оказался в районах, неблагоприятных "в продовольственном, жилищном и прочих бытовых отношениях".

Подписанный вскоре после этого, 11 августа 1920 г., и ратифицированный через месяц русско-латвийский мирный договор[41] предусматривал скорейший обмен военнопленными и право оптации иностранного гражданства на условиях, схожих с условиями русско-эстонского договора. Так, под военнопленными подразумевались лица, взятые в плен и не служащие в войсках государства, пленившего их. Они отпускались на родину, если не желали с согласия правительства страны, в которой находились, остаться в стране пленения или выехать в какое-нибудь третье государство. Предусматривалось создание смешанной комиссии, которая должна была установить сроки и процедуру обмена. На одинаковых с установленными для военнопленных условиями должны были производиться по требованию противоположной стороны выдачи интернированных гражданских и военных лиц, а также заложников.

Латвийскими гражданами по договору признавались жившие в РСФСР лица, "кои сами или их родители были до 1 августа 1914 г. приписаны к городским, сельским или сословным обществам на территории, составляющей ныне Латвийское государство". Устанавливались

стандартные уже сроки оптации и правила для семьи оптанта. Наконец, объявлялась амнистия.

Украинско-латвийский договор был подписан в Москве через год, в августе 1921 года[42]. Он во многом повторял русско-латвийское соглашение, но подробнее трактовал положения об оптации. Доказательством права на оптацию могли быть не только документы. Украинцы и латыши могли оптировать гражданство и по национальным признакам. Как и в украинско-эстонском договоре, владельцы ненационализированных предприятий получали право руководить ими, эвакуировать или продать их. Правительство УССР обязалось произвести расчет с правительством Латвии за реквизиции, произведенные у латвийских граждан органами советской власти. Объявлялась амнистия гражданам противного государства или оптантам, причем амнистированные должны были немедленно покинуть пределы страны, в которой они находились.

Однако, несмотря на то, что договор был ратифицирован и ВУЦИКом, и Латвийским Учредительным собранием (в январе 1922 г.), обмена ратификационными грамотами не последовало. И в июле 1922 г. ВУЦИК объявил договор недействительным[43]. Только 16 марта 1923 г. последовал обмен ратификационными грамотами[44]. И в тот же день договор вступил в силу[45].

Согласно заключенной одновременно с договором конвенции на родину могли вернуться и проживавшие на Украине латвийские беженцы[46]. Принадлежность беженца к латвийскому гражданству устанавливалась документально. Беженцы, призванные на военную службу, равно как и их семьи, также имели право вернуться на родину. Демобилизация таких военнослужащих производилась в течение трех месяцев со

дня подачи заявления. Латвийские беженцы, желавшие вернуться на родину, должны были в течение шести месяцев заявить в губернские органы, ведавшие делами по эвакуации населения, об отправке их на родину; и если их признавали беженцами, то заносили в список, отсылаемый для проверки в латвийское консульство. Отправка латвийских беженцев к пограничным пунктам производилась эшелонами или отдельными вагонами, а доставка их к пунктам посадки — группами или одиночным порядком. Украина обязалась отправлять в Латвию не менее 1200 человек в неделю. Латвийские беженцы, возвращавшиеся на родину не по железным дорогам, следовали за свой счет к установленным контрольно-пропускным пунктам. Отправка беженцев из портовых городов производилась на судах. Вне очереди отправлялись беженцы, семьи которых находились на территории Латвии. Остальные отправлялись в Латвию в порядке регистрации. Расходы по перевозке беженцев украинское правительство брало на себя[47].

Вопрос о резвакуации литовских беженцев и солдат впервые был поднят в декабре 1917 года[48]. Однако первый договор с независимой Литвой — договор о резвакуации беженцев — был подписан в Москве 30 июня 1920 г.[49]. Он распространялся и на военнопленных мировой войны. Еженедельное число отправляемых в Литву пленных и беженцев должно было быть определено особым соглашением. Беженцы и пленные, находившиеся на территориях, занятых в тот момент Польшей (шла советско-польская война), подлежали возвращению в Литву после присоединения занятых территорий к РСФСР. В остальном договор повторял русско-латвийский договор о резвакуации беженцев.

Подписанный чуть позже русско-литовский мирный договор[50] предусматривал еще и оптации, порядок ко-

торых был уточнен специальным соглашением, подписанным в июне 1921 года[51]. К русско-литовскому договору, заключенному год назад, соглашение вносило ряд дополнений. Истекающий 14 октября 1921 г. срок подачи заявлений об оптациях продлялся[52]. Заявления об оптациях подавались одновременно в консульство Литвы и в губернские отделы управления по месту жительства. К заявлению и документам прилагались две копии подробной анкеты, включавшей все местожительства оптанта, начиная с 1904 года. Эти материалы пересылались затем в НКВД. В случае отсутствия документальных подтверждений права на оптацию дело рассматривалось в наркомате по делам национальностей. Стороны договорились раз в три месяца производить обмен информацией о поступивших заявлениях, количестве разрешений и отказов. Решения по делам о заявлениях выносились литовским правительством в двухмесячный срок. Документы пересылались затем в НКИД. В случае своего несогласия разрешить выезд НКИД должен был в течение месяца сообщить об этом в литовское представительство. Пересмотр отказов в смешанной комиссии не предусматривался. В случае, если вопрос решался положительно, оптант получал от советского правительства документ, подтверждающий выход его из советского гражданства. Литва не могла отказать в гражданстве, а РСФСР – в выходе из него лицу, удовлетворяющему всем требованиям, предъявляемым к оптанту[53].

Первое соглашение с Польшей было подписано Россией и Украиной 12 октября 1920 г.[54] Оно определяло восточную границу Польши и предусматривало включение в мирный договор (который предстояло подписать вскоре) пунктов об оптациях гражданства, обме-

не военнопленными, освобождении заложников, гражданских пленных и интернированных, а также "организации возвращения беженцев и эмигрантов". Обе стороны согласились включить в мирный договор и пункт об амнистии: Польша – для русских и украинских граждан; Россия и Украина – для польских. Эти предварительные соглашения были уточнены договором о репатриации, подписанным Россией, Украиной и Польшей 24 февраля 1921 года. По договору стороны обязались приступить "к возможно скорейшей репатриации всех находящихся в пределах их территорий заложников, гражданских пленных, интернированных, военнопленных, беженцев и эмигрантов". Под гражданскими пленными и интернированными понимались "все находящиеся на территории одной из договаривающихся сторон граждане другой стороны, содержащиеся или содержавшиеся в заключении, под арестом или под административным надзором", а также лица, подвергшиеся "репрессиям за политические или государственные преступления, или преступления в пользу другой стороны", а также заложники. Военнопленными считались "комбатанты договаривающихся сторон, взятые в плен армиями другой стороны на российско-украинско-польском фронте... а также лица, входившие в состав польских отдельных войсковых частей и отрядов, взятые в плен российско-украинскими армиями и на других фронтах и разоружённые и интернированные российскими и украинскими властями".

Беженцами считались "лица, до 1 августа 1914 года проживавшие на территории одной из договаривающихся сторон и находящиеся на территории другой стороны, оставившие во время мировой войны 1914–1918 годов, или российско-украинско-польской

войны, или Гражданской войны, занятые или угрожаемые неприятелем районы, либо выселенные распоряжением военных или гражданских властей". К беженцам приравнивались и бывшие военнопленные или бывшие военнослужащие, фактически находящиеся на территории другой стороны, но не взятые в плен регулярной армией. (Беженцами не считались лица, проживавшие на территории Польши до революции исключительно в связи с занимаемой ими должностью.) Наконец, эмигрантами считались "граждане одной из договаривающихся сторон, до 1 августа 1915 года эмигрировавшие на территорию другой стороны в силу преследований за свои политические убеждения, национальную или религиозную принадлежность"[55].

Репатриация проводилась исключительно в добровольном порядке, и ни прямое, ни косвенное принуждение, согласно договору, не могло быть оказано. Издержки по содержанию пленных, поскольку эти издержки не были погашены работой пленных на государственных или частных предприятиях, подлежали возмещению. Стороны договорились, кроме того, в возможно короткий срок обменяться списками пленных, интернированных, беженцев и заложников[56]. Каждая сторона сохраняла за собой право не наложить визу на отдельные имена в списке и этим не дать просителю визу на въезд в страну. Такие случаи доводились до сведения смешанной комиссии, и имена отказников могли быть включены в список вторично. Репатриации в первую очередь подлежали нетрудоспособные, а также те, чьи семьи находились на территории другой стороны. С соблюдением этого условия репатриация начиналась из районов, наиболее неблагоприятных для репатриантов в бытовом отношении.

Гражданских пленных, интернированных и заложни-

ков предполагалось возвращать в числе первых транспортов. Отправка транспортов с военнопленными должна была начаться не позднее десятидневного срока со дня подписания соглашения. А отправка прочих категорий – не позднее двухнедельного срока со дня создания смешанных комиссий. Стороны обязались доставлять в передаточные пункты не менее 4000 человек еженедельно, причем из этого числа не менее полутора тысяч должно было приходиться на военнопленных. Обмен военнопленными производился по принципу "всех за всех". И в случае исчерпания всех прочих категорий репатриантов указанные 4000 человек должны были составлять только военнопленные. Указанные в прелиминарных условиях соглашения об амнистии оставались в силе.

Кроме этого Россия и Украина, с одной стороны, и Польша, с другой, согласились произвести персональный обмен лиц, в которых стороны были особенно заинтересованы и которые желали эмигрировать. Эти лица отправлялись за границу вне очереди и независимо от того, чьими гражданами они являлись. Обмен производился по спискам и со взаимного согласия сторон. Организация индивидуального возвращения возлагалась на смешанные комиссии. Наконец, согласно мирному договору, подписанному Польшей с Россией и Украиной 18 марта 1921 г., договаривающиеся стороны приступили к рассмотрению заявлений об оптациях[57]. Кроме привычных категорий лиц, имевших право оптировать польское гражданство, польскими подданными, по договору, считались также лица, сумевшие доказать, что они являются потомками участников польского национального движения периода 1830–65 гг., либо потомками, не далее третьего поколения, жителей бывшей Речи Посполитой. При этом, однако, было не-

обходимо засвидетельствовать свою приверженность к польской нации знанием польского языка и культуры.

Заявления об оптации должны были быть поданы в течение года со дня ратификации договора. Для Кавказа и азиатской части России устанавливался срок в 15 месяцев. В ряде случаев правительство могло потребовать от оптанта выезда в течение шести месяцев (а не года) со дня получения документов об оптации.

Обе договаривающиеся стороны обязались чтить и соответственно содержать могилы военнопленных, умерших в плену, погибших солдат и офицеров, могилы заложников, гражданских пленных, интернированных, беженцев и эмигрантов. Стороны должны были также обменяться сведениями о количестве таких могил и их местонахождении.

В 1923–24 годах право оптаций советскими подданными польского гражданства было распространено и на Закавказье, по договоренности, достигнутой между НКИД и польской дипломатической миссией в Москве. Для подачи документов определен был двухмесячный срок – с 1 апреля по 1 июня 1924 года. Срок этот, безусловно, был крайне недостаточен. Кроме того, вопреки ранее опубликованным декретам[58], отделы управления местных исполкомов отказывались принимать заявления и документы у желающих оптировать польское гражданство. Впрочем, если документы и принимались, им попросту не давали хода. Наконец, проживающие в Закавказье польские оптанты даже не были осведомлены о том, что копии своих заявлений об оптации польского гражданства и подлинники своих документов они должны были пересылать в польское консульство. В результате, польское правительство не было информировано о том, что оптанты подают заявления в местные исполкомы.

По этим причинам принятый 17 апреля 1924 г. закон "О порядке производства на местах действий по оптации польского гражданства"[59] предписывал местным органам советской власти принимать заявления польских оптантов, не вдаваясь в обсуждение того, достаточны ли или нет для признания заявителя гражданином Польши представленные им документы. Принятые заявления, копии документов и фотографии пересылались местными органами представителю НКИД СССР в трехдневный срок. Принятые ранее и не отосланные еще заявления отсылались в НКИД немедленно. Наконец, местные власти обязаны были известить оптанта о необходимости послать копии заявления об оптации и оригиналы документов в польский консулат в Тифлисе (Тбилиси), причем доказательством прав на оптацию польского гражданства мог быть паспорт, выданный бывшей польской миссией на Кавказе еще до установления советской власти.

В 1920 году были урегулированы и советско-финские отношения[60]. Согласно русско-финскому мирному договору, подписанному 14 октября 1920 г., между двумя странами устанавливались мирные отношения[61], сопровождающиеся взаимными амнистиями и разрешением оптировать гражданство другой стороны. Так, граждане обеих сторон, арестованные вследствие состояния войны или по политическим причинам, немедленно освобождались и должны были быть возвращены на родину при первой возможности. Освобождались все арестованные, совершившие политические преступления в пользу другой стороны, в том числе и с целью осуществления права национального самоопределения. Право преследования в отношении еще не осужденных или эмигрировавших политических преступников, совершивших преступления в пользу другой

стороны, отпадало. Амнистия распространялась и на политических преступников, эмигрировавших на территорию другой стороны. Финским гражданам, находящимся в России, если они не были арестованы "за тяжкое преступление", разрешалось вернуться на родину немедленно.

По договору финскими гражданами становились жители Печенгской области, отошедшей к Финляндии, если они в течение года со дня подписания договора не оптировали российское подданство. А жители Репольской и Поросозерской волостей, отошедших к РСФСР, получали право в течение года со дня вступления в силу договора свободно выехать из советской России[62]. Предусматривался также скорейший обмен военнопленными, о чем предстояло заключить особое соглашение. Правда, оно так и не было заключено. Но в августе 1922 года был подписан договор "Об эвакуации на родину граждан обоих государств"[63]. Договор еще раз подтверждал права на оптацию финского гражданства для тех, кто до объявления независимости Финляндией признавались, согласно законам бывшего Великого Княжества Финляндского, финскими гражданами и не вышли из финского гражданства. Финское подданство доказывалось документально. Для подачи заявления о желании воспользоваться правом на эвакуацию устанавливался шестимесячный срок, а для проживавших в азиатской части России — девятимесячный. Финские граждане отправлялись на родину эшелонами, не более 500 человек в каждом. Допускалась и эвакуация отдельных лиц.

Пункты советско-финского мирного договора, касающиеся амнистии, оставались в силе, но были теперь распространены и на уголовные преступления, не относящиеся к разряду тяжких. Под политическими пре-

ступлениями, "не служащими препятствием к эвакуации, подразумевались также общеуголовные преступления, которые были совершены в качестве средства для осуществления политического деликта". Политическими, однако, не считались преступления, относительно которых не было сомнения в том, что "политический мотив в действительности" не имел "иного значения кроме как средства для прикрытия чисто уголовной цели и природы преступления".

Договор об эвакуации на родину граждан обоих государств указывал также на необходимость окончания начавшейся уже эвакуации пленных. Особо оговаривалась в договоре недопустимость насильственных репатриаций. Финская сторона, однако, заявила, что она не будет рассматривать международное право высылки из страны нежелательных иностранцев как противоречащее статье о недопустимости насильственной эвакуации.

Репатриация на родину венгров проходила куда менее гладко. В мае 1920 года РСФСР и УССР подписали с Венгрией договор о военнопленных[64]. Венгрия обязывалась не препятствовать возвращению всех военнопленных и интернированных, выходцев с территорий бывшей Российской Империи, если они пожелают вернуться обратно. Задержанию, однако подлежали лица, находящиеся под следствием или отбывающие наказания за совершенные преступления. Эти категории могли вернуться на родину по отбытии наказания. Советское правительство, со своей стороны, обязалось освободить и отпустить на родину всех военнопленных и интернированных гражданских лиц, родившихся в Венгрии или проживавших там. До открытия новых транспортных путей венгерских пленных должны были доставлять на эстонскую и финскую границу[65].

Договор этот, однако, не предусматривал возвращения Венгрией пленных венгерских наркомов и двух дивизий солдат Красной армии, интернированных королевским правительством Венгрии после подавления коммунистического мятежа. Бывшим советским наркомам в Венгрии, во главе с Бела Куном, вот-вот должны были вынести смертный приговор. И тогда советское правительство объявило ряд находившихся в советском плену военнопленных-венгров — заложниками. Оправдывая эти действия, советский нарком иностранных дел Чичерин писал в телеграмме, посланной 30 декабря 1920 г. министру иностранных дел Венгрии:

"Российское правительство вынуждено было прибегнуть к единственно возможному средству для спасения жертв, оказавшихся в руках венгерской власти — системе заложников. Именно нынешнее правительство Венгрии, которое угрожает судебным убийством членов союзного советскому венгерского правительства и находящихся еще в Венгрии русских военнопленных, является истинным виновником репрессалий, к которым оно нас вынуждает и которые с нашей стороны являются лишь законными мерами самозащиты в виду лежащего на нас долга спасти те из его жертв, в защиту которых мы в течение этого года выступали в целом ряде радиотелеграфных заявлений"[66].

Не желая рисковать жизнью венгров-заложников в советской России, правительство Венгрии пошло на переговоры[67], в результате которых в июле 1921 года в Риге было подписано советско-венгерское соглашение об обмене военнопленными и гражданскими интернированными. В дополнение ко всем военнопленным, выходцам из России или Украины, Венгрия соглашалась депортировать в РСФСР 400 человек, указанных в приложенном к договору именном списке, составленном

советским правительством. В этот список были, разумеется, включены все наркомы венгерской советской республики. Советское правительство, однако, отказывалось от подобных требований в будущем. Кроме того, предоставив подробные сведения о каждом из 400 человек именного списка, советское правительство отказывалось от замены неразысканных другими лицами. В Венгрию должно было отправиться "нейтральное лицо", которое имело бы возможность свободно контактировать со всеми 400 кандидатами на выезд для выяснения их желания. В случае отказа кого-либо из этих 400 человек эмигрировать из Венгрии исполнение судебного приговора над остающимися не отменялось. Советское правительство, со своей стороны, освобождало всех военных и гражданских пленных, в том числе заложников. Особо было оговорено освобождение содержавшегося в Москве капитана Карла Маршалла. Обмен репатриантами и высылаемыми производился по необычной системе. Нижние чины армии и венгерские "пролетарии" обменивались на "русских нижних чинов и буржуазных военнопленных". Военнопленные офицеры и "буржуазия", включая капитана Маршалла, обменивались на 400 человек, указанных в советском списке. Обмен этой группы производился через третье государство. Отправляемые в РСФСР венгерские наркомы распределялись таким образом, чтобы последний из них передавался вместе с последней обменной группой. Обмен предлагалось закончить к концу 1921 года[68].

Советские военнопленные находились в это время не только в Венгрии, но и в Германии. Большая часть русских пленных в Германии была пленена еще до большевистского переворота. Но были у немцев уже и советские пленные. Во-первых, они брались в плен

немцами во время германского наступления, предшествовавшего заключению Брестского мира. Во-вторых, во время мелких стычек, имевших место до разрыва мира 13 ноября. Наконец, в Германию, как и в Венгрию, были посланы войска Красной армии, где, как и в Венгрии, они были разбиты и интернированы. Теперь же через цепь советско-германских договоров советское правительство пыталось получить всех своих пленных назад, разрешая, со своей стороны, возвратиться на родину германским военнопленным Первой мировой войны, интернированным гражданским лицам, беженцам, заложникам и оптантам.

Первый договор "Об отправлении на родину военнопленных и интернированных гражданских лиц той и другой стороны" был подписан советской Россией и Германией 19 апреля 1920 года. Стороны согласились с тем, что "военнопленные и интернированные гражданские лица той и другой стороны должны быть возвращены на родину, поскольку они сами того пожелают. Отправление на родину должно" было "начаться немедленно и проводиться с наибольшей быстротой". Германия и РСФСР обязались "предпринять это отправление в спешном порядке, всеми доступными средствами и предоставить для этого все необходимые перевозочные средства". Обмен производился по принципу "транспорт на транспорт"[69]. Вплоть до возвращения военнопленным и интернированным предоставлялось достаточное содержание и возможность соответствующего заработка.

Русскими военнопленными "по смыслу настоящего соглашения" считались "все русские или бывшие российские подданные, которые попали во власть германцев, сражаясь за бывшее Российское государство или за Российскую советскую республику", а герман-

скими военнопленными – "все германцы или бывшие германские подданные, которые попали во власть русских, сражаясь за германское государство или в борьбе против Российской советской республики". Заложники той и другой стороны также считались военнопленными и подлежали возвращению на родину. По всем преступлениям, кроме общеуголовных, "в частности по обвинению в шпионаже", гражданам противной стороны объявлялась амнистия. Но кроме того "полное освобождение от наказания" предоставлялось и тем, кто "боролся против государственного устройства своего отечества политическими действиями или с оружием в руках". Речь, безусловно, прежде всего шла об амнистии германским правительством немецких коммунистов, арестованных за подрывную деятельность против германского государства.

Согласно дополнительному соглашению, подписанному 23 апреля, обмен военнопленными начинался 11 мая 1920 года через Эстонию, в городе Нарва[70]. Поскольку русских пленных в Германии было больше, чем германских пленных в России, советское правительство не могло доставлять "транспорт на транспорт", и правительство Германии согласилось принимать австровенгерских пленных в счет соглашения от 19 апреля 1920 года. Предполагалось, что в Нарве будет обмениваться один транспорт в два дня. Обмен производился при посредничестве международного Красного креста, следившего за численностью обмениваемых пленных[71].

В соответствии с дополнительным соглашением, подписанным 6 мая 1921 года[72], по требованию правительства одной из сторон гражданскими интернированными могли считаться и те, кто в начале войны жил на территории противной стороны или находился

там, пусть даже временно, до заключения Брест-Литовского мирного договора. Русскими воинскими чинами, интернированными в Германии, считались все лица, перешедшие германскую границу в составе Красной армии. РСФСР возмещала Германии расходы, понесенные ею в связи с интернированием русских военных и гражданских лиц. Был разрешен, кроме того, выезд в Германию бывшим немецким гражданам, утратившим германское подданство[73]. К 1922 году большинство германских военнопленных и интернированных покинуло пределы РСФСР, и советская сторона была освобождена от ранее взятого на себя обязательства доставлять "транспорт на траспорт". Русских же пленных в Германии оставалось все еще очень много, и Германия, как и прежде доставляла к передаточному пункту не менее 4000 репатриантов в неделю[74].

Аналогичные соглашения были заключены между РСФСР и Украиной, с одной стороны, и Австрией, с другой. Первым таким договором было подписанное 5 июля 1920 года в Копенгагене соглашение о возвращении на родину военнопленных и интернированных гражданских лиц обеих сторон. В дополнительном соглашении, подписанном в конце 1921 г., стороны обязались в самом спешном порядке произвести обмен еще неотправленных военнопленных и гражданских интернированных. Задержание их на основании судебных и следственных постановлений допускалось лишь по соглашению с другой стороной. Ни одно лицо не могло быть выдано против его воли, а о каждом случае задержания лиц, подлежащих возвращению, необходимо было сообщать противной стороне. Российское и украинское правительства обязались также не удалять насильственно из вагонов возвращающихся на родину репатриантов, "разве что к подобному мероприятию"

оказывались "веские основания". В каждом подобном случае советские власти обязались сообщать Австрии имена удаленных и причину их высадки[75].

Наконец, было заключено соглашение между Советской Россией и Италией. Правда, в нем речь шла не о военнопленных, а только о том, что все проживавшие в России итальянцы, в том числе и уроженцы "воссоединенных областей" (т. е. всех территорий, контролируемых к тому времени или в будущем советским правительством), могли беспрепятственно вернуться в Италию[76].

Страны "третьего мира" также вступали в договорные отношения с РСФСР, что нередко имело своим следствием миграцию населения. Так, в 1921 г. Советская Россия подписала союзные договоры с Афганистаном и Турцией. Согласно советско-афганскому договору советское правительство согласилось передать Афганистану принадлежавшие этой стране в прошлом столетии земли пограничных районов "с соблюдением принципа справедливости и свободного волеизъявления народов, их населяющих"[77]. Порядок волеизъявления и определение мнения большинства постоянного населения района должны были быть установлены особым соглашением.

По русско-турецкому договору ряд территорий, составлявших до 1918 года часть России, также был передан Турции. Жители этих территорий, однако, имели право беспрепятственно Турцию покинуть, если они того желали. То же самое, с другой стороны, относилось к территориям Батума, переданным Грузии. Россия обязалась также возвратить в Турцию в течение шести месяцев со дня подписания договора всех военных и гражданских пленных турецкого подданства[78]. Специальная конвенция об этом была подписана чуть

позже[79]. Репатриация производилась на строго добровольной основе. Пленные имели право на возвращение на родину своих семей, а также жен и детей, поскольку это касалось семей, образовавшихся во время пленения. Немедленно после подписания договора предполагалось освободить из заключения всех пленных, кроме осужденных за убийство или кражу[80].

Договоры были заключены и с дальневосточными соседями СССР – Китаем и Японией. Согласно советско-китайскому договору предполагалось провести проверку национальной границы СССР и Китая, что, безусловно, затрагивало и проблему миграции пограничного населения. СССР, кроме того, признал Внешнюю Монголию частью Китайской территории и согласился, в принципе, вывести из Внешней Монголии свои войска[81]. По советско-японской конвенции гражданам обоих государств предоставлялась свобода выезда и препребывания на территории другой стороны, право частной собственности, мореплавания, торговли и других мирных занятий[82]. Эти договоры, однако, не оказали существенного влияния на эмиграционные процессы, так как на практике затронули незначительное число граждан.

Многочисленные советские законодательства, относящиеся в той или иной степени к эмиграции, часто не различали беженцев "иностранных" и "советских". Есть, однако, основания считать, что кроме беженцев зарегистрированных, возвращаемых на основании двусторонних договоров, западную границу Украины в 1921–22 годах, вследствие спровоцированного большевиками голода в Поволжье, пересекли и многочисленные незарегистрированные беженцы как советские, так и "иностранные", т. е. имевшие формальное право выехать из советских республик. Это стихийное

движение беженцев к западной границе советской Украины, судя по всему, так и не было прекращено, пока само не иссякло.

Особенно большое число беженцев скопилось в ближайшем к Поволжью крупном железнодорожном узле — Харькове и в его окрестностях. Беженцы захватывали подвижные составы, ехали на запад группами и в одиночном порядке. Правительство прибегло в ответ к карательным мерам. Виновные в попустительстве к проезду беженцев привлекались к уголовной ответственности вплоть до предания суду революционного трибунала. К работе была подключена Всеукраинская ЧК, на которую и возлагалась ответственность за реалилизацию этого постановления[83].

В местах скопления беженцев, отправлять которых обратно было невозможно, Комиссия по делам пленных и беженцев вынуждена была срочно создавать "приемники", усиливая при этом санитарную обработку беженцев и отбор больных перед отправкой беженцев на родину[84]. Но положение не улучшилось и к 1922 году. Вокруг железнодорожных узлов Южного округа путей сообщения, в том числе Харьковского, в первой половине года скопилось большое количество беженцев и переселенцев. Для разгрузки дорог правительство открывало новые и новые приемники, где людей кормили по нормам "питания для голодающих". Во время пребывания беженцев в приемниках органы украинского Главного эвакуационного комитета (УЭК) формировали их в партии и направляли "по назначению, согласно общих правил перевозок". Для обеспечения беженцев продовольствием УЭК предоставлялось право "заготовлять продовольствие на вольном рынке". А комиссариат путей сообщения в целях разгрузки железнодорожных узлов организовывал товарно-транзитные

поезда, т. е. товарные поезда, к которым прикреплялись несколько теплушек для вывоза скопившихся масс людей. Предполагалось также открытие ночлежных домов для беженцев и ежедневное закрытие на несколько часов вокзалов "для производства очистки и дезинфекции"[85].

В соответствии с двусторонними соглашениями советское правительство всегда разрешало эмиграцию семей оптантов и других репатриантов. Этот аспект международной политики все еще основывался на международной традиции. Никаких препятствий бракам между иностранцами и советскими гражданами, будь то в пределах советских республик или за границей, государство вообще не чинило. Чисто юридически в разных республиках действовали свои законы. Так, кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, введенный в действие на территории РСФСР в октябре 1918 г., возможность заключения брака с иностранцем не предусматривал вообще[86], хотя такие браки, безусловно, бывали. И советская Украина постановлением 1922 года официально признала все браки, заключенные между украинскими и иностранными гражданами как в пределах Украины, так и за границей, действительными[87]. Пример Украины подействовал: в новом кодексе, введенном в действие в 1923 г., возможность браков между гражданами РСФСР и иностранцами уже предусматривалась. В этом случае могло последовать изменение гражданства мужа или жены[88]. Особо было оговорено, что браки между германскими и советскими гражданами признавались советским правительством только в том случае, если заключались в ЗАГСах или советских консульствах за границей[89].

Договоры о репатриациях и оптациях всегда следовали в цепи более важных для СССР политических, военных или экономических соглашений и редко заключались изолированно – лишь тогда, когда являлись первым шагом к более серьезному договору. Советское правительство, например, добивалось прежде всего своего фактического и юридического признания. Именно так, в обмен на выездные визы для немецких граждан, утративших подданство, советское правительство получило юридическое признание от Германии[90]. Обязательным требованием советской строны при подписании договоров о репатриации была депортация антисоветских групп и организаций с территории договаривающегося государства. Так, согласно русско-эстонскому мирному договору, Эстония обязалась воспретить пребывание на своей территории антисоветских войск. Об этих "неправительственных войсках" Эстония обязана была предоставить РСФСР все данные[91]. Сухопутные и морские части, не бывшие в подчинении правительства Эстонии, должны были быть разоружены до 1 октября 1920 г. При этом из числа неправительственных войск в качестве добровольцев в эстонскую армию могли вступить только солдаты и офицеры эстонской национальности, если они проживали в Эстонии до 1 мая 1919 г. или служили в правительственных войсках Эстонии до 22 ноября 1919 г. и не оптировали советское гражданство. Запрещалось пребывание на эстонской территории организаций и групп, претендующих на роль правительства России или ведущих против советского правительства борьбу. И даже "представители и должностные лица" этих организаций должны были покинуть Эстонию. То же самое предусматривал и договор, подписанный РСФСР с Латвией, по которому стороны обязывались воспретить

пребывание на своей территории неправительственных войск, равно как и вербовку и мобилизацию личного состава в ряды армий, групп и организаций, ставящих своей целью вооруженную борьбу с правительством договаривающейся стороны[92]. Аналогичные условия содержали и соглашения, подписанные с Литвой и Польшей[93].

Наиболее откровенно односторонний характер зтих актов, направленных на уничтожение антисоветской оппозиции, находящейся за пределами РСФСР, был сформулирован в советско-китайском договоре, где в обмен на советско-китайское соглашение о КВЖД[94] Китай согласился "в видах интересов мирных отношений" между двумя странами "прекратить службу тех бывших подданных Российской Империи", служащих в китайской армии и полиции, "которые персонально и по своим действиям" представляли угрозу для правительства СССР. Список таких лиц должен был быть предоставлен Советским Союзом[95].

Таким образом, в то время как советское правительство через Коминтерн не прекращало заниматься подрывной коммунистической деятельностью во всех приграничных и отдаленных странах и даже сохраняло, вопреки духу советско-латвийского договора, Латышскую стрелковую дивизию[96], договаривающиеся с советским правительством государства обещали не вмешиваться во внутренние советские дела[97] и запрещали на своих территориях деятельность антисоветских организаций.

Советское правительство выигрывало даже от обмена пленных. Необходимые Красной армии русские военнопленные, которые, как боялось советское правительство, могли быть использованы антисоветскими заграничными организациями, обменивались на плен-

ных и беженцев мировой войны, ставших непосильным бременем для слабой советской экономики. Их задержка в советской России стала еще менее целесообразной после введения НЭПа, когда мировая революция перестала казаться вопросом нескольких месяцев и идею вооружения военнопленных и отправки их на родину в составе наступающей Красной армии пришлось забыть. С другой стороны, подвергнутые идеологической обработке в советских республиках, пленные, вернувшиеся на свою родину, нередко несли в себе бациллы будущих коммунистических брожений.

Для вызволения из тюрем большевистских агентов и иностранных коммунистов советское правительство пошло на объявление амнистии иностранным гражданам и оптантам, находившимся в пределах советских республик, при условии, что в договаривавшихся с РСФСР и УССР государствах из тюрем освобождались лица, совершившие политические преступления в пользу противной стороны, и им разрешалось выехать в советскую Россию. В связи с этим в 1921 г. были созданы комиссии "по проведению амнистий согласно международным договорам"[98]. Комиссии эти просуществовали недолго и были распущены в 1923 г., когда закончились основные оптационные процессы[99]. В некоторых случаях амнистии распространялись и на советских граждан, совершивших преступления "в пользу противной стороны", но как правило, такие амнистии содержали серьезные оговорки. Так, в соответствии с русско-латвийским договором, РСФСР и Латвия согласились взаимно освободить всех лиц, арестованных за преступления, совершенные в пользу другой стороны. Советское правительство, однако, отказалось амнистировать российских граждан и оптан-

тов, участвовавших в заговоре 16 апреля 1919 г. и в Бермондтовском нападении[100].

Поздно вставшая на социалистический путь Закавказская Федерация приняла законы об оптациях лишь в 1923 году. Используя их, многие граждане Закавказья, желавшие причислить себя к подданным *не* советских государств, образовавшихся на территориях бывшей Российской Империи, и таким образом эмигрировать за рубеж, получили заграничные паспорта через посольства иностранных государств в Закавказье. В ответ на это советское правительство издало особый указ, уточнявший права на оптацию, и объявило о регистрации иностранцев. Одновременно правительство аннулировало иностранные паспорта, выданные в Закавказье бывшим советским гражданам. А при выезде из СССР граждане территорий бывшей Российской Империи, перешедшие в иностранное подданство после революции 1917 года, предъявляли вместе с паспортом еще и документы, удостоверявшие, что выход из советского гражданства произведен с разрешения властей[101]. Таким образом, как и везде, в Закавказье советское правительство ставило своей целью полный контроль над эмиграцией из республик. Но общая нестабильность режима не способствовала реализации этого плана. И нелегальная эмиграция всегда оставалась практической альтернативой.

Желание советского правительства оторвать СССР от остального мира привело к созданию теории "капиталистического окружения", предусматривавшей тщательную проверку всех лиц, выезжающих за границу. Число таких лиц постоянно уменьшалось, а круг учреждений, выдававших заграничные паспорта, начиная с 1919 года, постепенно сужался, чем достигалась все большая централизация дела выезда. Так, если раньше

заграничные паспорта выдавались иностранным подотделом отдела управления НКВД, отделами управления губернских советов и некоторыми другими учреждениями, то с апреля 1919 года право выдачи заграничных паспортов принадлежало только НКИД. Вместе с тем, соображения "безопасности" диктовали советскому правительству необходимость выдавать заграничные паспорта только тем советским гражданам, "против выезда которых за границу не встречается возражений со стороны народного комиссариата внутренних дел и народного комиссариата по военным делам"[102]. А с 1920 года заграничные паспорта визировались еще и Особым отделом (ОСО) ВЧК. Правда, закон этот действовал только "при обстоятельствах исключительного времени"[103]. Но следов его отмены найти не удается.

На Украине для получения заграничного паспорта требовалось большое количество справок и документов, в том числе и разрешение на выезд со стороны губернской ЧК. Украина, кроме того, стала первой советской республикой, введшей институт поручителей-заложников: два человека заверяли нотариально свои подписи под анкетой заявителя, в которой, в частности, указывались причины и сроки поездки за границу. Удостоверение ГПУ не требовалось только для членов ВЦИК, наркомов и их заместителей, членов коллегий наркоматов и членов президиумов губисполкомов[104].

Тенденция усложнения и без того не легкой процедуры получения заграничного паспорта не ослабла с окончанием Гражданской войны. Именно в период НЭПа, с 1 июня 1922 г., советское правительство в отмену всех изданных ранее постановлений о выезде из РСФСР советских граждан и иностранцев ввело новые правила.

Выезд из советских республик допускался "не иначе, как по особому разрешению" НКИД, "выдаваемому... в виде визы, накладываемой на... заграничные паспорта". Лицо, "желающее выехать за границу", подавало "о том заявление в установленной форме" в НКИД "с приложением к нему удостоверения" ГПУ НКВД, "удостоверяющего об отсутствии законного препятствия к выезду". ГПУ, в свою очередь, выдавало указанные удостоверения лишь по предъявлению "заявления в установленной форме, вида на жительство, двух фотографических карточек, поручительства двух граждан РСФСР, не опороченных по суду и не состоящих под следствием, свидетельства об отношении к воинской повинности (для военнообязанных), удостоверения с места службы или места учета об отсутствии препятствий к выезду за границу (для лиц, состоящих на службе в советских учреждениях и общественных организациях, и для лиц, состоящих по своей специальности на особом учете)". Даже иностранцы, "состоящие на советской государственной службе, обязаны" были "представить удостоверение с места службы об отсутствии законного препятствия к выезду за границу"[105]. И так было введено понятие профессиональной секретности — "невыездных"[106].

Специалисты, однако, выпускались в командировки (потому ко всем вышеперечисленным документам должны были приложить еще и "копию командировочного документа"). Число таких командированных было незначительным. Так, с 1 октября 1921 по 1 октября 1922 года в научные командировки за границу выехало 19 человек[107], причем в дальнейшем бюрократические процедуры по оформлению разрешений на заграничные командировки не упрощались. Например, с 1924 года заграничные командировки, связанные с вопросами ор-

ганизации труда, производства и управления, можно было давать лишь с разрешения наркомата рабоче-крестьянской инспекции. Государственные учреждения, предприятия, кооперативы и профсоюзы по всем заграничным командировкам должны были представлять в РКИ отчеты. А об условиях предоставления длительных заграничных командировок по соглашению с заинтересованными ведомствами РКИ выработало специальную инструкцию[108].

Переход солдат и командиров Красной армии на сторону врагов советской власти волновал правительство с первых дней Гражданской войны. Для борьбы с дезертирством оно прибегало к карательным санкциям и системе заложников. С августа 1919 г. семьи красноармейцев (солдат или офицеров), перешедших на сторону белых, лишались всех видов пособий и земельного надела и обрекались, таким образом, на голодную смерть[109]. Войсковые части, штабы, учреждения и управления Красной армии должны были немедленно уведомлять о всех перебежчиках земельные отделы и отделы социального обеспечения, дабы лишения производились оперативно. В том же году советское правительство предоставило губернским комиссиям по борьбе с дезертирством права революционных трибуналов[110], которым передавались дезертиры, "учинившие побег к неприятелю"[111]. Тогда же комиссия по борьбе с дезертирством получила право без передачи дела судебным органам конфисковывать имущество или земельный надел перебежчиков[112], т. е. прибегать все к той же системе заложников — наказанию семьи бежавшего.

Суду революционных трибуналов и конфискациям подвергались не только перебежчики из Красной армии, но и лица, бежавшие из мест, в которых была уста-

новлена советская власть, а потому объявленные врагами трудящихся. Всё имущество таких лиц становилось собственностью советской республики. Заместители бежавших лиц, прислуга, дворники и соседи обязаны были доносить об оставшемся имуществе, ответственность за сохранность которого ложилась на домовладельцев, управляющих и дворников. За сохранность промышленных предприятий отвечали фабрично-заводские комитеты или доверенные приказчики. Виновные в нарушении этого постановления подлежали суду ревтрибунала[113].

Более всего законами о конфискациях были богаты 1920–21 годы, когда конфисковывалось "бесхозяйное имущество"[114], и "всё движимое имущество бежавших за пределы Республики или скрывающихся до настоящего времени граждан, в чем бы оно не заключалось и где бы не находилось"[115], и "имущество лиц, проживающих в местностях РСФСР, которые были временно заняты неприятельскими или контрреволюционными войсками и добровольно ушедших с противником при эвакуации ими означенных местностей"[116]. Конфискации по закону не подлежало "имущество оставшихся членов семьи ушедшего", а также "лиц, насильственно или принудительно эвакуированных из указанных... местностей по роду их профессий или службы в государственных и общественных учреждениях". Такие лица по возвращении на место постоянного жительства имели право возбуждать ходатайства о возвращении уже конфискованного имущества, причем даже в том случае, если конфискация состоялась до издания настоящего постановления.

В конце 1922 года из-за боязни эмиграции людей, способных носить оружие, и утечки секретной информации советское правительство запретило "временный

выезд за границу по личным делам... гражданам, не находящимся в армии, сверстники коих призваны на действительную военную службу, за исключением граждан, кои по болезни освобождены от состояния на учете военнообязанных", "гражданам призывного возраста (очередного призыва) в течение предшествующего очередному призыву шестимесячного срока", "командному и административному составу" Красной армии, "не уволенному в бессрочный отпуск", "а также всем бывшим Белым офицерам, состоящим на особом учете". В исключительных случаях выезд за границу "упомянутых категорий, равно как и военнослужащих, допускался "не иначе, как с разрешения революционного военного совета республики"[117]. Эти принципы были подтверждены и общесоюзным постановлением 1925 года, согласно которому выезд за границу военнослужащих, бывших военнослужащих или лиц призывного возраста допускался лишь с разрешения РВС фронтов, армий, округов и флотов, либо командующих округов (при отсутствии РВС). Ответственность за нарушение этого постановления определялась соответствующими статьями Уголовного кодекса[118].

Жесткая правительственная политика в отношении эмиграции иногда приводила к обратным результатам. Так, в 1923 году, желая вернуть всех русских военнопленных призывного возраста, находившихся за границей со времени мировой войны и не желавших возвращаться назад, советское правительство предписало всем военнопленным и интернированным русским гражданам за рубежом призывного возраста вернуться в РСФСР "не позднее предельных сроков, установленных" советским правительством "для регистрации военнопленных"[119], под угрозой наказания – от шести

месяцев лишения свободы с конфискацией части имущества до высшей меры[120]. Трудно поверить, чтобы на этих условиях в СССР предпочли вернуться многие из тех пленных. В то же время, следуя общей политике экономии государственных средств в годы НЭПа, советское правительство разрешило демобилизованным русским солдатам, пожилым и раненым, а потому нетрудоспособным и претендовавшим на материальную помощь от государства, остаться за границей[121].

По тем же причинам в мае 1923 г. лица, пострадавшие от "стихийных бедствий" – прежде всего от голода, и имевшие право на социальное обеспечение за счет государства, получили право с разрешения наркомата социального обеспечения подать заявление на выезд за границу к родственникам[122]. За границей же бывшие российские или советские граждане по закону 1923 года могли получить вид на жительство, который выдавался советским полпредством или заменявшим его учреждением[123].

В истории советской змиграционной политики насильственная высылка и лишение гражданства занимают отдельную яркую страницу. Действуя в различных направлениях, они приводили к одинаковым результатам. Лишение гражданства обычно применялось советским правительством в отношении граждан, находившихся за границей и нежелательных для въезда на территории советских республик. Еще не нашедшее свою формулировку, лишение гражданства было применено уже через месяц после большевистского переворота. С легкой руки наркома иностранных дел Троцкого советское правительство в ноябре 1917 года уволило со своих постов "без права на пенсию и поступления на какие-либо государственные должности" двадцать шесть русских дипломатов, находившихся за границей

и отказавшихся признать новое правительство[124]. В январе 1918 г. за отказ подчиниться приказу СНК советское правительство объявило вне закона главнокомандующего Румынским фронтом Щербачева[125]. Эти двадцать семь человек, не лишенные гражданства юридически, фактически потеряли его, так как в случае возвращения в советскую Россию подлежали суду революционного трибунала.

В связи с провозглашением НЭПа и необходимостью сосредоточения всего внимания на внутренней жизни страны советское правительство в октябре 1921 года лишило гражданства бывших русских подданных, проживавших за границей беспрерывно более пяти лет, т. е. с дореволюционного времени. Кроме того, гражданства лишались все те, кто проживал за границей без выданных советским правительством документов и не получил их до 1 марта 1922 года[126]. Гражданства лишались также люди, после 7 ноября 1917 года покинувшие советские территории без разрешения советского правительства; добровольно сражавшиеся против советской власти[127]; и те, кто имел право оптации, но не воспользовался им[128]. Аналогичные законы были приняты вскоре и другими советскими республиками, в частности Украиной[129] и Закавказьем[130]. А в 1924 году, постановлением ЦИК СССР от 29 октября, был принят закон о союзном гражданстве[131], подтвердивший, что лишенными советского подданства считаются все те, кто был лишен его на основании предыдущих законодательных актов союзных республик и кто оптировал иностранное гражданство на основании заключенных Советским Союзом международных договоров[132]. Закон 1924 года, однако, лишал гражданства и еще одну категорию советских граждан: выехавших за пределы СССР с разрешения советского правитель-

ства или без такового и отказавшихся вернуться на родину по требованию правительства[133], т. е. всех невозвращенцев и перебежчиков. Наконец, в 1925 году были лишены советского гражданства находившиеся за границей и не зарегистрировавшиеся в срок бывшие военнопленные и интернированные военнослужащие царской и Красной армий и амнистированные участники восстаний, военнослужащие Белых армий и члены контрреволюционных организаций[134].

Согласно закону 1924 года советские граждане могли быть лишены гражданства и по приговору суда. Этот пункт постановления задним числом законодательно оформлял лишение гражданства для тех, кто, будучи советским подданным, был выслан за пределы советских республик. Так, в 1922 году по инициативе Ленина правительство выслало за границу ряд политических и общественных деятелей России[135]. После первых опытов подобного рода высылку за границу "на срок или бессрочно" ввели в новый Уголовный кодекс РСФСР, вступивший в силу 1 июня 1922 года[136]. Высылка открывала главу УК РСФСР "Роды и виды наказаний и других мер социальной защиты" и давалась лишь за один вид преступлений: "Пропаганда или агитация в направлении помощи международной буржуазии... которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции, или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т. п. средствами"[137]. Самовольное возвращение высланного за границу в пределы РСФСР каралось расстрелом по ст. 71 УК РСФСР[138]. Однако в Уголовном кодексе речь шла о высылке по суду, в то время как с первых месяцев революции советское правительство применяло ад-

министративные высылки[139]. Декрет, официально вводивший "административные высылки", принят был 10 августа 1922 г.[140] "в целях изоляции лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям". Рассмотрение вопроса об административной высылке возлагалось на Особую комиссию при НКВД, работавшую под председательством наркома внутренних дел и с участием представителей НКВД и НКЮ, утвержденных Президиумом ВЦИК[141]. Такой же закон, причем на 4 дня раньше, 6 августа, принят был и на Украине[142].

Нужно сказать, что советское правительство довольно быстро осознало гуманность статьи о высылке врагов советской власти за границу и выход из этого неприятного положения нашло уже в начале следующего года. Принятая 3 января 1923 г. за подписью Дзержинского "Инструкция по применению постановления ВЦИК об административной высылке"[143], видимо, намеренно смешивала понятия о высылке за границу и внутренней ссылке. О высылке за границу упоминала лишь преамбула Инструкции[144] и пункт о расстреле за самовольное возвращение высланного из-за границы. Основной же текст документа, безусловно, имел в виду высылку советских граждан из одних районов РСФСР в другие[145].

Советское правительство, однако, не выпускало из поля зрения тех, кто когда-либо был советским гражданином, либо эмигрировал из России пусть и до большевистского переворота, но рассматривался советской властью как опасный деятель контрреволюции. В 1923 году, за подписью председателя СНК Каменева, Советы издали специальный приказ "о сосредоточении в Центральном архиве РСФСР находящихся в ведении учреждений и должностных лиц РСФСР архива отдельных деятелей контрреволюции, а также лиц, эмигриро-

ровавших за пределы Республики за время с 1917 года"[146]. Согласно закону все находившиеся "в ведении учреждений и должностных лиц РСФСР" архивы активных деятелей контрреволюции и эмигрантов подлежали "сосредоточению в политической секции единого государственного архивного фонда". Сдавать туда нужно было "официальные документы, проекты бумаг, мемуары, дневники, личную переписку, ученые труды и исследования в рукописном виде, прокламации, брошюры, листовки, записные книжки, заметки, фотографические снимки". Списки этих материалов необходимо было представить Управлению центрального архива в течение трех месяцев со дня публикации декрета.

Создание архива, вероятно, можно было бы считать вопросом академическим, если бы не предпринятая советским правительством на следующий год попытка добиться принципиального согласия иностранных государств на задержание и выдачу в СССР по требованию советской власти преступников, совершивших преступления на территории Советского Союза. Ноябрьский циркуляр 1924 года наркомата юстиции и Верховного суда СССР указывал, что "хотя до настоящего времени Союзом ССР ни с одним из иностранных государств не заключено конвенции о выдаче преступников, /.../ выдача всё же может иметь место и при отсутствии конвенции /.../ при наличии соглашения в каждом отдельном случае с правительством того государства, на территории которого находится подлежащее выдаче лицо". Губернские суды и военные трибуналы "при направлении в НКЮ сношений о задержании и выдаче того или иного лица, находящегося за границей", должны были указать "деяние, в котором обвиняется или за которое осуждено лицо, подлежащее задержанию и выдаче, с указанием статей Уголовного

кодекса", и приложить "копии постановления следственных властей о привлечении данного лица в качестве обвиняемого или приговора суда о заочном его осуждении". Ходатайства о выдаче могли "возбуждаться лишь в самых серьезных случаях, при обвинении в особо тяжких преступлениях и при бесспорности доказательств пребывания преступника именно на территории того или иного государства"[147].

По смыслу документа речь, наверное, шла прежде всего о выдаче уголовных преступников. Но поскольку в разряд особо тяжких преступлений попадали, согласно советским Уголовным кодексам, и преступления политические, принципиальное согласие тех или иных иностранных правительств выдавать в СССР преступников допускало и выдачу по требованию советских судов и трибуналов политических противников советской власти, например, по сфабрикованным в Советском Союзе обвинениям в уголовных преступлениях, в действительности не совершенных.

К 1928 году советское правительство уничтожило все причины, временно мешавшие закрыть эмиграцию из СССР. Прекращение военных действий и установление четких государственных границ предупредили будущие оптации. Международные договоры, заключенные Советским Союзом с другими государствами в начале 1920-х годов, разрешили проблемы массовых миграций, возникшие вследствие Первой мировой войны и распада Российской Империи. Законы, лишившие гражданства русских подданных, оставшихся за границей вопреки воле советского правительства, провели ясную грань между советскими и несоветскими гражданами. Образование СССР с его общереспубликанской государственной границей и учреждение строгой пограничной охраны способствовали прекращению массовой неле-

гальной эмиграции из СССР. С введением НЭПа и преодолением экономического кризиса правительство уже не было заинтересовано в эмиграции лиц, которых оно не могло прокормить[148]. Эти причины, наряду с основной – нежеланием советского правительства признать легальные права своих граждан на эмиграцию, привели к тому, что к 1928 году эмиграционные проблемы уже не требовали от советского правительства дальнейшего разрешения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Протоколы заседаний ВЦИК II созыва. Москва, 1918, стр. 91.

2. См. С.У. РСФСР, 1917–18, стр. 577. Декрет СНК "О порядке выхода из Российского гражданства проживающих в пределах Российской республики постоянных жителей местностей, отторгнутых от России в силу Брестского мирного договора", от 13 июля 1918 г., за подписью Ленина.

3. См. там же, ст. 653, постановление СНК об изменении статьи первой декрета СНК от 13 июля 1918 г., опубл. 16 августа 1918 г., за подписью Ленина. В сентябре декрет был продлен, "впредь до особого о том постановления", еще на один месяц (см. там же, 755, постановление СНК о продлении срока подачи ходатайства о выходе из Российского гражданства согласно закону от 13 июля 1918 г., подписано 21 сентября Лениным и Караханом, опубл. 25 сентября).

4. См. там же, ст. 824, постановление СНК от 22 октября 1918 г., за подписями Ленина и Карахана.

5. См. там же, ст. 643. Постановление НКВД за подписью Петровского от 10 августа 1918 г. "О дополнении к инструкции НКВД".

6. См. там же, ст. 601. Постановление НКВД о порядке разрешения дел о выходе из Российского гражданства. Инструкция. Опубл. 23 июля 1918 г., за подписью наркома внутренних дел Петровского.

7. Первая национальная конфронтация произошла у советского правительства именно с Украиной. 4 декабря 1917 года СНК признал правительство Украины Украинскую Раду, предъявив ей, одновременно, ультиматум, означавший фактическое объявление Украине войны (см. С.У. РСФСР, 1917–18, ст. 90). В ответ на это правительство Украины разоружило и выслало из РСФСР войска Красной армии, оставив себе в качестве трофеев в том числе триста пушек. Среди бесславно выдворенных в РСФСР были и украинские части Петроградского гарнизона. В связи с этим советское правительство приказом Крыленко прекратило "украинизацию" частей Красной армии. А украинские части, уже сформирован-

ные в РСФСР, должны были либо признать СНК и отправляться на фронт, либо разоружиться. Несогласные подлежали аресту (см. там же, ст. 114, приказ по армии от 16 декабря 1917 г., за подписью Крыленки, "О деятельности буржуазной кадетской Рады и о прекращении украинизации частей").

8. См. С.У. УССР, 1919, ст. 115. Декрет СНК "О правах и обязанностях иностранцев", от 13 февраля 1919 г., за подписью Раковского.

9. См. там же, часть 2, ст. 6. Постановление НКИД "О выходе из украинского гражданства", от 7 марта 1919 г., опубл. 6 мая 1919 г. в "Киевских известиях", за подписью Раковского.

10. См. там же, 1919, ст. 264. Постановление СНК УССР "О выходе из украинского гражданства". Временные правила, от 11 марта 1919 г., за подписью Раковского. Собственно, даты постановления указано не было. Как и во многих других случаях, датой постановления следует считать день публикации.

11. Последний закон на Украине, связанный с эмиграцией, был принят в 1922 году. Он во многом повторял закон 1919 года, с той лишь разницей, что теперь делопроизводство через НКВД передавалось в ВУЦИК. Постановлением 1922 года, кроме того, лишались гражданства некоторые категории украинских граждан (см. С.У. УССР, 1922, ст. 237, от 28 марта 1922, "Об иностранцах в УССР и порядке приобретения и утраты украинского гражданства").

12. См. С.У. РСФСР, 1917–18, ст. 1010. Постановление НКИД, за подписью Карахана, "О признании грузин российскими гражданами", опубл. в "Известиях ВЦИК", № 282, 24 декабря 1918 г.

13. См. там же, 1920, ст. 282. Договор между Россией и Грузией.

14. См. там же, 1921, ст. 36. Соглашение между РСФСР и Грузией "О порядке оптации грузинского гражданства", заключенное в Москве 9 декабря 1920 г. и вступившее в силу 23 декабря того же года.

15. См. там же, 1921, союзный договор между РСФСР и ХСНР, подписан в Москве 13 сентября 1920 г.; там же, ст. 595, союзный договор между РСФСР и Бухарской советской республикой, подписан в Москве 4 марта 1921 г. От имени РСФСР договоры подписали Чичерин и Карахан.

16. В русско-хорезмском договоре указывалось также, что конституция ХСНР предоставит политические права тем иностранцам, которые "доказали свою преданность хорезмской, российской и вообще мировой революции".

17. Договор между РСФСР и БСР обязывал кроме того обе стороны "не допускать на своей территории образования или пребывания правительств, организаций, групп или отдельных лиц, ставящих своей целью борьбу против какой-либо другой советской республики или свержения ее правительства, а также не допускать на своей территории мобилизацию или добровольную вербовку как своих граждан, так и граждан иных государств, в ряды армий, враждебных советским республикам"; и воспрещал провозить через территории РСФСР и БСР оружие, "предназначенное каким-либо организациям, борющимся прямо или косвенно против одной из советских республик".

18. См. С.У. РСФСР, 1923, ст. 2, декрет ВЦИК от 15 ноября 1922 г.; там же, ст. 3.

19. См. там же, 1917–18, ст. 451. Декрет СНК от 27 апреля 1918 г. На попечение ЦКПБ были переданы и иностранные заложники. См. так же С.У. РСФСР, 1917–18, ст. 553. "Дополнение к декрету об утверждении Центральной коллегии", от 21 июня 1918 г.

20. См. там же, 1919, ст. 430.

21. В ведение ЦКПБ поступали, кроме того, все без исключения российские граждане, возвращавшиеся из плена, здоровые – до момента выздоровления, больные – до передачи их органам социального обеспечения, беженцы же – до момента их резвакуации в Россию. НКВД и наркомату социального обеспечения декретом пред-

писывалось войти в тесный контакт с ЦКПБ (см. там же, 1917–18, ст. 553).

22. См. там же, 1919, ст. 279. Постановление СНК "Об изменении и дополнении Положения о Центральной коллегии по делам пленных и беженцев", от 24 мая 1919 г., за подписями Ленина и Бонч-Бруевича.

23. Там же, ст. 23, от 28 января 1919 г., декрет СНК, принятый в развитие и дополнение декрета от 27 апреля 1918 г. "Об учреждении Центральной коллегии о пленных и беженцах" (С.У.РСФСР, 1917–18, ст. 451) и от 27 июля 1918 г., "Об уравнении беженцев, остающихся в Российском гражданстве, в отношении подведомственности с остальными гражданами Российской Республики" (там же, ст. 623) и ряда других узаконений.

24. С.У.УССР, 1919, часть 2, ст. 103. Постановление СНК УССР "о мобилизации венгерских граждан", от 14 июня 1919 г., за подписями Раковского и Дзевалтовского.

25. См. А. М. Конев. Красная гвардия на защите Октября. Изд. Наука, Москва, 1978, приложение 2.

26. С.У. РСФСР, 1919, ст. 30. Приказ № 3 РВС РСФСР за подписью Склянского "Об увольнении из Красной армии военнопленных, желающих отправиться на родину", от 3 января 1919 г.

27. См. там же, 1917–18, ст. 577, от 13 июля 1918 г.; там же, ст. 623, постановление СНК за подписью Ленина, от 27 июля 1918 г., "Об уравнении беженцев, остающихся в российском гражданстве, в отношении подведомственности с остальными гражданами Российской Республики". Закон от 27 июля, в частности, оговаривал, что "постоянные жители местностей России, оккупированных воевавшими с нею государствами или отошедших от нее по Брестскому договору, вследствие военных действий поселившиеся на территории Российской Республики, известные под названием: "беженцы", не заявившие о выходе из российского гражданства согласно декрета от 13-го июля (Собр. Узак. 1918 г., № 50, ст. 577), приравниваются в отношении подведомственности к остальным гражданам Российской

республики". См. там же, С.У.РСФСР, 1919, ст. 23 "Об упорядочении дела реэвакуации беженцев и об удовлетворении их материальных и духовных нужд", от 28 января 1919 г., за подписями Ленина и В. Бонч-Бруевича.

28. См. С.У. УССР, 1919, ст. 135. Декрет СНК УССР, опубл. 20 февраля 1919 г., "Об образовании Главной украинской комиссии по делам пленных и беженцев и Положение о Комиссии". Украинская Комиссия, в свою очередь, через губернские и уездные исполкомы, образовала в ближайшие недели местные комиссарнаты по делам пленных и беженцев при соответствующих исполкомах. Ведению Комиссии и местных комиссарнатов подлежали и возвращавшиеся из плена русские — на тех же условиях, что и в РСФСР (см. там же, стр. 136, циркуляр Главной украинской комиссии по делам пленных и беженцев "Об организации местных органов по делам пленных и беженцев", опубл. 20 февраля 1919 г.).

29. Там же, ст. 296. Опубл. 14 марта 1919 г.

30. С другой стороны, Комиссия обещала принять все меры к тому, чтобы беженский паек продолжал поступать зарегистрированным нетрудоспособным и безработным беженцам на месте их пребывания (см. там же).

31. См. там же, ст. 315, декрет СНК УССР "Об уравнении беженцев в правах с гражданами УССР", опубл. 16 марта 1919 г. Особые правила о выезде беженцев за пределы УССР оставались в силе и подтверждались этим законом.

32. Так, семьи беженцев, имевшие до их реэвакуации нетрудоспособных членов, а также вернувшиеся на родину (в другие советские республики) до восстановления их хозяйств при отсутствии средств к существованию получали беженский паек от наркомата социального обеспечения. Заявления на подобный паек тщательно проверялись органами наркомсобеса. Виновные в обмане подвергались уголовной ответственности. Размер пайка зависел от прожиточного минимума в данной местности. Паек выдавался в деньгах или натурой, причем беженец лишался его, если имел любой другой источник дохода или питания. Для восстанов-

ления беженских хозяйств (в пределах советских республик) создавалась специальная комиссия. А беженские приюты, колонии, богодельни, школы, интернаты, бараки, больницы и санатории, обслуживавшие ранее только беженцев, передавались теперь в ведение наркоматов социального обеспечения, просвещения и здравоохранения для использования на общих основаниях (см. там же, ст. 406, декрет СНК УССР "О социальном обеспечении беженцев, находящихся на территории УССР", опубл. 4 апреля 1919 г.).

33. Передвижение и эвакуация австро-венгров и немцев допускались только с разрешения Комиссии. Разрешения, выданные какими-либо иными учреждениями, считались недействительными. Продажа железнодорожных билетов по таким разрешениям запрещалась (см. там же, часть 2, ст. 47, циркуляр Главной украинской комиссии о пленных и беженцах "О порядке передвижения бывших пленных австро-венгерских и германских беженцев в пределах УССР", опубл. 22 мая 1919 г., за подписью нового председателя Комиссии Садыкера. Циркуляр был принят на основании приказов Центральной коллегии за №№ 3, 5, 6, 7, 21, 31, 32, 66, 74, 78, 80, 82 и 102).

34. См., например, постановление ВУЦИК "Об обязательных платных публикациях", согласно которому "Вісти ВУЦИК" обязаны были публиковать информацию "о лицах, оптирующих украинское гражданство или оставляющих его" (С.У. УССР, 1923, ст. 48, от 17 января 1923 г.). Понятно, что уже сам факт таких публикаций был равносилен объявлениям о праве граждан оптировать иностранное подданство.

35. См. С.У. РСФСР, 1920, ст. 44, мирный договор между Россией и Эстонией. Подписан в Юрьеве 2 февраля 1920 г. От имени РСФСР договор подписали А. Иоффе и И. Гуковский. Россия отказывалась "добровольно и на вечные времена от всяких суверенных прав, кои принадлежали России в отношении к эстонскому народу и земле в силу существовавшего государственного и правового порядка". Созданная смешанная пограничная комиссия должна была уточнить границу двух государств в спорных пунктах "на основании признаков этнических, экономических и хозяйственных".

36. Договор об оптациях носил двусторонний характер. Гражданству мужа следовали жена и несовершеннолетние дети, если между супругами не было на этот счет особого соглашения. Правительства оставляли за собой право отказать в принятии в свое гражданство.

37. См. С.У. РСФСР, 1920, ст. 207. Инструкция "О порядке рассмотрения заявлений лиц эстонского происхождения, проживающих в пределах Российской республики и желающих оптировать эстонское гражданство". Постановление НКВД и НКИД от 20 апреля 1920 г.

38. См. С.У. УССР, 1923, ст. 558, постановление Второй сессии ВУЦИК о ратификации договора с Эстонией, от 11 апреля 1923 г.; там же, ст. 559.

39. См. там же, ст. 560. Соглашение о порядке оптации гражданства.

40. С.У. РСФСР, 1920, ст. 262, русско-латвийский договор о реэвакуации беженцев, подписанный 12 июня 1920 г. в Москве. От РСФСР договор подписал А. Иоффе. Договор не подлежал ратификации и вступал в силу в момент подписания. Отношения между РСФСР и Латвией уже имели к этому дню свою историю. В конце 1918 года Красная армия, в составе которой шла и Латвийская стрелковая дивизия, пыталась установить в Латвии советскую власть, поспешно, декабрьским декретом 1918 года, СНК признал даже независимость *советской* Латвии (см. там же, 1917–18, ст. 1005, декрет СНК от 22 декабря 1918 г., за подписями Ленина и В. Бонч-Бруевича, "О признании независимости советской республики Латвии"). Согласно декрету, "в ответ на запрос советского правительства Латвии" СНК заявил следующее: "Российское советское правительство признаёт власть Советов Латвии, до съезда же Советов – власть правительства рабочих, безземельных и стрелков Латвии, возглавляемого тов. Стучкой. Российское советское правительство вменяет в обязанность всем соприкасающимся с Латвией военным и гражданским властям Российской советской республики оказывать советскому правительству Латвии и его войскам всяческое содействие..."

Ленин настолько был уже уверен в победе, что декретом от 2 января 1919 года приказал начать реэвакуацию латвийских учреждений и предприятий, эвакуированных в Россию в связи с Первой мировой войной, "в полном составе, — занятыми в них рабочими и служащими" (там же, 1919, ст. 3). Однако в связи со скорым падением советской власти в Латвии закон этот остался на бумаге.

41. См. там же, 1920, ст. 514. Мирный договор между Россией и Латвией, подписанный в Москве 11 августа 1920 г. Со стороны РСФСР договор подписали А. Иоффе и Я. Ганецкий. По условиям договора РСФСР и Латвия прекращали военные действия. Россия признавала независимость Латвии.

42. См. С.У. УССР, 1921, ст. 531, подписан в Москве 3 августа и ратифицирован в Харькове ВУЦИКом 14 сентября 1921 г.

43. См. там же, 1922, ст. 483. Постановление ВУЦИК от 19 июля 1922 г. "О недействительности договора УССР с Латвией".

44. См. там же, 1923, ст. 259. Постановление ВУЦИК от 2 мая 1923 г.

45. См. там же, ст. 260. Постановление ВУЦИК о вступлении в силу договора с Латвией.

46. См. там же, 1921, ст. 532. Конвенция о порядке отправления на родину латвийских беженцев, проживавших на территории УССР, заключена в Москве 3 августа 1921 г. Под беженцами подразумевались лица, удовлетворяющие тем же требованиям, что и в русско-латвийском договоре о реэвакуации беженцев.

47. Была объявлена и стандартная амнистия, не оговаривавшая, однако, освобождения беженцев, совершивших уголовные преступления. Подпавшие под амнистию освобождались в течение трех месяцев с момента опубликования конвенции.

48. См. С.У. РСФСР, 1917—18, ст. 184, постановление за подписью Сталина, от 28 декабря 1917 г. Через год,

однако, Красная армия попыталась захватить Литву, а советское правительство издало декрет "О признании независимости Литовской советской республики" (см. там же, ст. 1006, от 22 декабря 1918 г., за подписями Ленина и Бонч-Бруевича), аналогичный декрету о признании независимости советской Латвии (см. примечание 40), только с разницей, что во главе "Временного революционного рабочего правительства Литвы" поставлен был Мицкевич-Капсукас.

49. См. там же, 1921, ст. 35. Договор не требовал ратификации. Лица нелитовского происхождения, состоявшие в Литве на службе у царского правительства, как беженцы не рассматривались.

50. См. там же, 1920, ст. 515, русско-литовский мирный договор, подписанный в Москве 12 июля 1920 г. От РСФСР договор подписали А. Иоффе, Ю. Махлевский и Л. Оболенский. Через два месяца договор был ратифицирован ВЦИК. Для оптантов, проживавших в районе Кавказа и Средней Азии устанавливался не годичный, а двухгодичный срок. Объявлялась амнистия.

51. См. там же, 1922, ст. 80, соглашение "О порядке оптации литовского гражданства". За РСФСР соглашение подписал Литвинов, 28 июня 1921 г.

52. Соглашение вступило в силу 14 июля 1921 г. (см. Известия ВЦИК, 1921, № 152).

53. Аналогичное соглашение подписала с Литвой Украина (см. С.У.УССР, 1921, ст. 227, соглашение между УССР и ЛДР "О порядке оптации литовского гражданства", подписано в Москве 28 января 1921 г.). В случае признания за заявителем права на оптацию литовское представительство составляло о том постановление и пересылало его в НКИД, который в течение месячного срока должен был дать свое несогласие. В этом случае в двухнедельный срок вопрос решался смешанной комиссией. Если отказа НКИД не следовало, заявитель получал документ о выходе из украинского гражданства. Заявления об оптации, поступившие от служащих Красной армии, рассматривались вне очереди. Заключенные несколько позже мирный договор между Украиной и Литвой (см. там же, 1921, ст. 226, под-

писан в Москве 11 февраля 1921 г., ратифицирован в Харькове 3 марта 1921 г.) и договор о реэвакуации беженцев от 14 февраля 1921 г. (там же, ст. 227, приложение 2) практически повторяли русско-литовский мирный договор и договор о реэвакуации беженцев 1920 года.

54. См. С.У.РСФСР, 1920, ст. 516. Перемирие и прелиминарные условия мира между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей, с другой. Подписаны в Риге, 12 октября 1920 г. От советских республик договор подписали Иоффе, Киров, Мануильский и Оболенский.

55. Там же, 1921, ст. 220 Соглашение между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей, с другой, о репатриации, подписанное во исполнение 7-й статьи договора о прелиминарных условиях мира, 24 февраля 1921 г. От имени советских республик договор подписали Иоффе, Ганецкий, Квиринг и Оболенский.

56. Списки отправляемых составлялись для каждой категории лиц, перечисленных в соглашении, и включали следующие данные: 1) Фамилия, имя, отчество 2) Возраст 3) Национальность 4) Вероисповедание 5) Семейное положение 6) Нынешнее место фактического жительства 7) Постоянное местожительство на родине, с указанием губернии, уезда, волости (гмины), села или города 8) Занятие 9) Перечисление документов, обосновывающих право репатриации. Списки военнопленных включали иные данные: 3) Место рождения или постоянного жительства на родине 4) Время и место взятия в плен 5) Часть, в которой служил военнопленный 6) Чин, воинское звание или должность 7) Последнее место пребывания в плену 8) Был ли осужден за время пленения за уголовные преступления, именно за какие и когда 9) Состояние здоровья.

57. См. С.У. РСФСР, 1921, ст. 219. Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей, с другой, подписанный в Риге 18 марта 1921 г. От имени РСФСР, УССР и БССР договор подписали Иоффе, Ганецкий, Квиринг, Ю. М. Коцюбинский и Оболенский.

58. См. С.У. ЗСФСР, 1923, ст. 61.

59. См. там же, 1924, ст. 87. Постановление № 20 СНК ЗСФСР.

60. Независимость Финляндии была признана советским правительством еще в декабре 1917 г. (см. С.У.РСФСР, 1917–18, ст. 163, постановление СНК РСФСР от 20 декабря 1917 г.). С тех пор, однако, большевики ни на минуту не оставляли попыток произвести в Финляндии коммунистический переворот.

61. См. там же, 1921, ст. 573. Русско-финский мирный договор, подписанный в Юрьеве 14 октября 1920 г. От РСФСР договор подписали Я. Берзин, П. К. Керженцев и Н. Тихменев.

62. Согласно 35-й статье мирного договора амнистия объявлялась всем жителям Репольской и Поросозерской волостей, которые присоединялись теперь к Восточно-Карельской автономной области, образованной из Архангельской и Олонецкой губерний с формальным правом на самоопределение. Финские войска обязаны были оставить пределы этих волостей в течение 45 дней с момента вступления договора в силу.

63. С.У. РСФСР, 1922, ст. 634. Соглашение между РСФСР и Финляндской республикой "Об эвакуации на родину граждан обоих государств" и "Выписка из протокола 21-го пленарного заседания Центральной смешанной русско-финляндской комиссии, состоявшегося 12 августа 1922 г. в гор. Гельсингфорсе в 15 часов 30 минут. Заявления к соглашению между РСФСР и Финляндской республикой об эвакуации на родину граждан обоих государств". Подписаны в Гельсингфорсе 12 августа 1922 г.

64. См. там же, ст. 86. Соглашение между РСФСР, УССР и Королевской Венгрией о возвращении на родину военнопленных обеих сторон. Заключено в Копенгагене 21 мая 1920 г. От РСФСР договор подписал Литвинов.

65. Приходится заключить, что и здесь советское правительство добилось важных для себя уступок в общеполитическом вопросе. Договор заключался "при

условии, что Венгрия не предпримет никакой военной операции в связи с войной России с другими странами или в связи с Гражданской войною и не окажет никакой прямой или косвенной помощи противникам советской России и Украины".

66. Правда, 1 января 1921 г., № 1.

67. См. там же, 6 января 1921 г., № 4.

68. См. С.У.РСФСР, 1922, ст. 94. Русско-венгерское соглашение об обмене военнопленными и гражданскими интернированными, заключено в Риге 28 июля 1921 г. От имени РСФСР договор подписал Ганецкий.

69. Там же, 1921, ст. 70. От имени РСФСР договор подписал В. Копп. "До проведения в жизнь этого соглашения каждой из сторон" предоставлялось "право иметь на территории другой стороны миссию по делам военнопленных для подготовления отправки на родину и доставления материальной помощи возвращающимся в свое отечество". Состав и компетенция этих миссий определялись особым соглашением.

70. См. там же, 1922, ст. 85. Соглашение между РСФСР и Германией относительно осуществления возвращения на родину военнопленных, заключенное в Ревеле 23 апреля 1920 г. От РСФСР договор подписал Гуковский. Правительство РСФСР по договору должно было сконцентрировать пленных в Москве и Петрограде. Правительство Германии обязалось, согласно желанию советского правительства, составлять эшелоны по губерниям. Первый эшелон русских пленных должен был прибыть в Нарву 1 мая и состоять из лиц, желавших вернуться в центральные губернии России. Второй эшелон (прибытие которого назначалось на 14 мая) отправлялся в район Волги и Урала. Предполагалось, что, начиная с 18 мая, в Нарву будет прибывать один эшелон в два дня.

71. 7 июля 1920 года в Берлине было заключено "Дополнительное соглашение между РСФСР и Германией о возвращении на родину военнопленных и гражданских интернированных" (там же, 1922, ст. 83). Оно оговаривало права немецкой и советской миссий по делам

военнопленных, созданных на основании предыдущего договора.

72. Это было еще одно дополнительное соглашение, подписанное 6 мая 1921 года (см. там же, ст. 82).

73. См. "Временное соглашение", подписанное 6 мая 1921 г. в Берлине. От РСФСР договор подписал Арон Шейман (см. там же, 1921, ст. 542).

74. См. там же, 1922, ст. 84. Дополнительное соглашение к Берлинскому договору между Россией и Германией от 19 апреля 1920 г., подписанное в Риге 21 января 1922 г. "О резвакуации на родину транзитом через Латвию и Литву пленных и интернированных обеих сторон". От РСФСР договор подписали Ганецкий и А. Ястребов.

75. См. там же, ст. 39. Соглашение между РСФСР, УССР и Австрией, от 7 декабря 1921 г. От имени РСФСР и УССР договор подписали Мечислав Бронский-Варшавский и М. Левицкий.

76. См. там же, ст. 95. Предварительное русско-итальянское соглашение, от 26 декабря 1921 г. Согласно этому договору все русские граждане, проживающие в Италии, получили право вернуться в советскую Россию. А итальянцы могли покинуть РСФСР, "когда того пожелают".

77. Там же, 1924, ст. 343. Русско-афганский договор, подписан в Москве 28 февраля 1921 г. От имени РСФСР договор подписали Чичерин и Карахан. Обмен ратификационными грамотами был произведен в Кабуле 14 сентября 1921 г. Договор был обнародован в 1924 году.

78. См. там же, 1921, ст. 598. Русско-турецкий договор, подписан в Москве 16 марта 1921 г. От РСФСР договор подписали Чичерин и Коркмасов. В обмен на это Турция согласилась "не допускать образования или пребывания на своей территории организаций или групп, претендующих на роль правительства другой стороны, или части ее территории, равно как и пребывание групп, имеющих целью борьбу" с РСФСР. Такое же обязатель-

ство было принято Турцией и в отношении советских республик Кавказа.

Аналогичный договор, не оговаривавший, однако, эмиграции, был заключен и с Персией. Согласно этому договору, подписанному в Москве 26 февраля 1921 года и вступившему в силу немедленно по подписании (см. С.У. РСФСР, 1921, ст. 597), Персия согласилась "не допускать на своей территории образования или пребывания организаций или групп, как бы они ни именовались, или отдельных лиц, ставящих своей целью борьбу" против советской России и союзных ей государств; "не допускать на своей территории вербовку или мобилизацию личного состава в ряды армии или вооруженных сил таковых организаций"; "не допускать всеми доступными способами пребывание" на своей территории "войск или вооруженных сил какого-либо третьего государства, пребывание которых создало бы угрозу границам, интересам или безопасности" РСФСР. Персия согласилась с тем, что если со стороны третьих держав будут иметь место попытки превратить территорию Персии в базу для военных действий против РСФСР и если персидское правительство "само не окажется в силе отвратить эту опасность", в Персию войдет Красная армия, "чтобы в интересах самообороны принять необходимые военные меры". Кроме того, если в составе судов персидского флота в Каспийском море нашлись бы граждане третьих держав, использовавшие свою службу в персидском флоте в недружелюбных по отношению к РСФСР целях, советское правительство имело бы право потребовать от правительства Персии "устранения указанных вредных элементов".

79. См. там же, ст. 221. Конвенция между РСФСР и Турцией о возвращении на родину пленных. От имени РСФСР договор подписали в Москве 28 марта 1921 г. И. Якубович, А. Сабанин, А. Ястребов. Договор вступал в силу в момент его подписания.

80. Стороны согласились исходить из соответствующих пунктов русско-польского договора от 24 февраля 1921 г.

81. См. С.З. СССР, 1925, ст. 131, от 31 мая 1924 г. В этот день в Пекине был подписан ряд соглашений между СССР и Китаем. От имени РСФСР соглашения подписал

Карахан. Начало восстановлению дипломатических отношений положило соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китаем.

82. См. там же, ст. 342. Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией. Подписано в Пекине 20 января 1925 г. От имени СССР конвенцию подписал Карахан. Конвенция положила начало восстановлению дипломатических и консульских отношений между двумя странами.

83. См. С.У. УССР, 1921, ст. 307. Постановление СНК УССР "Об урегулировании порядка движения беженцев", от 14 июня 1921 г.

84. См. там же, ст. 696. Постановление СНК УССР "Об урегулировании движения и санитарного обслуживания беженцев и переселенцев на железных дорогах", от 22 ноября 1921 г.

85. См. там же, 1922, ст. 168, постановление СНК УССР, за подписью Раковского, от 6 марта 1922 г. "О разгрузке железнодорожных станций от беженцев и выселенцев"; там же, ст. 360, постановление СНК УССР, принятое в дополнение к постановлению от 6 марта, опубл. 13 апреля 1922 г. в "Вістях", № 83, "О разгрузке Харьковского и других железнодорожных узлов Южного округа путей сообщения от беженцев и переселенцев", от 12 мая 1922 г.

86. См. С.У. РСФСР, 1917–18, ст. 818. Кодекс оговаривал лишь, что на центральный отдел записей актов гражданского состояния возлагалось составление и ведение общего реестра лиц, зарегистрированных в пределах РСФСР, и русских граждан, зарегистрированных за границей. Заключение брака за границей возлагалось на соответствующих представителей РСФСР за рубежом.

87. См. С.У. УССР, 1922, ст. 237.

88. См. С.У. РСФСР, 1923, ст. 584. Кодекс законов об актах гражданского состояния, ст. 103. Кодекс, возможно, подразумевал в основном браки между русскими гражданами за границей и иностранцами. По край-

ней мере именно этот аспект трактовался особенно пространно. Кодекс, например, указывал, что иностранцы, приобретшие благодаря бракам советское гражданство, но продолжавшие оставаться за границей, могли получить заграничный вид на жительство для российских граждан (см. там же). Браки советских граждан за рубежом признавались, однако, советским правительством лишь в том случае, если были зарегистрированы в полномочном представительстве или консульстве РСФСР (см. Сборник циркуляров НКЮ РСФСР, 1922–1936 гг., стр. 468, циркуляр НКИД № 92, от 20 апреля 1923 г.). Смешанные браки за границей могли быть заключены и по местным обычаям. Кроме того, правительство РСФСР признавало всякий развод, совершенный за границей, независимо от времени и места заключения брака (см. там же, стр. 469, циркуляр № 144, от 6 июля 1923 г.). Право советских граждан регистрировать брак с иностранцами было подтверждено и кодексом, вступившим в силу 1 января 1927 г. Кодекс предусматривал, что в этом случае каждое лицо сохраняло свое гражданство. Изменение гражданства мужа или жены могло последовать в упрощенном порядке, согласно союзному закону (см. С.У.РСФСР, 1926, ст. 612, постановление ЦИК, принятое на третьей сессии Верховного Совета двенадцатого созыва).

89. См. Сборник циркуляров НКЮ РСФСР, 1922–1926 гг., часть 2, циркуляр № 45, от 9 марта 1926 г., "О браках, заключенных германскими гражданами в германских консульствах". Этот договор явился, видимо, следствием договора о предоставлении гражданам СССР в Германии и гражданам Германии в СССР прав благоприятствующей стороны и мартовского советско-германского соглашения о поселении и общеправовой защите. (См. С.З.СССР, 1926, ст. 181. Советско-германский договор от 12 октября 1925 г. От имени СССР договор подписали Ганецкий и Литвинов; Сборник циркуляров НКЮ РСФСР, 1922–1926 гг., часть 2, стр. 152, Циркуляр № 94, от 25 мая 1926 г.)

90. См. С.У.РСФСР, 1921, ст. 542. Временное соглашение между РСФСР и Германией, заключено в Берлине 6 мая 1921 г. От РСФСР договор подписал А. Шейман. Согласно этому договору представительство РСФСР в Германии признавалось единственным представитель-

ством России в Германии. Германия, таким образом, признала советское правительство единственным правительством России.

91. См. там же, 1920, ст. 44.

92. См. там же, ст. 514.

93. См. там же, ст. 515; там же, 1921, ст. 219.

94. Договаривающиеся стороны подтвердили, что КВЖД является чисто коммерческим предприятием и что все вопросы, касающиеся деловых операций, относятся к компетенции только китайских властей. Правительство СССР соглашалось на выкуп правительством Китая китайского капитала КВЖД и постепенную передачу Китаю всех акций и облигаций дороги. Пока что стороны договорились о совместном управлении КВЖД. Создавалось правление из 10 человек (по 5 человек от каждой стороны). Ревизионная комиссия состояла из 5 человек, из которых трое было советских. Управление дорогой лежало на управляющем, гражданине СССР, и двух его помощниках, гражданах Китая. Назначение служащих производилось на началах равного представительства.

95. См. С.З.СССР, 1925, ст. 131, соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской республикой, от 31 мая 1924 г.; там же, ст. 132, соглашение между Союзом ССР и Китайской республикой о временном управлении Китайско-Восточной железной дорогой. Оба соглашения заключены в Пекине 31 мая 1925 г. и подписаны от имени СССР Л. Караханом. Формально говоря, инициатива принадлежала здесь китайскому правительству. В день подписания советско-китайского соглашения о КВЖД министр иностранных дел Китая Веллингтон Ку передал Карахану ноту китайского правительства соответствующего содержания. 8 августа 1924 г. Карахан от имени советского правительства официально ответил на ноту согласием и обещал предоставить Китаю списки неугодных советскому правительству лиц.

96. Согласно условиям договора наименование "Латышская стрелковая дивизия" Красной армии приобре-

тало теперь "историческое значение". Дивизия не должна была иметь преобладающего латышского состава и какого-либо отношения к Латвии и латвийскому народу. Но пункта о расформировании дивизии Латвия добиться не смогла.

97. См., например, договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Венгрией, с другой (С.У.РСФСР, 1922, ст. 86), равно как и все другие международные договоры, подписанные советской стороной в этот период. Более широкий характер имел Рапалльский договор с Германией. Согласно этому договору РСФСР и Германия отказывались от возмещения расходов на военнопленных. Россия отказывалась от сумм, вырученных Германией от продажи имущества интернированных войск Красной армии, а Германия — от возмещения ей расходов, понесенных в связи с интернированием этих частей. Германия, кроме того, отказывалась от претензий, вытекающих из мероприятий советского правительства по отношению к германским гражданам и их частной собственности (национализации, конфискации, экспроприации) при условии, что советское правительство не станет удовлетворять аналогичных претензий других государств. (См. там же, 1923, ст. 374. Договор с Германией, подписанный в Рапалло 16 апреля 1922 г. Ратифицирован РСФСР 24 ноября 1922 г. От РСФСР договор подписал Чичерин.)

98. См. там же, 1921, ст. 74, от 10 февраля 1921 г.; С.У.УССР, 1921, ст. 583, от 12 октября 1921 г.

99. См. там же, 1923, ст. 116, от 24 февраля 1923.

100. См. С.У. РСФСР, 1920, ст. 514, от 11 августа 1920 г.

101. Гражданами иностранных государств считались только те, кто до времени издания постановления получил на своей родине национальные паспорта или вид на жительство, либо сделал в установленном порядке заявление об оптации, предусмотренное соглашением Советского Союза с заинтересованным государством. Лица, не удовлетворявшие этим условиям, иностранцами не считались. (См. С.У.ЗСФСР, 1923, ст. 61, от 5 апреля 1923 г. Декрет СНК ЗСФСР "О лицах, причи-

сляющих себя к числу граждан несоветских государств, образовавшихся на территории бывшей Российской империи"; там же, ст. 103, от 9 мая 1923 г.) В вид на жительство и временные свидетельства, выданные иностранным гражданам, могли быть внесены и члены семьи — жена и несовершеннолетние дети (см. там же, ст. 107, постановление № 49 СНК ЗСФСР, от 16 мая 1923 г., "О порядке выдачи иностранцам видов на жительство").

102. С.У. РСФСР, 1919, ст. 211. Постановление "О порядке выдачи заграничных паспортов", за подписями Ленина и заместителя наркома иностранных дел Карахана, от 24 апреля 1919 г.

103. Там же, 1920, ст. 245, постановление НКИД от 8 июня 1920 г. за подписью Карахана. В пределах РСФСР заграничный паспорт сохранял силу в течение месяца с момента выдачи и в течение того же срока с момента возвращения из-за границы. За пределами РСФСР право продления истекших паспортов принадлежало только полномочному представителю РСФСР за границей. Заграничный паспорт выдавался лицам, достигшим 16-ти лет. Не достигшие этого возраста вписывались в заграничный паспорт главы семьи.

104. См. С.У.УССР, 1919, ст. 226, от 1 марта 1919 г.

105. С.У. РСФСР, 1922, ст. 401. Постановление СНК "О выезде за границу граждан РСФСР и иностранцев", за подписью Цюрупы, от 10 мая 1922 г. Заграничный паспорт советских граждан был действителен для пребывания за границей в течение шести месяцев со дня выдачи. Он мог быть продлен у советского полномочного представителя не более чем еще на шесть месяцев. На более длительные сроки НКИД выдавал паспорта лишь по особому ходатайству. Советские граждане, не возвратившиеся в срок, при возвращении уплачивали штраф в виде паспортного сбора в тройном размере (см. там же). С незначительными изменениями с 15 июля 1922 года эти правила были введены в действие и на Украине. (См. С.У.УССР, 1922, ст. 459. Постановление СНК УССР о выезде за границу граждан УССР и иностранцев, от 7 июля 1922 г., за подписью Раковского. Принято в отмену всех ранее изданных постановлений о выезде из пределов УССР и в развитие соответствующих статей

"Положения об иностранцах", утвержденного постановлением ВУЦИК 28 марта 1922 г.). На Украине, однако, это постановление вскоре было отменено, и с 10 февраля 1923 года стало действовать новое распоряжение. Все полномочия по выдаче паспортов и разрешений на выезд из УССР передавались теперь НКВД и его органам на местах. В ведении НКИД оставалась лишь выдача дипломатических и служебных паспортов (см. там же, 1923, ст. 56, постановление СНК УССР о выдаче паспортов и разрешений на выезд за границу, от 23 января 1923 г., в отмену декрета СНК УССР от 7 июня 1922 г.).

106. Дольше всех без общих законов о выезде жило Закавказье. Только в январе 1923 года вышло постановление, согласно которому выезд из ЗСФСР как иностранных, так и советских граждан допускался лишь с особого разрешения НКИД. Постановление повторяло аналогичные законы, принятые в РСФСР и УССР с одной существенной разницей: к выдаче разрешений на выезд никакого отношения не имело НКВД. См. (С.У. ЗСФСР, 1923, ст. 4. Декрет СНК ЗСФСР, от 29 января 1923 г., за подписями М. Орахелашвили и М. Полиса, "О выдаче заграничных виз и паспортов".) Лишь через год функции по выдаче разрешений на выезд были переданы НКВД Азербайджана, Грузии и Армении. (См. там же, 1924, ст. 15. Постановление № 117 СНК ЗСФСР, от 17 января 1924 г., "О выдаче заграничных виз и паспортов", принятое "во изменение и дополнение декрета СНК ЗСФСР от 29 января 1923 г."). С 1924 года советские граждане, выезжающие за границу из Закавказья, при предъявлении ими свидетельства, выданного народным судьей, о неимении средств для уплаты государственного сбора за заграничный паспорт, от него освобождались (см. там же, ст. 245, постановление № 53 СНК ЗСФСР, от 2 октября 1924 г., "О дополнении постановления о выдаче заграничных виз и паспортов").

107. См. С.У. РСФСР, 1922, ст. 619.

108. См. там же, 1924, ст. 528, "О заграничных командировках по изучению вопросов организации труда, производства и управления", утверждено 8 апреля 1924 г.; Вестник СТО, СНК и ВЦИК СССР, 1924, № 5,

декрет СНК, от 8 апреля 1924 г., "О заграничных командировках по изучению вопросов организации труда, производства и управления".

109. См. С.У. РСФСР, 1919, ст. 380. Постановление Совета рабочей и крестьянской обороны, за подписями Ленина и Склянского, от 1 августа 1919 г., "О лишении семей перебежчиков всех видов пособий, льгот и помощи, установленных для семей красноармейцев".

110. См. там же, ст. 573, "О предоставлении губернским комиссиям по борьбе с дезертирством права революционных трибуналов в отношении вынесения приговоров", от 13 декабря 1919 г.

111. См. там же, 1920, ст. 126. Декрет ВЦИК "О комиссиях по борьбе с дезертирством", за подписями Калинина и Енукидзе, от 8 апреля 1920 г., принят в изменение постановления СРКО республики от 3 июня 1919 г. "О мерах к искоренению дезертирства" (см. там же, 1919, ст. 287) и 13 декабря 1919 г. (см. там же, ст. 573).

112. См. там же, 1920, ст. 126.

113. См. С.У. УССР, 1919, ст. 19. Декрет Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, за подписями Г. Пятакова, Э. Квиринга, Артема, Рухимовича и П. Ворошилова. Опубл. в "Известиях временного рабоче-крестьянского правительства", от 14 января 1919 г.

114. С.У. РСФСР, 1920, ст. 442.

115. Там же, 1921, ст. 111. Постановление СНК "О конфискациях всего движимого имущества граждан, бежавших за пределы республики или скрывающихся до настоящего времени", опубл. 5 марта 1921 г. Из конфискованного имущества всё ценное передавалось в музеи и университеты (в распоряжение наркомата просвещения). Остальное же конфискованное имущество образовывало "товарный фонд Республики" и передавалось наркомату внешней торговли или другим наркоматам, "по принадлежности". См. там же С.У. РСФСР, 1921, ст. 137. Декрет СНК, от 3 января 1921 г.

116. Там же, 1921, ст. 134. Декрет СНК от 28 марта 1921 г., за подписью Ленина, "О конфискациях и реквизициях имущества частных лиц в местностях, освобожденных от неприятеля", принятый в дополнение и развитие декрета от 16 апреля 1920 г. о реквизициях и конфискациях (С.У.РСФСР, 1920, ст. 143). Постановление имело обратную силу и действовало с 20 сентября 1920 года.

Порядок применения постановления от 20 марта 1921 г. был разъяснен в 1925 г. (см. там же, 1925, ст. 322, постановление ВЦИК "О разъяснении порядка применения декрета СНК РСФСР от 28 марта 1921 года о конфискации имущества лиц, добровольно ушедших с Белыми", от 15 июня 1925 г.). Поскольку возвращать отобранное советскому правительству не хотелось, ВЦИК объявил все ранее конфискованные строения не конфискованными, а муниципализированными на основании ряда декретов о муниципализации строений, и стало быть – не подлежащими возврату старым владельцам. В постановлении, в частности, говорилось, что дома, "не включенные в списки муниципализированных строений только потому, что ошибочно считались конфискованными, как дома граждан, уходивших с белыми, в действительности же, в виду добровольного возвращения этих граждан не подлежавшие конфискации, признаются муниципализированными, если они фактически заняты". Не занятые строения, каковых почти не было, передавались в ведение старых хозяев.

Недоразумения, однако, продолжались. И чтобы окончательно урегулировать все спорные в этой связи вопросы, в 1927 году был издан новый сводный закон о конфискациях имущества бежавших за пределы СССР или скрывающихся от советской власти, в том числе и из политических соображений, и не вернувшихся к моменту конфискации. По новому закону не подлежало конфискации лишь имущество лиц, эвакуированных насильно или принудительно. Во всех остальных случаях возврат конфискованного имущества исключался. (См. там же, 1927, ст. 248, постановление ВЦИК и СНК "Об утверждении сводного закона о реквизиции и конфискации имущества", от 28 марта 1927 г. Принято в отмену законов от 19 ноября 1920 г. и 3 января 1921 г., "О реквизициях и конфискациях").

117. Там же, 1922, ст. 1013. Постановление СНК, от 1 декабря 1922 г., за подписью Каменева, "О порядке призыва на военную службу граждан РСФСР, находящихся за границей, и о порядке выезда военнослужащих и военнообязанных граждан из пределов РСФСР"; С. У. УССР, 1923, ст. 57, одноименное постановление, принятое 23 января 1923 г. на основании постановления СНК РСФСР от 1 декабря 1922 г.

118. См. С.З.СССР, 1925, ст. 276, постановление СНК и ЦИК СССР об утверждении положения о въезде в пределы СССР и выезде из него; там же, ст. 277, положение о въезде в пределы СССР и выезде из него, от 5 июня 1925 г. Выезд за границу граждан СССР вообще допускался только по заграничным паспортам — общегражданским, служебным или дипломатическим. Заграничные паспорта имели силу в течение указанного в них срока, который мог быть продлен полномочным представительством или консульством СССР за рубежом. Выдача общегражданских заграничных паспортов производилась НКВД союзных республик и их уполномоченными, а за пределами СССР — полномочными представителями и консульствами Советского Союза, действовавшими согласно инструкциям НКИД. Порядок выдачи разрешений на переход границы постоянным жителям пограничной полосы и особые случаи временного перехода границ на Востоке (например, во время местных ярмарок) определялись соглашениями с соседними государствами, а также постановлениями НКИД, издаваемыми по соглашению с НКВД, ОГПУ и наркоматом внешней торговли.

Ответственность за нарушение данного положения определялась "соответственными статьями уголовных кодексов Союзных республик".

В виду утверждения нового постановления о въезде и выезде утрачивали силу следующие законодательные акты: декрет СНК РСФСР от 10 августа 1921 г. "О порядке выдачи дипломатических паспортов" (С.У. РСФСР, 1921, ст. 393); ст. 6 и 7 декрета СНК от 1 декабря 1922 г. (там же, 1922, ст. 1013); декрет СНК РСФСР от 19 декабря 1922 г. "О выдаче паспортов и разрешений на выезд за границу" (там же, 1923, ст. 6); декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 1 февраля 1923 г. "О выдаче дипломатических паспортов" (там же, ст. 175); и аналогичные постановления союзных республик. Постановление об

отмене вышеупомянутых законов было принято 31 августа 1925 г. (см. там же, 1925, ст. 495). В той же цепи законов был отменен и один иммиграционный закон: декрет СНК РСФСР, от 20 октября 1921 г., "О въезде иностранцев из-за границы на территорию РСФСР" (там же, 1921, ст. 559).

119. Конечные сроки регистрации военнопленных устанавливались для каждой страны отдельно. Лица, отбывавшие за границей наказание, тяжелобольные или находившиеся в странах, не имевших советских представительств, должны были обратиться в представительство РСФСР не позднее двухмесячного срока со дня получения ими такой возможности. Своевременно зарегистрировавшиеся военнопленные не призывного возраста подлежали увольнению в бессрочный отпуск.

120. В порядке ст. 2 УК РСФСР о преступлениях, совершенных гражданами РСФСР за границей, и согласно ст. 81 УК РСФСР об уклонении от воинской повинности. Залогом возвращения военнопленных мог, разумеется, служить земельный надел, конфисковывающийся у семьи невозвращенца.

121. См. С.У. РСФСР, 1923, ст. 623. Декрет СНК, от 4 июля 1923 г., "О регистрации находящихся за границей русских военнопленных и интернированных и возвращении их в РСФСР", за подписью Каменева.

122. См. там же, ст. 581. Постановление СНК "О льготах при получении заграничного паспорта для лиц, пострадавших от стихийных бедствий или имеющих право на социальное обеспечение", от 22 мая 1923 г., за подписью Каменева. Выезжавшие таким образом эмигранты освобождались от уплаты ряда пошлин и сборов.

123. См. там же, ст. 584. Постановление НКИД "Правила выдачи заграничными органами народного комиссариата иностранных дел заграничных видов на жительство российским гражданам", от 5 июня 1923 г., за подписью заместителя наркома иностранных дел Литвинова. Заграничный вид на жительство выдавался "по желанию заявителя" на три, шесть или двенадцать месяцев и мог быть продлен "на те же сроки, но не более, чем на год за один раз". Заграничный вид не

давал права на въезд в РСФСР без соблюдения правил, установленных для въезда в РСФСР циркуляром НКИД № 95, 1923 г. Заграничные визы выдавались советским гражданам, проживавшим за границей, лицам, восстановившим или приобретшим советское гражданство и демобилизованным русским военнопленным, остающимся за границей.

124. См. там же, 1917–18, ст. 63. Приказ наркома по иностранным делам Троцкого, от 26 ноября 1917 г., "Об увольнении послов, посланников и членов посольств".

125. См. там же, 1917–18, ст. 233.

126. Настоящий срок не распространялся на страны, в которых не было советских представительств. В таких странах срок получения документов устанавливался лишь после учреждения в них полномочных представительств советских республик.

127. Лица, покинувшие без разрешения советского правительства советские территории, и добровольцы, служившие в Белых армиях и участвовавшие в контрреволюционных организациях, могли подать заявление о восстановлении их в правах российского гражданства на имя ВЦИК РСФСР до 1 марта 1922 года через ближайшее представительство РСФСР за границей.

128. См. С.У.РСФСР, 1921, ст. 578. Постановление СНК, за подписью Ленина, от 28 октября 1921 г. "О лишении прав гражданства некоторых категорий российских граждан, находящихся за границей". Срок получения документов вскоре был продлен до 1 июня (см. там же, 1922, ст. 11, декрет ВЦИК и СНК, от 15 декабря 1921 г., за подписями Калинина и Ленина "О продлении срока регистрации с 1 марта до 1 июня 1922 года").

129. Гражданства лишались уроженцы Украины, проживавшие за границей беспрерывно более пяти лет, выехавшие за границу без разрешения советской власти, а также те, кто добровольно сражался в рядах антисоветских армий и организаций. Советское подданство теряли и те, кто до 1 января 1923 года, имея право на

оптацию украинского гражданства, не оптировал его и не получил у представительства УССР за рубежом советского заграничного паспорта или соответствующего удостоверения. Указанный срок не распространялся на страны, где не было советских украинских представительств. В таких странах для получения советских заграничных документов устанавливался шестимесячный срок со дня учреждения представительства УССР (см. С.У.УССР, 1922, ст. 237, от 28 марта 1922 г., "Об иностранцах в УССР и порядке приобретения и утраты украинского гражданства").

130. Лица, выехавшие до 1 марта 1921 года за пределы советских территорий без разрешения закавказского советского правительства и к 1 декабря 1923 года не имевшие паспортов, выданных советским полномочным представителем за рубежом, лишались советского гражданства. В странах, где не было советских представительств, срок получения советских заграничных документов устанавливался лишь после учреждения в этих странах советских полпредств. Гражданства также лишались лица, добровольно сражавшиеся против советской власти и покинувшие советские территории без разрешения закавказского советского правительства. Эти лица до 1 декабря 1923 года могли подать заявление о восстановлении их в правах советского гражданства на имя Закавказского ЦИК через ближайшее советское полпредство (см. С.У.ЗСФСР, 1923, ст. 116, декрет Закавказского ЦИК и СНК, от 1 мая 1923 г., за подписями М. Цхакая и М. Орехалашвили, "О лишении гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей").

131. См. С.З. СССР, 1924, ст. 202. Положение о союзном гражданстве.

132. Лица, вышедшие из подданства СССР в установленном порядке, также считались лишенными советского гражданства. Выход из гражданства СССР допускался теперь только с разрешения ВЦИК или ЦИК союзных республик.

133. 21 марта 1928 года постановлением ЦИК и СНК СССР положение о союзном гражданстве было дополнено пунктом об усыновлении. Отныне дети советских граж-

дан, усыновленных иностранцами, проживающими на территории СССР (в противном случае усыновление не допускалось), сохраняли советское подданство до своего совершеннолетия. В дальнейшем их выход из советского гражданства мог следовать в упрощенном порядке. Усыновление иностранцем советского ребенка допускалось лишь со специального в каждом конкретном случае разрешения губернского или окружного ЦИК (см. С.З. СССР, 1928, ст. 162).

134. См. С.З.СССР, 1925, ст. 581. Постановление ЦИК и СНК "О лишении гражданства СССР находившихся за границей и пропустивших сроки регистрации бывших военнопленных и интернированных военнослужащих царской и Красной армий, а также амнистированных лиц, служивших в Белых армиях, и участников контрреволюционных восстаний", от 18 ноября 1925 г., за подписями Калинина и Рыкова. Гражданства не лишались лица, пропустившие сроки регистрации по независящим от них обстоятельствам, в частности, из-за отсутствия в стране пребывания советских полпредств.

135. В январе 1922 года выслали Дана, затем Бердяева, Кускову-Прокопович, Ладыженского, Пешехонова, Прокоповича и многих других.

136. См. там же, 1922, ст. 153. Постановление ВЦИК, за подписями Калинина и Курского.

137. 15 мая 1922 г. Ленин в дополнении к проекту вводного закона к УК РСФСР и записке Курскому предлагал ввести высылку по решению Президиума ВЦИК, на срок или бессрочно, как меру, в ряде случаев заменяющую расстрел. Ленин писал: "Т. Курский! Помоему, надо расширить применение расстрела (с заменой высылкой за границу)... ко всем видам деятельности меньшевиков, с.-р. и т. п.; найти формулировку, ставящую эти деяния в связь с *международной буржуазией* и ее борьбой с нами (подкупом печати и агентов, подготовкой войны и т. п.)" (Ленин, ПСС, т. 45, стр. 189). Ленин предлагал также ввести расстрел, а в случае смягчающих обстоятельств — лишение свободы или высылку за границу за пропаганду и агитацию, "объективно содействующие" либо "содействующие или

способные содействовать" международной буржуазии (там же, стр. 191).

138. Аналогичный Уголовный кодекс был введен в действие на Украине в середине сентября (см. С.У.УССР, 1922, ст. 554, от 15 сентября 1922 г.).

139. В основном, они применялись к иностранцам, но случались исключения. Так, в 1919 году из Украины был выслан ряд консульских представителей иностранных государств, причем некоторые были украинскими гражданами. (См. С.У.УССР, 1919, часть 2, ст. 7. Принято 2 мая, опубл. 6 мая, как постановление НКИД, "О порядке выезда из Украины представителей государств, не признавших УССР", за подписью Раковского). Такие консульские представители могли, как и иностранные граждане, вывезти с собой личного имущества на сумму не более 3000 рублей.

140. См. С.У.РСФСР, 1922, ст. 646. Декрет ВЦИК "Об административной высылке", от 10 августа 1922 г.

141. Вскоре Особая комиссия получила право, в дополнение к высылкам, заключать в лагерь на срок не свыше трех лет (см. там же, ст. 844, декрет ВЦИК, от 16 октября 1922 г., за подписью Калинина, "Дополнение к постановлению об административной высылке").

142. См. С.У.УССР, 1922, ст. 586. Постанови Всеукраїнського Центрального Виконавчого Комітету про адміністративну висилку. Принято 6 августа 1922 г. за подписями Петровского и Угарова. Опубл. в "Вістях ВУЦВК" 6 сентября 1922 г. Под высылкой понимались как выдворение за пределы УССР, в том числе и в РСФСР (по соглашению между украинским и российским ЦИКами), так и ссылка на срок не более трех лет.

143. С.У.РСФСР, 1923, ст. 108. Постановление НКВД за подписью Дзержинского.

144. Как указывала Инструкция, административная высылка применялась к лицам, пребывание которых в данной местности или в пределах РСФСР представлялось для советского правительства опасным "с точки зрения

охраны революционного порядка по их деятельности, прошлому, связи с преступной средой".

145. Входить с представлением о применении административной высылки в Особую комиссию имели право через ГПУ и Административно-организационное управление (АОУ) НКВД местные (не ниже губернских) органы ГПУ и отделы управления. О высылаемом должны были иметься подробные биографические данные, в том числе "классовое происхождение" и род занятий в момент высылки и до революции. Представление о высылке поступало в Особую комиссию с заключением ГПУ или АОУ НКВД, куда и возвращалась затем для исполнения выписка из протоколов Особой комиссии. В случае желания ехать в ссылку за свой счет высылаемый должен был получить специальное разрешение губернского ГПУ. В ссылку за сосланным имела право следовать и его семья. В случае возбуждения высланным ходатайства ему мог быть предоставлен срок не более двух недель для ликвидации его личных дел. А по отбытии половины срока ссылки, высланный мог ходатайствовать о досрочном возвращении. Случаи, не предусмотренные данной Инструкцией, разрешались Особой комиссией, и в Инструкцию можно было вносить любые прецеденты.

146. С.У. РСФСР, 1923, ст. 703. Декрет СНК от 2 августа 1923 г. Требование о сдаче архивных материалов распространялось на все учреждения и должностные лица. Декрет был опубликован 5 сентября.

147. Сборник циркуляров НКЮ РСФСР, 1922–1926 гг., стр. 163–164. Циркуляр НКЮ № 188, Верхсуда № 35, от 4 ноября 1924 г., "О порядке сношения органов юстиции с должностными лицами и учреждениями иностранных государств". См. также циркуляр № 189 от того же числа "О порядке выполнения органами юстиции поручений НКИД и о требовании о выдаче находящихся за границей Союза преступников".

148. О трудовой эмиграции из СССР сведений почти нет. В советских законах нашло отражение лишь одно такое постановление: о русской самоуправляющейся трудовой колонии Уряхай. (См. С.У.РСФСР, 1922, ст. 822. Декрет СНК, за подписью Рыкова, от 3 октября 1922 г., "О льготном пропуске товаров, ввозимых для русской

самоуправляющейся трудовой колонии Урянхай, а также о ввозимых этой колонией в РСФСР".) Урянхайским краем называлась в то время территория Тувы. Урянхайцами называли самих тувинцев. В 1921 году в Туву, находившуюся под протекторатом России с 1914 года, были введены части Красной армии, провозгласившие Туву "Народной республикой Танну-Тува". В таком полунезависимом виде Тува просуществовала до 1944 года, когда была попросту включена в состав СССР.

Русская самоуправляющаяся трудовая колония (РСТК) образована была на территории Тувы в июле 1921 года, представляла собою миниатюрную советскую республику, жила по законам РСФСР, ввела воинский учет и воинскую повинность, имела свою вооруженную охрану (ЧОН) и взимала собственные налоги. Даже коллективизация проведена была в колонии одновременно со всем СССР — в 1930 году; а еще через два года колония была преобразована в "Комитеты советских граждан" и прекратила свое существование.

ЭПИЛОГ

Эмиграционная и иммиграционная политика, 1928–1939

Отказ от НЭПа и переход к насильственной коллективизации в деревне и сверхиндустриализации в городе поставили перед советским правительством в области эмиграционной и иммиграционной политики новую и достаточно узкую цель: достижение полной закрытости общества. С 1928 года резко меняется характер правительственных постановлений об эмиграции и иммиграции. Так, согласно союзному Положению о гражданстве, принятому 13 июня 1930 г., политическое убежище в СССР мог получить теперь иностранец, преследуемый исключительно за "революционно-освободи-

тельную деятельность"[1], а никак не за "общественную", как предусматривало предыдущее Положение, и уж конечно, не за "религиозные убеждения", на что указывало самое первое советское постановление о праве убежища. Впрочем, и эта формулировка могла трактоваться довольно широко и, безусловно, охватывала, например, несколько тысяч китайских солдат и офицеров, отступивших на советскую территорию из оккупированной Японией в 1931 году Маньчжурии и интернированных, по требованию Японии, советским правительством[2].

Общая же подозрительность советского правительства к иностранцам лишь усиливалась. В марте 1933 года, арестовав шестерых английских инженеров фирмы "Метрополитен-Виккерс", работавших в СССР, по обвинению во вредительстве, советское правительство пошло на открытый дипломатический конфликт с Великобританией и урегулировало его только 1 июля, освободив англичан из тюрьмы "с обязательством выехать за границу"[3]. В следующем году все иностранцы, постоянно проживавшие в СССР, были разделены на две категории: эксплуатирующих наемный труд (и нелояльно относящихся к советской власти) и тех, про кого было "достоверно" известно об их полной лояльности Советам. Последние получили все избирательные права наравне с советскими гражданами[4]. Впрочем, эти права давно уже ничего не значили, а иностранцев, постоянно проживающих в СССР, советское правительство чаще всего использовало как своеобразных заложников, заставляя иностранные правительства идти на уступки угрозами репрессий против живших в Советском Союзе иностранно-подданных[5].

В рамках общей политики уменьшения контактов с

иностранными государствами советское правительство пошло на "сокращение консульской сети за границей" примерно вдвое[6]. Одни только аляскинские эскимосы получили право, которого раньше не имели — посещать своих собратьев в Чукотском национальном округе[7]; да дети командиров испанской республиканской армии — вывозимые в Советский Союз во время испанской гражданской войны[8].

Легальная эмиграция была между тем почти прекращена. Последние менониты уехали из СССР в 1930 году[9]. Русских эмигрантов в Англии, "желающих выписать из СССР своих родственников", отсылали к "Интуристу"[10], никого не выпуская, а для въезда русской жены французского гражданина требовалось теперь вмешательство министра Франции[11]. На законодательном уровне правительство, соответственно, выпускало лишь законы для предотвращения нелегальной эмиграции и уменьшения общего числа поездок советских граждан за границу[12]. Начиная с 1929 года, человек, когда-либо носивший чин выше рядового, не мог покинуть пределы СССР ни навсегда, ни на время[13]. Офицеры могли выезжать за рубеж только в командировки. Это было прямым следствием шпиономании и секретности, овладевших советским правительством, начиная с 1917 года. И законы, относившиеся к выезду и въезду, носили теперь лишь ограничивающий, запрещающий или карательный характер. Так, в 1933 году общесоюзным постановлением были лишены советского гражданства (многие — уже и второй раз) все те, кто выехал за пределы СССР после 25 октября 1917 года и принял иностранное подданство либо подал заявление о принятии такового[14]. В следующем году Уголовные кодексы СССР пополнились статьей об измене родине[15], причем дела об измене подлежали рас-

смотрению Военной коллегии Верховного суда СССР и военных трибуналов округов[16]. Изменой считались, среди прочего, бегство или перелет государственной границы. И здесь на помощь пришла уже проверенная система заложничества. Семьи пилотов становились заложниками их верности. Семьи "самолетчиков" и прочих беглецов — преступниками. За попытку побега через границу или перелета ее предусматривался расстрел или десятилетнее заключение с конфискацией всего имущества. Взрослые члены семьи беглеца также приговаривались к сроку от пяти до десяти лет с конфискацией всего семейного имущества, а несовершеннолетние члены семьи отправлялись в ссылку. Недонесение военнослужащего о готовившемся или совершенном побеге также каралось лишением свободы на десятилетний срок. Недонесение граждан, не считавшихся военными, наказывалось в обычном порядке, согласно статьям УК РСФСР и союзных республик. Издан был и закон, карающий случайные, непреднамеренные попытки перехода границы СССР без установленных паспортов и разрешений. Такое "преступление" каралось заключением в лагерь на срок от одного года до трех лет[17].

Огромное внимание уделяло советское правительство деятельности русской и украинской эмиграции, постоянно требуя от иностранных правительств прекращения работы той или иной эмигрантской организации[18] и не останавливаясь даже перед похищениями[19].

По иронии судьбы человек, подписавший первый в советской истории приказ о фактическом лишении гражданства двадцати шести русских дипломатов, отказавшихся признать советское правительство, через одиннадцать лет после этого был выслан из СССР. Но и эта высылка — первая со времен массовых высылок на-

чала 1920-х годов и последняя, до высылки А. И. Солженицына в феврале 1974 года — не была отмечена официальными правительственными документами: Троцкий был выслан из Советского Союза постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 18 января 1929 года[20]. И только в 1932 году, в числе трех десятков других людей, высланных или уехавших ранее, находящихся за границей "в качестве эмигрантов и сохранивших еще советские паспорта"[21], Троцкий и его семья были лишены советского гражданства[22].

Как вид наказания высылка советских граждан за границу официально прекратилась в ноябре 1935 года, когда Особое совещание НКВД, созданное в июле 1934 года и имевшее право применять административную высылку за границу[23], уточнило, что высылка за пределы СССР применима лишь в отношении иностранных подданных, являющихся особо опасными[24]. Высылка из СССР советских граждан уже не предусматривалась. Сталин справедливо рассудил, что это не наказание. И последними, вероятно, до начала Второй мировой войны из СССР выслали восьмерых японцев[25]. А вот лишение гражданства невозвращенцев два последних раза было публично применено в 1937 году[26], когда двое советских ученых — В. Н. Ипатьев и А. Е. Чичибабин — отказались от советского гражданства и перешли на положение невозвращенцев на Западе[27].

Но никогда советское правительство не захлопывало двери своей страны перед новыми гражданами и реэмигрантами. Через Президиум ВЦИК они всегда могли подать заявление о въезде в СССР[28]; и в случае разрешения их гостеприимно встречали одним и тем же: тюрьмой, лагерем или расстрелом. Человек, однажды побывавший за границей, становился врагом. Он видел иной мир и мог рассказать о нем. Борьба с инфор-

мацией, проникающей из некоммунистического мира, стала неотъемлемой частью эмиграционной и иммиграционной политики советского государства.

Отсутствие какого-либо добровольного движения через советскую границу с начала 1930-х годов и означало окончательное разрешение проблемы эмиграции и иммиграции. Путем идеологической обработки и террора советский режим заставил своих граждан забыть о самой возможности выезда, приравняв одно это желание к преступлению. Лишенные права эмиграции, советские граждане не смели мечтать об изменении своего подданства. И лишь одно "государство" всегда охотно принимало их в свое гражданство — *Архипелаг ГУЛаг*.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. С.З.СССР, 1930, ст. 366 и 367. Постановление ЦИК и СНК. Иностранные граждане, проживавшие за границей, принимались в советское гражданство по постановлению президиума ЦИК СССР, а проживающие на территории СССР — по постановлению ЦИК союзных республик. Отказ президиума ЦИКа союзной республики мог быть обжалован в президиум ЦИК СССР. Выход из советского гражданства для лиц, проживавших в СССР, допускался лишь с разрешения президиума ЦИК СССР или союзной республики, а для лиц, находившихся за границей, — с разрешения президиума ЦИК СССР. Исключения из данных правил составляли промышленные и сельскохозяйственные иммигранты и иностранцы, запрашивавшие убежище или менявшие гражданство в связи с вступлением в брак. В этом случае решение о приеме в гражданство или выход из него (для тех, кто находился в СССР) могло последовать решением окружного исполкома или полномочного представителя СССР (если заявитель находился за границей). Такая форма приема в гражданство или выхода из него называлась "упрощенной". Исполкомы и полпреды, однако, могли отказать заявителю в упрощенной форме и рекомендовать ему направить заявление в президиум ЦИК СССР или союзных республик.

В связи с ликвидацией округов (постановление ЦИК и СНК, от 30 октября 1930 г.) право "упрощенной" процедуры взяли на себя районные исполкомы и городские советы (см. там же, 1930, ст. 529, за подписями А. И. Рыкова и А. Червякова). Однако уже 23 ноября это право было у них забрано и передано краевым (областным) исполкомам, ЦИКам автономных республик и исполкомам автономных областей (см. там же, ст. 614, за подписями Калинина и Я. Рудзутака, "Об упрощенном порядке приема в гражданство Союза ССР и выхода из него").

В 1931 году было принято новое Положение о союзном гражданстве. От старого оно отличалось незначительно. Так, по новому положению иностранец принимался не в советское гражданство вообще, а в гражданство конкретной союзной республики, причем он должен был указать, гражданином какой республики хочет быть. Иностранцы, проживавшие за границей, могли быть приняты, соответственно, президиумами

ЦИК союзных республик, а не исключительно ЦИКом СССР (см. там же, 1931, ст. 195, декрет ЦИК и СНК СССР, от 22 апреля 1931 г., за подписями Калинина и Молотова).

Справки по установлению прав иностранного гражданства, начиная с 1932 года, могли выдавать лишь райисполкомы и горсоветы, в которых были специальные иностранные отделы или "столы". Все справки, выданные иностранцам, проживавшим в СССР, ранее, в нарушение этого закона, объявлялись недействительными (см. С.З. СССР, 1932, ст. 319, постановление ЦИК СССР, от 7 июля 1932 г., "О порядке выдачи справок по установлению прав иностранного гражданства").

2. Подробнее об этом см. Документы внешней политики СССР, том шестнадцатый, 1933. Москва, 1970, стр. 23–24, 26–27, 117, 131, 133, 195.

3. Подробнее см. там же, стр. 229–230, 233–240, 253–254, 340, 366–368, 372–373, 387–388.

4. См. С.З. СССР, 1934, ст. 395. Инструкция ЦИК СССР о выборах в Советы 1934–35 гг., утвержденная 2 октября 1934 г.

5. Так, вопрос "относительно легализации паспортов живущих в СССР аргентинцев" использовался для оказания на Аргентину давления с целью заставить ее признать советское правительство и сделать первый шаг в деле установления дипломатических отношений между двумя странами. (См. Документы внешней политики СССР, том восемнадцатый, 1935. Москва, 1973, стр. 515–516, 539–540). Французское правительство пугали отказами "в продлении пребывания в СССР некоторым французским гражданам" и намеками, что вообще перестанут давать въездные визы в СССР (см. там же, 1937, стр. 674).

6. См. там же, том двадцать первый, 1938. Москва, 1977, стр. 67.

7. См. там же, етр. 64–66, 205–206.

8. См. там же, стр. 455, 637. Этим перевозкам предшествовало одно довольно забавное постановление

сталинского правительства, изданное по требованию европейских держав, формально объявивших о невмешательстве в испанскую гражданскую войну: "О запрещении выезда и вербовки добровольцев в Испанию" (С.З.СССР, 1937, ст. 42, постановление СНК от 20 февраля 1937 г.). Согласно закону всем советским гражданам запрещалось выезжать в Испанию (западные державы предполагали, что у частного советского гражданина такая возможность есть) для участия в происходящих в Испании военных действиях между республиканской и франкистской армиями. Под страхом уголовного наказания советское правительство запретило само себе вербовать в республиканскую армию солдат на территории СССР. Само себе приказало оно затем не давать таким людям выездных виз и отпускать в Испанию только тех, кто едет туда для иных целей. В заграничных паспортах советских граждан указывалось "теперь", что выезжающему разрешен еще и въезд в Испанию (хотя каждая конкретная иностранная страна указывалась в паспорте и раньше). Продажа билетов в Испанию лицам, не имевшим таких отметок в паспортах, не производилась (и в этом тоже не было ничего нового). Запрещался и транзитный проезд через советскую территорию граждан иностранных государств, подписавших соглашение о невмешательстве в испанскую гражданскую войну, если они не имели в паспортах специальных отметок своих правительств с разрешением въезда в Испанию (но транзитом через СССР в Испанию, собственно, никто и не ехал). А если все же советские граждане, жаждавшие принять участие на стороне Республики в испанской гражданской войне, смогли обмануть бдительность своего правительства и пограничную охрану и пробрались на корабли, отходящие в Испанию, не имея на то соответствующего штампа в паспорте, то и тут ставились им преграды для участия в войне: капитаны советских судов не имели права высаживать в Испании тех советских и иностранных пассажиров, у которых не было все той же пресловутой паспортной отметки.

9. Вскоре после большевистского переворота менониты послали в Канаду делегацию из четырех человек, которая должна была получить разрешение канадского правительства на иммиграцию советских менонитов в Канаду. Другие же мениониты пытались договориться с

советскими властями о беспрепятственном продолжении ими своей религиозной деятельности в СССР. В 1925 году в Москву была отправлена петиция меннонитов с просьбой дать им свободу воспитывать и обучать своих детей в религиозном духе меннонитства. Но притеснения меннонитов лишь усиливались. И меннониты решили требовать и добились эмиграции. В следующие пять лет примерно 24 тысячи меннонитов покинули СССР. 21 тысяча обосновалась в Канаде. Остальные – в Южной Америке. К 1935 году почти все молитвенные дома меннонитов в Советском Союзе были закрыты. Впрочем, к этому времени было закрыто большинство храмов и других вероисповеданий.

10. См. Документы внешней политики СССР, 1933, стр. 761.

11. См. там же, стр. 523, 857.

12. Удивительно, что эти изменения, почти не отразившиеся в официальных документах, не ускользнули от редакторов издающегося в Лондоне ежегодника "Советский Союз". Если в статье 1928 года о выезде из СССР авторы предусматривали такую возможность для иностранцев и советских граждан, аналогичная статья 1929 года упоминала лишь иностранцев, покидавших пределы СССР. (См. A. Sandalov, L. Segal *The Soviet Union Year-Book,* London, 1928, p. 41; там же, 1929, стр. 41.)

13. См. С.З.СССР, 1929, ст. 427. Постановление ЦИК и СНК, от 17 июля 1929 г. Отныне заграничные паспорта лицам, состоявшим в рядах Красной армии, выдавались "подлежащими органами с соблюдением особых правил", установленных наркоматом по военным и морским делам по согласованию с ОГПУ, что на практике означало полный запрет на выезд. Военнослужащие, уволенные в запас (кроме рядовых), в теории могли получить заграничный паспорт через военное управление или командование территориальных дивизий. Но и этот пункт законодательства на практике означал запрет на выезд. И только рядовые могли получать заграничные паспорта на общих основаниях.

14. См. С.З. СССР, 1933, ст. 200. Постановление ЦИК

и СНК, от 27 мая 1933 г., за подписями Калинина и Молотова.

15. См. там же, 1934, ст. 255. Постановление ЦИК, от 8 июня 1934 г. "Дополнения к положению о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных преступлениях против порядка управления)".

16. См. там же, ст. 284. Постановление от 10 июля 1934 г.

17. См. там же, 1936, ст. 423, от 5 октября 1936 г. В связи с этим была изменена 84 статья УК РСФСР и соответствующие статьи УК союзных республик (см. С.У. РСФСР, 1936, ст. 141, от 10 ноября 1936 г.).

18. Об этом свидетельствуют многочисленные документы, опубликованные в многотомнике "Документы внешней политики СССР". См., например, Документы внешней политики СССР, 1933, стр. 67–68, 282, 322, 384, 578, а также Документы внешней политики СССР, том двадцатый, 1937. Москва, 1976, стр. 267; там же, 1935, стр. 22, 120, 146, 485–486.

19. См., в частности, Б. Прянишников. Незримая паутина. США, 1979. Самыми известными похищениями были похищения генералов Кутепова и Миллера. Но советская власть не останавливалась и перед "мелкими" кражами. Особенно часто похищали русских эмигрантов из приграничных маньчжурских районов (см. Документы внешней политики СССР, 1933, стр. 502, 530).

20. См. Изгнание из Эдема. Материалы о высылке Льва Троцкого из СССР. — Страна и мир, № 3, 1984, стр. 50–51. На высылку Троцкого косвенно указывали два постановления, опубликованные в собрании советских законов, о переименовании двух городов Троцк и Троцкого района соответственно в Чапаевск, Красногвардейск и Красногвардейский район (см. С.З. СССР, 1929, ст. 109, постановление ЦИК СССР от 7 февраля 1929 г.; там же, ст. 470, постановление президиума ЦИК от 2 августа 1929 г.).

21. Там же, 1932, ст. 70. Постановление президиума ЦИК СССР, за подписью Калинина, февраль 1932.

22. За "контрреволюционную деятельность" были лишены гражданства СССР с запрещением въезда в Советский Союз, в том числе и по заграничным паспортам иностранных государств, следующие лица:

" 1. Абрамович-Рейн Рафаил Абрамович,
2. Аронсон Григорий Яковлевич,
3. Аронсон-Каплан-Рубинштейн Анна Яковлевна,
4. Айзенштадт-Юдин Исай Львович,
5. Биншток Григорий Осипович,
6. Бронштейн-Гарви Петр Абрамович,
7. Бронштейн-Гарви Софья Самойловна,
8. Бронштейн Зинаида Львовна,
9. Бронштейн Або Аронович,
10. Верещагин Иван Павлович,
11. Волин Всеволод Михайлович,
12. Волосов Борис Исаевич,
13. Гоффенберг Иосиф Соломонович,
14. Гуревич Борис Львович,
15. Гурвич-Дан Федор Ильич,
16. Грюнвальд Евгения Ивановна,
17. Гурвич-Цедербаум-Канцель Лидия Исиповна,
18. Доманевская Ольга Осиповна,
19. Дюбуа Анатолий Эдуардович,
20. Израиль Ефим Львович,
21. Ладыженский Иван Иванович,
22. Моносзон-Шварц Соломон Меерович,
23. Новаковский Яков Соломонович,
24. Николаевский Борис Иванович,
25. Носков-Ардонев Петр Васильевич,
26. Пескин Матвей (Мордух) Абрамов,
27. Порш Николай,
28. Потресов Александр Иванович,
29. Потресова Екатерина Александровна,
30. Рейн-Абрамович Роза Павловна,
31. Рейн-Абрамович Марк Рафаилович,
32. Седов Лев Львович,
33. Седова Наталья Ивановна,
34. Троцкий (Бронштейн) Лев Давыдович,
35. Шифрин Александр Михайлович,
36. Шишкин Матвей Дмитриевич,
37. Югов-Фрумсон Арон Абрамович".

23. См. С.З.СССР, 1934, ст. 283. Постановление ЦИК, от 10 июля 1934 г.

24. См. там же, 1935, ст. 84. Постановление ЦИК и СНК СССР "Об Особом совещании при НКВД", принятое 5 ноября 1935 г. в развитие постановления от 10 июля 1934 г.

25. См. Документы внешней политики СССР, 1938, стр. 166.

26. Согласно положению о гражданстве СССР, утвержденному 13 июня 1930 года постановлением ЦИК и СНК (см. С.З.СССР, 1930, ст. 366, 367), лишение советского гражданства могло производиться лишь по постановлению президиума ЦИК СССР. Постановления президиумов ЦИК союзных республик о лишении советского гражданства во всех случаях подлежали утверждению ЦИКом СССР. Инструкция о применении этого постановления была разработана НКИД совместно с ОГПУ и наркоматом внутренних дел. Именно так, постановлением президиума ЦИК СССР от 5 января, на основании Положения о гражданстве СССР от 22 апреля 1931 г., и были лишены гражданства Ипатьев и Чичибабин.

27. См. С.З. СССР, 1937, ст. 11 и 12, от 5 января 1937 г. Опубл. в "Правде".

28. См. С. З. СССР, 1931, ст. 195, от 22 апреля 1931 года.

Приложение I

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПОГРАНИЧНЫХ ВОЙСКАХ СССР

Многочисленные советские законы о пресечении нелегальных переходов границы имели бы мало веса, не создай советская власть сильную пограничную охрану. Удивительно, однако, что первоначально, ленинским декретом от 28 мая 1918 года, пограничная охрана была учреждена при наркомате финансов[1]. Очевидно, советское правительство в тот период смотрело на охрану границ прежде всего с экономической точки зрения. Это, собственно, следует и из текста декрета. Пограничная охрана учреждалась для защиты в пограничной полосе "личности и имущества граждан", в частности, "воспрепятствования тайного провоза грузов

и тайного перехода лиц через сухопутные и морские границы", "защиты от расхищения водных богатств в наших пограничных и территориальных водах", "надзора за соблюдением на пограничных реках правил международного судоходства", "охраны наших рыбаков и промышленников в пограничных морях, озерах и реках", "защиты наших пограничных селений от нападения разбойников и кочевых племен", "осуществления в потребных случаях пограничного карантина".

О политических целях пограничной охраны декрет, следовательно, не упоминает. Однако структура пограничных войск начинает формироваться уже в это время. Так, согласно декрету от 28 мая охрана располагалась "в одну или несколько линий", причем "пространство от пограничной черты до расположения застав 1-й линии и семиверстное пространство от этих застав во внутрь Республики" считалось "пограничною полосою". А "пространство воды в двенадцать морских миль от линии наибольшего отлива морских побережий", "как на материке, так и на островах", объявлялось "морскою таможенною полосою", в пределах которой все советские и иностранные суда подлежали надзору со стороны пограничной охраны.

Для практического осуществления контроля над границей вдоль всей пограничной линии устанавливалась мертвая шестиаршинная полоса, по которой разъезжали всадники пограничной охраны. Все строения, пашни и огороды в этой полосе уничтожались.

На службу в пограничную охрану принимались граждане РСФСР на тех же основаниях, что и в Красную армию, т. е. по найму, причем в комиссии пограничной охраны, ответственные за набор людей, входило по одному представителю местных Советов с правом решающего голоса. Непосредственное руководство по-

гранохраной лежало на Главном управлении пограничной охраны, при котором образовывался Совет пограничной охраны из двух комиссаров и одного военного руководителя. А снабжение пограничников проводилось на тех же основаниях, что и в Красной армии. Таким образом, никаких льгот пограничная охрана не имела.

Постепенно, однако, пограничные войска начинают играть все более и более важную роль, причем их выводят из-под ведомства наркомата финансов и передают наркомату по военным делам. Первоначально это делается на Украине, где мартовским декретом 1919 года "организация частей пограничной охраны" была поручена военному ведомству по соглашению с Советом народного хозяйства Украины[2]. Наряду с таможенными функциями пограничники начинали теперь выполнять и функции военные. В частности, "с объявлением войны части пограничной охраны, находящиеся на театре военных действий", передавались "в подчинение командующего фронтом и командующих армиями". И только несколько позже погранохрана начала выполнять обязанности по охране советских границ от собственных граждан. В октябре 1922 года правительство Украины, опасаясь нелегальной эмиграции из советской страны, ввело пятнадцативерстную пограничную зону, въезд в которую допускался лишь "в исключительных случаях по служебным командировкам и с разрешения... НКВД"[3].

Усиление пограничной службы и придание ей особого значения было вызвано многочисленными факторами. В 1922 году закончилась присоединением Дальневосточной республики Гражданская война. Все попытки советского правительства разжечь европейскую революцию провалились. Предстояло строить "социализм в

одной стране", самостоятельное социалистическое государство. Тут уже приходилось думать не об отсутствии границ у мирового коммунистического содружества, а о самой что ни на есть строгой пограничной охране. Введение НЭПа предполагало расширение контактов советских республик с заграницей. И Ленин немедленно отреагировал на это послабление. ..."Частичное открытие границ несет с собой серьезнейшие опасности, — писал Ленин и добавлял, — в смысле проникновения в Россию без малейшей возможности контроля для нас /.../ всяческих агентов..."[4].

Опасался ли Ленин только проникновения извне или же боялся еще и нелегальных эмигрантов — не так уж важно. И в том и в другом случае он должен был принять — и принял — одно решение: об укреплении пограничных войск. А самым быстрым образом сделать из простых войск элитарные можно было путем улучшения материального положения пограничников. И советское правительство пошло именно по этому пути. Оно стало постоянно увеличивать денежные оклады погранохраны. Уже в октябре 1922 года постановлением СНК была введена 50% надбавка к основному окладу пограничников[5]. В январе 1923 года низкооплачиваемым пограничникам плата была увеличена еще на 100%, высокооплачиваемым — еще на 50%[6]. Кроме того, выплачивали пограничникам и "добавочные" — квартирные, дровяные, подъемные, командировочные и другие денежные выдачи. Командному составу предоставлялись особые льготы. Так, служащие в отдаленных районах (на северной, туркестанской, сибирской, дальневосточной, кавказской и персидской границах) через два года могли перевестись, причем получали вознаграждение в размере 25% годового оклада за каждые два года беспрерывной службы. В среднем 15% годового

оклада офицеров выплачивалось им в дополнение к зарплате в виде премий[7]. Рядовые, поступившие на службу добровольно, также получали беспрестанные повышения в окладе. Через месяц после начала службы добровольцу давалось единовременное пособие в 200% годовой зарплаты, а ежегодно (при условии беспорочной службы) еще и 25% вознаграждение. Лишение 25%-й премии могло производиться лишь в судебном порядке. Если доброволец оставался служить на вторые четыре года, ему начислялась ежегодная премия не в 25, а в 50% годового оклада. Добровольцам давался еще и месячный оплаченный отпуск, а в случае его неиспользования — тринадцатая зарплата[8].

Таким образом, пограничные войска становились не только привилегированными, но и кастовыми. В них брались добровольцы, "происходящие из рабочих и крестьян", "грамотные", "политически удовлетворительно развитые", "не подвергавшиеся по суду или в административном порядке наказаниям за правонарушения", "не бывшие в рядах Белых армий". В погранвойска не могли быть вообще зачислены "уроженцы закордонных областей (губерний, районов), а "уроженцы приграничных губерний или областей, а равно имеющие постоянное местожительство в них", могли "приниматься на службу при условии согласия на переброску их в другие губернии", но ни в коем случае не могли "назначаться на службу в части и учреждения пограничного корпуса, расположенные на территории той губернии или области, в которой они имели постоянное местожительство, или из которой они происходят"[9]. (Так создавались преграды для контактов пограничников с местным населением, в чем советское правительство справедливо усматривало для себя опасность.)

С 1923 года пограничные войска находились уже в ведении ГПУ и именовались "отдельным пограничным корпусом войск государственного политического управления". Для облегчения их службы вдоль всей советской границы очищалась от лесных массивов и прочих преград пятнадцатисаженевая пограничная полоса, которая, впрочем, по соглашению с НКВД и РВСР могла быть расширена или сужена[10].

С 1927 года в обязанности пограничных войск ОГПУ входили уже не только обеспечение неприкосновенности границ и борьба с их нарушителями, но и политическая охрана границ, под которой понимались борьба с попытками незаконного ввоза в СССР несоветской литературы или оружия и пересечениями границы с целью антисоветских действий. На пограничные войска возлагалось также поддержание "революционного порядка" в пограничной полосе, которая к этому времени увеличилась до 22 километров (двадцати с небольшим верст). Переход границы допускался лишь через контрольно-пропускные пункты (КПП) погранохраны, и лица, пытавшиеся перейти границу в не установленных для ее перехода местах или не имевшие на то надлежащих документов, признавались нарушителями государственной границы СССР и в некоторых случаях подлежали уголовной ответственности[11].

По закону 1927 года вдоль всей советской границы устанавливалось несколько пограничных сухопутных полос: четырех- и 500-метровые и семи с половиной и двадцатидвухкилометровые. По морской границе устанавливались семи с половиной и двадцатидвухкилометровые пограничные береговые полосы и двенадцатимильная морская полоса от побережья (в том числе и вокруг островов). Декретом от 20 декабря 1927 г.[12] 4-метровая полоса вдоль всей советской границы была

изъята из пользования всех частных лиц и организаций и передана погранвойскам. Дополнительные 4-метровые полосы были изъяты еще и под пограничные дороги.

В 500-метровой полосе нахождение отдельных хуторских построек допускалось лишь с разрешения пограничных войск, а в местах расположения укрепленных районов (УРов) — с разрешения наркомата военно-морских дел. Въезд в пределы семи с половиной километровой полосы и отдельные районы 22-километровой полосы запрещался всем, кроме местных жителей и лиц, имеющих специальные на то пропуска ГПУ или НКВД[13].

В пограничной полосе охрана обладала довольно большой властью. В семи с половиной километровой полосе она могла делать засады и высылать дозоры, независимо от того, в чьем ведении находился занимаемый участок. В 22-километровой полосе пограничники могли остановить или задержать каждого подозрительного, подвергнуть его проверке документов и обыску, причем давалось право и на обыск помещений. В случае преследования подозреваемого в нарушении границы аресты, обыски и выемки разрешалось производить и за пределами 22-километровой полосы. Пограничники имели также право высылать в административном порядке из семи с половиной километровой полосы тех, кто поселился там, по их мнению, без надлежащих разрешений[14] А для "поддержания революционного порядка в пограничной полосе", т. е. для подавления антиправительственных выступлений, согласно правилам, установленным ОГПУ и НКВД, погранохрана вызывала для усмирения регулярные войска Красной армии.

Надзору пограничной охраны подлежали и все суда,

находящиеся в советских территориальных водах, причем преследование подозреваемых нарушителей могло продолжаться и в нейтральных водах и приостанавливалось только в территориальных водах другой страны, если судно было иностранным. Советское же судно, пытающееся нелегально покинуть пределы СССР, могло быть атаковано советской пограничной охраной на всем пути, до момента вхождения его в иностранный порт. При обнаружении на судне лиц, пытающихся покинуть Советский Союз без должных документов, задержанию подлежало все судно, если оно было советским. Иностранное же судно не арестовывалось (уводились с него лишь нелегальные эмигранты). Пограничная охрана имела право и на применение оружия, с тем единственным условием, чтобы пули не ложились на территорию иностранного государства.

В 1934 году ОГПУ было включено в состав НКВД. Главное управление пограничной и внутренней охраны (ВОХР) стало входить теперь непосредственно в наркомат внутренних дел[15]. На следующий год была отменена семи с половиной километровая полоса, и для въезда и выезда из 22-километровой полосы вводились новые, куда более жесткие правила[16]. Например, за проживание в пограничной полосе без специального разрешения органов НКВД предусматривалось по постановлению Особого совещания заключение в лагерь на срок от года до трех лет. Такому же наказанию подлежали председатели колхозов и совхозов, коменданты предприятий и все прочие должностные лица, допустившие проживание в находившихся под их наблюдением домах незаконновъехавших.

Так была оформлена система охраны границ СССР, самая дорогостоящая в мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. С.У. РСФСР, 1917–18, ст. 539. Постановление СТО "Об учреждении пограничной охраны", от 28 мая 1918 года.

2. См. С.У. УССР, 1919, ст. 349. Декрет СНК УССР "О частях пограничной охраны", опубл. в "Вістях", 21 марта 1919 г.

3. Там же, 1922, ст. 677. Про вільний переїзд всіх громадян по терені УССР, 22 октября 1922 г. "Право въезда в пограничную полосу и выезда из нее без разрешения органов НКВД" предоставлялось "членам ЦИК УССР, ВЦИК, наркомам и членам коллегий наркоматов, а также лицам, командируемым в пограничные зоны некоторыми наркоматами и ведомствами, на что должны были указывать соответствующие документы командируемых. См. там же, С.У. УССР, 1922, ст. 794, от 19 декабря 1922 г.

4. Ленин, ПСС, т. 45, стр. 337.

5. Упомянуто в С.У. РСФСР, 1923, ст. 118.

6. См. там же, Постановление СТО "Об улучшении материального положения пограничных войск", от 31 января 1923 г., за подписью А. Рыкова. Оклады пограничников были разными, в зависимости от "разряда" (каковых было двадцать шесть). Первые десять разрядов считались низкими.

7. Данное постановление распространялось и на пограничные пункты, контрразведывательного отдела, в размере не свыше 500 человек.

8. В случае смерти добровольца при исполнении служебных обязанностей его семье выплачивалось единовременное пособие в размере годового заработка погибшего.

9. См. С.У.РСФСР, 1923, ст. 293 от 16 марта 1923 г. "Положение о наборе и службе добровольцев-красноармейцев отдельного пограничного корпуса войск ГПУ".

10. См. там же, ст. 422. Постановление СТО, от 4 мая 1923 г., за подписью Цюрупы, "О вырубке леса в пограничной полосе". Заготовленная таким образом древесина, очень ценная в 1923 году, предоставлялась в распоряжение пограничных войск для постройки кордонов и топлива. Избыток древесины получал наркомат земледелия.

11. См. С.З.СССР, 1927, ст. 624–625. Постановление ЦИК и СНК "Об охране государственных границ СССР", от 15 июня 1927 г.

12. См. С.У.РСФСР, 1928, ст. 40.

13. За некоторыми исключениями это постановление не относилось к приморским курортам.

14. См. С.З.СССР, 1929, ст. 547.

15. См. там же, 1934, ст. 283. Постановление ЦИК, от 10 июля 1934 г.

16. См. там же, 1935, ст. 377. Постановление ЦИК и СНК СССР "О въезде и проживании в пограничных полосах", от 17 июля 1935 г.

Приложение II

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АМНИСТИЯХ

Амнистирование советским правительством тех или иных категорий иностранцев, эмигрантов и людей, пусть и не являвшихся эмигрантами, но находившихся вне досягаемости советской власти — происходило по целому ряду причин. Иностранцев амнистировали прежде всего согласно подписанным советским правительством с иностранными государствами договорам, на условиях взаимности. В 1921 году была даже создана специальная "междуведомственная комиссия по проведению амнистии согласно международных договоров, заключенных РСФСР". В комиссию входили представители ВЧК, НКВД, НКЮ и НКИД. Председательствовал в комиссии представитель наркомата внутренних дел[1].

За редчайшим исключением, как например, во время войны с Польшей[2], под эти амнистии подпали все иностранцы (либо лица, оптировавшие иностранное подданство), являвшиеся гражданами Германии, Австрии, Венгрии, Латвии, Эстонии, Литвы, Финляндии, Турции и ряда других государств[3].

Амнистии тех лет были вызваны и желанием советской власти переманить на свою сторону членов антисоветских организаций и военнослужащих Белых армий и этим ослабить сопротивление большевизму как на фронтах Гражданской войны, так и в тылу. Первый опыт подобной амнистии советское правительство провело 12 июля 1919 года, когда обратилось "к лицам, случайно оказавшимся в рядах белогвардейских организаций, с призывом явиться в ВЧК с повинной"[4]. Но здесь речь шла прежде всего об антисоветских организациях, действующих на территориях, контролируемых советской властью.

В надежде ослабить Белую армию ВЦИК дважды на протяжении 1920 года, в июле и сентябре, заявлял, что амнистирует офицеров, перешедших на сторону большевиков[5]. А в марте 1921 года украинское советское правительство амнистировало "виновных в бандитизме" в случае, если они явятся в распоряжение местных властей до 15 апреля 1921 года, сдадут оружие и дадут обещание не принимать участия в борьбе против советской власти. Кроме того, амнистированы были украинские граждане, эмигрировавшие за границу во время Гражданской войны или в связи с нею, если они возвращались на Украину и давали обещание лояльно относиться к советской власти, причем этот пункт амнистии относился как к гражданским, так и к военным лицам[6].

Изданная чуть позже инструкция по проведению ам-

нистии указывала, что явиться с повинной эмигранты могут в любые сроки, вплоть до отмены настоящего постановления. Право устанавливать искренность раскаяния эмигрантов и "бандитов" принадлежало комитетам незаможных крестьян, но в отношении эмигрантов иструкция рекомендовала "руководствоваться не общими, а специальными... правилами, содержащимися в амнистии, причем эти правила, как ограничительные", не подлежали "распространительному толкованию". Выражение "в связи с гражданской войной" инструкция НКЮ трактовала как относящееся к лицам, "виновным как в уклонении от участия в гражданской войне на стороне трудящихся, так и участие в ней на стороне врагов рабоче-крестьянского правительства". Инструкция разъясняла, что амнистия распространяется и на приговоренных к высылке. Такие лица освобождались от ответственности. "Объявление вне закона" приравнивалось теперь к наказанию "свыше пяти лет", а, следовательно, по инструкции, заменялось, в случае добровольной явки и истинного раскаяния, пятилетним сроком заключения. Распространялась амнистия на осужденных гражданскими и военными судами, в том числе и на лиц, отбывающих сроки в РСФСР[7].

В ноябре 1921 года правительство РСФСР объявило об амнистии рядовых членов антисоветских организаций и Белых армий, эмигрировавших за рубеж[8]. Сделано это было для разрушения Белого движения изнутри, но кроме того — из выгод пропагандистских. Амнистия, в частности, распространялась на рядовых солдат армий Колчака, Деникина, Врангеля, Петлюры, Булак-Балаховича, Перемыкина, Юденича, а также на рядовых членов организации Савинкова. Все эти люди находились в приграничных советским республикам странах —

Польше, Румынии, Эстонии, Литве и Латвии и представляли для советской власти реальную угрозу[9]. Аналогичный закон об амнистии приняла 30 ноября 1921 года советская Украина, разрешив "заблудившимся соотечественникам, томящимся на чужбине в тяжелой обстановке всеобщего отчуждения и презрения", вернуться в УССР, если они были рядовыми военнослужащими Белых армий. В дополнение к этой амнистии в апреле 1922 года правительство советской Украины разрешило вернуться на родину "всем находящимся за границей лицам украинского гражданства, кои принимали участие в военных организациях Скоропадского, Петлюры, Деникина, Врангеля и других". Они могли вернуться на Украину на общих основаниях с военнопленными.

Одновременно с этим, однако, были объявлены вне закона Павло Скоропадский, Симон Петлюра, Юрко Тютюник, Нестор Махно, Петр Врангель, Александр Кутепов и Борис Савинков – т. е. почти все видные руководители антисоветского движения, про которых и так было ясно, что на родину они не вернутся. Въезд на территорию УССР бывших генералов или командующих Белых армий, а также членов несоветских правительств Украины и центральных комитетов политических партий разрешался только по индивидуальным ходатайствам[10].

4 ноября 1921 года, по случаю четвертой годовщины октябрьского переворота, ВЦИК постановлением за подписью Калинина амнистировал "участников Кронштадтского мятежа, рабочих и крестьян, вовлеченных в движение по малосознательности"[11]. А годом позже в аналогичной амнистии подчеркнул, что под нее подпадают и рядовые кронштадтские восставшие, эмигрировавшие за границу, прежде всего в Финляндию[12]. В

мае 1923 года срок амнистии восставшим кронштадтцам был продлен до 15 июля 1923 года под тем предлогом, что "значительная часть рабочих и крестьян, подлежащих амнистии", проживавшая "в отдаленных местностях Финляндии, не имела возможности своевременно заявить о желании воспользоваться названной амнистией"[13]. Но такой аргумент, кажется, звучал не слишком убедительно, так как территория Финляндии была крохотной.

Тем не менее советское правительство продолжало заманивать к себе эмигрантов путем амнистий. 11 июля 1923 года была объявлена амнистия в Белоруссии, "по случаю третьей годовщины освобождения Минска". Амнистия распространялась, в частности, на "бессознательно вовлеченных" в борьбу против советской власти белорусских крестьян, ушедших за границу[14]. А указом от 9 июня 1924 года ноябрьская амнистия 1924 года была распространена еще и на рядовых солдат армий, ушедших в Западный Китай и Монголию[15].

30 апреля 1923 года декретом ВЦИК амнистировали "карельских беженцев" и участников "карельской авантюры", т. е. население Карелии, ушедших от большевиков в Финляндию в 1921–22 годах. Как обычно, амнистированы были только рядовые граждане, а руководители "карельской авантюры", продолжавшие свою антисоветскую деятельность "за пределами Карельской трудовой коммуны", под амнистию не попали. Воспользоваться амнистией карельские беженцы могли до 1 января 1924 года, причем непременно на условиях возврата, вместе с семьями, в РСФСР[16]. Несколько позже срок явки с повинной был продлен до 1 мая 1924 года[17], а затем до 1 января 1926 года[18].

Амнистии 1920-х годов не ограничены приведенным выше списком: здесь указаны лишь наиболее важные

амнистии, касавшиеся ушедших за рубеж участников антисоветских движений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. С.У. РСФСР, 1921, ст. 74, от 10 февраля 1921 г., за подписями Калинина и Енукидзе. См. также С.У. УССР, 1921, ст. 583, от 12 октября 1921 г., об образовании при НКЮ междуведомственной комиссии по проведению амнистии согласно международным договорам УССР. Окончательно упразднены эти комиссии были в 1923 г., после того как основная масса иностранцев или лиц, оптирующих иностранное подданство, покинули пределы советских республик (см., в частности, С. У. УССР, 1923, ст. 116, от 24 февраля 1923 г.).

2. Так, под амнистию 1 мая 1920 года не подпали поляки, "как подданные государства, поднявшего[ся] на вооруженную борьбу против советской России" (см. Декреты советской власти, т. 8. Москва, 1976, стр. 143).

3. Типичным в этом отношении был декрет ВУЦИК УССР от 11 мая 1921 года об объявлении амнистии польским гражданам (С.У.УССР, 1921, ст. 239, за подписью Петровского). Во исполнение статьи 10-й мирного договора с Польшей, подписанного в Риге 18 марта 1921 г. и ратифицированного 17 апреля, президиум ВУЦИК, заслушав доклады наркомов юстиции и иностранных дел, даровал польским гражданам амнистию по всем преступлениям, совершенным до ратификации договора. По амнистии освобождались лица, совершившие преступления против государственного строя или безопасности Украины или в интересах Польши, а также все прочие поляки или оптанты польского гражданства, осужденные в административном порядке или за дисциплинарные проступки. Уголовные преступники подлежали выдаче польскому правительству вместе с делопроизводством, причем вынесенные по таким преступлениям смертные приговоры приостанавливались. (В случае отказа польского правительства затребовать осужденного на казнь польского гражданина вопрос о приведении в исполнение смертной казни решался ВУЦИКом.)

Сношения с польским правительством по делам, касавшимся амнистии польских граждан, могли производиться только через НКИД, и ни одно лицо или учреждение не имели права самостоятельно осуществлять

выдачи или высылки поляков. Инструкции и распоряжения, изданные ранее по делам о преследовании преступлений и проступков польских граждан — беженцев, пленных, заложников, интернированных и других категорий — с момента публикации декрета об амнистии утрачивали свою силу.

3 июня 1921 года украинским правительством была утверждена специальная инструкция НКИД и НКЮ "О порядке применения амнистии польским гражданам" (см. С.У.УССР, 1921, ст. 240, за подписями Раковского и Буздалина).

4. Правда, 12 июля 1919 г. № 151.

5. См. Декреты советской власти, т. 9. Москва, 1978, стр. 7—8; там же, т. 10, Москва, 1980, стр. 156—158.

6. См. С.У. УССР, 1921, ст. 91. Постановление Пятого Всеукраинского съезда Советов. Опубл. в газете "Вісти" 5 марта 1921 г.

7. См. там же, ст. 92, за подписью наркомюста Канарского, от 10 марта 1921 г., Харьков. Опубл. в газете "Вісти" 15 марта 1921 г. "Бандиты", однако, не торопились сдаваться. И 19 апреля 1921 года советское правительство Украины опубликовало постановление о продлении сроков добровольной явки "бандитов" в распоряжение местных властей до 15 мая 1921 г. (см. С.У.УССР, 1921, ст. 186, опубл. в "Вістях"). Согласно постановлению сроки добровольной явки продлялись из-за того, что "население УССР вследствие растройства транспорта и средств сообщения не было оповещено достаточно широко об этой амнистии, в силу чего некоторые элементы, вовлеченные в бандитизм и состоящие в бандитских шайках, укрывающихся вдали от населения, будучи неосведомлены, не могли в установленный срок явиться добровольно".

8. См. С.У. РСФСР, 1921, ст. 611. Декрет ВЦИК от 3 ноября 1921 г.

9. Амнистированным предоставлялась возможность вернуться на общих основаниях с военнопленными.

10. См. С.У.УССР, 1922, ст. 287, постановление

ВУЦИК от 12 апреля 1922 г. Правда, 2 января 1924 г. ВУЦИК постановил помиловать Юрка Тютюника и отменить постановление об объявлении его вне закона (см. там же, 1924, ст. 5).

11. С.У. РСФСР, 1921, ст. 614.

12. См. там же, 1922, ст. 820, от 2 ноября 1922 г.

13. Там же, 1923, ст. 473, декрет ВЦИК от 22 мая 1923 г. Амнистированные участники Кронштадтского восстания получили даже право, если они того желали, оставаться за границей, зарегистрировавшись в советском полпредстве и запросив заграничный вид на жительство для советских граждан (см. там же, ст. 584, постановление НКИД "Правила выдачи заграничными органами НКИД заграничных видов на жительство российским гражданам", от 5 июня 1923 г., за подписью Литвинова).

14. См. С.У. РСФСР, 1923, ст. 795.

15. См. там же, 1924, ст. 508, "О распространении амнистии, объявленной 3-го ноября 1921 года на всех находящихся на Дальнем Востоке, в Монголии и Западном Китае рядовых солдат Белых армий". Утверждено 9 июня 1924 г.

16. См. там же, 1923, ст. 405, "Об амнистии карельским беженцам", от 30 апреля 1923 г.

17. См. там же, 1924, ст. 20, "О сроке подачи заявлений о желании воспользоваться амнистией для карельских беженцев", от 24 декабря 1923 г.

18. См. там же, 1925, ст. 131, о предоставлении ЦИК Автономной Карельской ССР "права персональной амнистии карельских беженцев, не успевших зарегистрироваться до 1-го мая 1925 года", от 16 марта 1925 г.

7-50
5р. 90к.